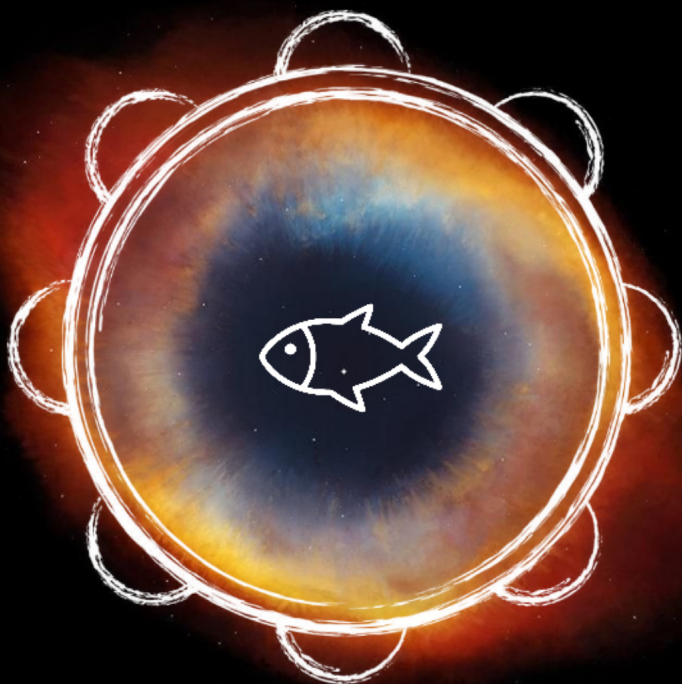

18+

Спецоперация, или Где вы были 4000 лет?

Ирина Владыкина

Ирина Владыкина

Спецоперация,

или Где вы были 4000 лет?

2022

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Владыкина Ирина

В57 Спецоперация, : или Где вы были 4000 лет? / Ирина
Владыкина. — [б. м.] : [б. и.], 2022. — 328 с.
[б. н.]

Роман Ирины Владыкиной рассказывает об обретении человеком смыслов собственной жизни, побуждает читателя взглянуть в свой внутренний мир и задуматься о предназначении. Причудливое смешение реальностей и времён помогает иначе взглянуть на происходящее в нашей жизни.

Вместе с главным героем романа читателю предстоит иначе взглянуть на реальность и отделить прошлое и настоящее... но возможно ли это?

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ЗА КАДРОМ

Все совпадения случайны, любая интерпретация
на совести читателя :-)

Человек в коричневом балахоне с капюшоном быстро передвигался по длинному коридору. Мелькали многочисленные двери, ничем не отличающиеся друг от друга. У одной из них человек остановился, распахнул створку резким движением и оказался в огромной зале, сверху донизу заставленной каталожными шкафами. Казалось, ряды полок внутри нагромождались бесконечно, так что не было никакой возможности точно сказать, где они начинаются, а где заканчиваются. Вместо привычных букв на стеллажах были выгравированы символы с изображениями разных животных. Человек в коричневом балахоне с капюшоном прикоснулся к рыбе, внимательно посмотрел на нее и задумчиво перевел взгляд на соседние полки с картинками быка и агнца.

Через пару секунд он заметил, что в углу комнаты за столом-партой, сидел человек, одетый сходным образом. Он увлеченно что-то писал, и, казалось, не замечал, что находится в комнате не один. Выждав немного и не получив никакой реакции, вошедший вежливо кашлянул, как будто извиняясь, и громко произнес, чтобы уже наверняка быть услышанным:

— Все готово? Мы можем начинать?

Сидящий за столом поднял глаза и спокойно, но с некоторым недоверием в голосе, ответил:

— Да. Все готово для запуска вашей Спецоперации. Коррективы в каталог внесены. Но я еще раз хочу предупредить, что это не совсем по правилам и может закончиться не так, как вы планировали.

Вошедший, пытаясь скрыть свою обеспокоенность и неуверенность, продолжил довольно строго:

— Мы уже все обсудили. Я остановлюсь на этом варианте развития событий. Так как речь идет о моем подопечном, то и решение принимать мне. К тому же, — он понизил голос, — Большие рекомендовали действовать как можно скорее.

Сидящий за столом человек не особо хотел возражать, но правила есть правила, и, чтобы нарушения вызвали как можно меньше последствий, ему важно было продумать все, учесть как можно больше деталей.

— Учли ли вы то, что в этой Спецоперации будет участвовать не только ваш подопечный? Дело может закончиться плохо.

Его собеседнику обсуждение явно было не по нраву:

— Я бы завершил этот разговор. Нужно начинать.

Второй человек в балахоне с капюшоном встал из-за стола, жестом указал на стеллаж с символом рыбы, нарисованной схематично в виде двух пересекающихся дуг. Еще одна дуга отделяла голову рыбы от ее туловища, а посередине в виде большой точки был обозначен глаз, втягивающий в себя свет, словно черная дыра.

Когда второй человек в капюшоне сел обратно, первый выдвинул ящик, достал оттуда стопку патронов и начал их торопливо перебирать, бормоча себе под нос: «Не совсем то, немного не подходит, не те детали!»

Довольно быстро он нашел, что искал. С легкой улыбкой оглядел оставшиеся в руках три патрона, на каждом из которых была нарисована рыба.

— Ага, вот они. Давайте ознакомимся с материалом. Файл №1: Земля, Шумер, Урук, земное время — 2450 лет

до новой эры. Файл №2: Земля, Шумер, Кузалла, земное время — 2425 лет до новой эры. Файл №3: Земля, Страна, Город, земное время — 2022 год новой эры.

— Ну что ж, посмотрим. Будьте внимательны, ничего не перепутайте. — сказал второй.

Он вставил картридж №1 в компьютер, какими пользовались еще в 90-е годы 20 века.

На экране появилось изображение зиккурата храма, жрец, стоящий на зиккурате и толпа народа внизу. Праздник жертвоприношения, который отмечали в Шумере в дни летнего солнцестояния и который был посвящен союзу богини плодородия Иштар и верховного бога Энки.

На возвышении — алтарь из камня, такого размера, чтобы могло поместиться человеческое тело. Вокруг разные статуи и статуэтки божков. Внизу ликующая толпа. К алтарю поднимается верховный жрец. На нем юбка из меха барана с кожаными вставками, расширяющаяся к низу. Подол юбки обшит шерстяной бахромой. Длинный плащ закреплен на левом плече, правое плечо открыто. Жрец рослый и довольно мускулистый, что не совсем обычно для человека духовной профессии. Голова брита, а взгляд цепкий и немного безумный.

Народ, приветствуя его, выкрикивает:

— О, великий слуга бога Энки, жрец Элайя, брат великого правителя Лугальзагесси и наш защитник перед богами!

Жрец жестом приветствует людей, ждет, когда они замолчат. Потом торжественным громким голосом обращается к ним:

— Я, верховный жрец Элайя, приветствую вас! Сегодня великий день! Будет исполнена воля богов, которые поведали мне свои тайны.

По ступеням двое мужчин ведут женщину. Она почти нагая, грудь и бедра прикрывает легкая накидка, ее длинные черные волосы распущены. В волосах — красный цветок. Она не красива, но с запоминающейся внешностью: черты лица острые, а большие, как у рыбы, глаза с удивлением смотрят на мир. Мужчины подводят ее к жрецу. По ее лицу катится слеза.

Жрец:

— Ты готова, Эльмештум, жрица богини Иштар?

Женщина:

— Да, — слезы струятся по ее щекам.

Хор голосов:

— Слава тебе, о богиня Иштар!

Второй человек в коричневом капюшоне вынул картридж из компьютера и вставил картридж №2.

На экране появилась картина поля битвы в Шумере 4225-го года до новой эры.

Скалисто-пустынная долина, много солдат. Шаррумкен, царь Аккада, в окружении своих воинов. Перед ним военачальник, спешащий передать послание: «Мой великий царь Шаррумкен, битва практически выиграна, противник готов отступить!»

Шаррумкен, веря в свою богоизбранность, решает лично повести ударный отряд для окончательного обращения врага в бегство. Да и очередная порция славы не помешает. Он выхватывает меч, поднимает его высоко над головой. Солнце играет бликами на стали, среди клубов песчаной пыли, поднимаемых армией аккадцев.

Шаррумкен бросается вперед, остальные следуют за ним:

— Слава нашим богам! Наша непобедимая армия вновь выигрывает. Мы, аккадцы, снова сделаем Шумер великим! Завершим же наше дело. Вперед, я поведу вас!

Царь врывается в центр боя. Вокруг него множество воинов сражаются на мечах, падают, поднимаются вновь. Общая сумятица. В течение нескольких секунд словно некая камера как бы летит сквозь битву, создавая эффект панорамы. Почти во всех показанных кадрах в коротких поединках победу одерживают воины армии Шаррумкена. Аккадских воинов Шаррумкена можно отличить по конусообразным шлемам, защищенным тяжелыми войлочными бурками с большими медными бляхами, а также по огромным меднокованными щитами.

Шаррумкен в гуще боя наотмашь рубит мечом первого противника, затем второго. Внезапно быстрый темп действия обрывается звуком разрезаемой плоти. Меч выпадает из правой руки предводителя, по плечу течет кровь. Ранен. Но это не останавливает царя. Он сразу же выхватывает левой рукой кинжал и, после недолгой схватки, поражает атакующего, бросая его на землю. Поднимается, резко развернувшись: слева, совсем близко, другой противник с выкованным, похожим на чешую рыбы рисунком на шлеме. Он хромотает на одну ногу, но очень силен. Заносит меч над головой Шаррумкена. Времени на вытаскивание кинжала из уже поверженного противника, замаха и удара у царя нет. Но противник вдруг останавливается и падает. Его в спину мечом ударил аккадский воин:

— Прими свою смерть, Элайя, последний из царского рода Шумера!

После этого спаситель помогает встать Шаррумкenu, который без сил опустился на землю. Шаррумкен не может идти сам, и воин выводит его из гущи боя. Оставшиеся люди шумерской армии скрываются бегством.

Воин, убивший Элайю, скидывает руку с мечом вверх и кричит:

— Битва окончена, великий царь одержал очередную победу, враг повержен и обращен в бегство!

Аккадское войско ликует.

Шаррумкен:

— Как твое имя, смелый воин?

Воин:

— Дуду, о великий Эн!

Шаррумкен дает ему свой амулет с изображением рыбы:

— Пусть это сохранит тебе жизнь в следующем бою. Когда мы вернемся, придешь ко мне во дворец, покажешь этот амулет, тебя пропустят. Я приму тебя, и ты будешь охранять мою дочь, которая должна вскоре стать верховной жрицей.

Подбородок Дуду поднят, гордость распирает его. На несколько секунд он теряет бдительность. Один из оставшихся шумерских воинов подбегает сзади с мечом, чтобы убить, но Дуду успевает обернуться и поражает того ответным смертельным ударом.

— Остался последний картридж, — ровным голосом произнес первый человек в коричневом балахоне с капюшоном, вытаскивая предыдущий из компьютера. — У вас скужающее выражение лица. Что, совсем не интересно?

— А чего я там не видел? — с нотками вызова в голосе отвечает Человек 2.

— Но это же 20?? год, Страна. Заварушка продолжается. — иронично улыбнулся Человек 1.

— Война?

— Ну что вы! Спецоперация!

На экране появляется изображение летнего Города. Жарко. Деревьев нет. Асфальт плавится на солнце. Через секунду изображение зависает, потом экран становится черным.

Человек в коричневом балахоне с капюшоном с немым вопросом уставился на второго, подняв бровь.

— Простите, не тот кадр. Момент.

Он нажал на кнопку «Enter», однако экран по-прежнему предательски не реагировал.

— Не пойму, в чем дело. Черная дыра какая-то...

Но в течение нескольких секунд появляется новая картинка, на которой угадывается помещение, похожее на актёрский зал. На стенах ленточки, закрученные виде буквы N, похожие на прожорливых крокодилов. На расставленных по всей площади зала стульях сидят зрители, большинство из них в белых халатах. Камера крупным планом снимает двух молодых людей. Один в белом халате, другой в джинсах и рубашке. Идут титры: «Петр, лаборант, биолог, 27 лет, высокого роста, среднего телосложения, с русыми волосами и зелеными изумрудными глазами. Внешность обычная, а вот глаза нет».

— Зачем это подписывать? — спрашивает человек в балахоне с капюшоном. — Я и так знаю, кто это. Уже без малого 27 земных лет с ним вожусь.

— Но не только же вы пользуетесь архивными данными, — отвечает второй.

Камера переводит фокус на соседа Петра: «Андрей — красивый молодой человек с приятными чертами лица, такие всегда нравятся девушкам до 25-ти и дамам после 50-ти. Хорошенький. Работает SMM-менеджером в той же компании, что и Петр, „Gen-“, 25 лет».

На сцене мужчина в деловом костюме вдохновенно-сумасшедшего вида громко и воодушевленно рассказывает

о любви к Родине, скрепах и великой силе народа. Он стоит, немного покачиваясь, видимо в экстазе от своего патетического сообщения. Титры: «Георгий, генеральный директор научно-исследовательского института „Gen-↖↗“, крупный бизнесмен, политик, депутат Города, 54 года».

Глаза Георгия горят, голос картинно подрагивает:

— Кто из вассссс — почти кричит мужчина голосом диктора, передающего сводки с фронта во время Великой Отечественной войны, — воспитан паттттрриотически!!!

Голова его неестественно взмывает вверх.

— Кто из васссс! Любит свою Родину до такой степени, до такой степениииии, таааак... Чтоооо, — делает такие движения будто гребет по реке с веслом, — гоооооффф отдать себя, свой труд, свои мыыыысли, чтобы поддержать нашу любииимую, необъятную, самую мощную РРРРРодину!!!

— И е-единым порывом, — он заводится все больше и больше, как старый КамАЗ, у которого сломался глушитель. — Готоффф, — Славить Страну! Славаааа Стране, братья и сестры!

Георгий оставляет паузу для аплодисментов и всеобщего восхищения. В микрофоне слышно его дыхание, похожее на дыхание быка, гонящегося за коровой, чтобы ее оплодотворить. Зрители в зале начинают несмело помахивать флажками с буквой N, заботливо розданными патриотичным руководством, немного пугаясь, что они, оказывается, готовы. Лицо оратора резко меняется на глубоко трагическое, так резко, что машущие флагами зрители теперь тушуются от того, что они слишком радостно и задорно машут, что при трагических настроениях не положено.

— Сидя на своих местах — гудит он в микрофон, — я боюсь... враг слишком быстро справится с вами.

У зрителей на лице появляется отражение движения мысли. В общем-то никто не понял, что он этим хотел сказать.

— Только стоя! Уверенно на двух ногах! С поднятой головой! Можно славить свою Родину! — он уже отправил

на покой правильный синтаксис, лексику и просто логический смысл. Но теперь, кажется, и интонации пошли вкривь и вкось.

— Я не разглядел... с запальчивостью гопника, типа «я не понял» — Ни один из васс не встал... Когда речь о Рррродине!.. Когда рррречь идёт о прррредках! Об осноффании нашей Страны!

Зрители начинают неохотно, но послушно вставать. Петр сидит. Его в бок толкает Андрей, который явно веселится, получая извращённое эстетическое удовольствие от этой речи.

Георгий жестом показывает всем, что они могут сесть. И продолжает уже более ровно:

— Друзья, коллеги! Мы с вами живем в великое время! И именно нам, верным гражданам своего Отечества, предстоит строить великое будущее! Вы сотрудники одной из современных лабораторий нашей страны. Вы на острие науки. Но не все так сознательны. Как сказал наш вдохновитель и оплот мира во всем мире, наш президент, мы с вами попадем в рай, а они просто сдохнут.

Петр, молодой человек в халате, скучающе смотрит на висящие на стене плакаты, где изображены химические формулы, рисунки рибосом и молекул ДНК. Его взгляд останавливается на прибитой к стене букве N. В глазах появляется злость. Он опять смотрит на сцену, потом шепчет, довольно громко, так, что это слышно его соседу:

— Никуда не скроешься от этого позора.

Андрей снова толкает Петра в бок:

— Поттише, а то за такие высказывания и забрать могут, — смеется.

Потом продолжает:

— Ты лучше скажи, как тебе моя новая пассия?

— А? Кто? — Петр пытается вспомнить последние увлечения Андрея.

Сделать это непросто: только за последний месяц он видел друга с четырьмя разными девушками.

— Моя новая девушка, Элеонора. Я же вас сегодня уже знакомил. О чем ты думаешь?

— Да так, не важно.

А думал он о том, как бы отсюда слинять, чтобы никто не заметил, потому что если заметят, то лишат премии. Это партсобрание было добровольно-принудительным.

— Она, правда, слегка выкобенивается. И социально слишком активна на мой вкус, но это даже интересно. Новый опыт — всегда хорошо. Папаша мой тоже социален, как ты видишь. Эллочка — преподаватель йоги и с прибабахом. Ну ничего, ее белые ноги скоро будут на моих плечах, — Андрей по-мальчишески улыбнулся.

— Эндрю, я не сомневаюсь в тебе.

Молодая девушка, слегка в теле, со светло-русыми волосами, сидящая слева от Андрея, шикает на них:

— Мальчики, вы совсем обнаглели? Вы в первом ряду. Не мешайте человеку на сцене. Видите, как старается, — она ехидно улыбнулась, — давайте как-то вести себя прилично. Если вам не дорога ваша работа, то мне очень. Я сюда, в отличие от вас, не по благу попала.

Титры: Мария, 26 лет, лаборант в компании «Gen-», родом из Народной Республики.

ГЛАВА 1

Петр ехал в автобусе №3 с работы домой. Жил он в квартире, которую снимал у Офелии, актрисы Большого городского театра. Он был местным, но жить с мамой в ее трехкомнатной квартире в старой части Города не хотел. В 27 лет (27 ему должно было исполниться совсем скоро) есть желание самостоятельности, без маминых ужинов и расспросов в стиле «когда же ты найдешь себе нормальную девушку» и «ты задолбал со своими подопытными хомьяками, от них воняет». Найти съемное жилье ему помог Андрей, его друг. Офелия, как утверждал тогда Андрей, считалась близкой знакомой его отца, генерального директора «Gen-~~██~~». Как позже узнал Петр, не просто знакомой.

В час пик автобус был уже плотно набит людьми. Так как Петр садился на конечной, то успевал занять место в хвосте, у окна. Автобус ехал, его двери то закрывались, то открывались, выходили и заходили люди, наполняя пространство какофонией голосов, обрывками фраз, приходящими на телефон сообщениями, звонками и видеороликами.

Петр слушал разговор двух женщин, сидящих напротив него. Не то чтобы ему было интересно, но, похоже, выбора у него не было, так как дамы разговаривали довольно громко.

— Все по**рено, по**рено! Меня уволили, работала себе спокойно на кассе в «Икеа». А теперь что? Сижу, доедаю деньги пособия, которое они выплатили за три месяца. Работы нормальной нет, а если что и предлагают, так и то

за сущие копейки. И ты считаешь, что все хорошо, и правильное решение приняло наше правительство по поводу этой войны — дама огляделась вокруг, — фу, спецоперации?

— Кто ищет, тот всегда находит. Учиться надо нужным профессиям, развиваться. Мой сын, вот, недавно в контору устроился, как ее, АйТи. Даже мне помогает.

— На одних компьютерах и блогерах этих страна далеко не уедет. Производство нам нужно, заводы же стоят! — не унималась первая дама.

Плечо Петра прижала сумка пожилой женщины. Напротив стояла девушка, которая что-то читала на мобильном телефоне и тихо смеялась. Старик разговаривал с маленькой собакой, сидящей у него на коленях. Двое молодых людей с азиатскими чертами лица в грязной одежде: видно, что работают на стройке, что-то обсуждали очень живо на чужом языке.

Людей было так много, и они были такие пестрые, что Петр начинал задыхаться. Он вдохнул и выдохнул, вдохнул воздух общего движения и выдохнул легкий налет паники, которую он много раз ощущал в переполненном людьми автобусе. Уже почти полгода он работал на окраине Города, в новом районе, который местные называли гетто. Здесь было построено огромное здание научно-исследовательского института, где занимались изучением вирусов, разработкой вакцины против Covid-19 других мешающих роду человеческому жить вирусов. В научно-исследовательском институте имелись также секретные отделы, но чем они занимаются, Петр мог только догадываться, потому что не имел к особо охраняемому третьему этажу доступа. Специалисты же, работающие в этой зоне, подписывали бумаги о неразглашении информации.

Молодой человек уже привык к постоянной давке и к тому, что личного пространства здесь нет и быть не может. «В его Стране, — думал он, — вообще не может быть личного пространства. Ты себе никогда не принадле-

жишь полностью». К отсутствию личного пространства он привык с детства: «О, любящая, гиперзаботливая мама, спасибо тебе!» И когда он встречался с чьим-то плечом, или рукой, или сумкой, ему становилось легче — он кожей ощущал, что не один. Он всегда ощущал кожей, потому что глазам перестал доверять, глаза могут обмануть, а кожа — никогда. Одиночество Петр ненавидел. Людей тоже, но их тела любил, потому что они были живые и теплые. Любил давку: чем больше давки, тем больше жизни. Он чувствовал дыхание Аида в этих вонючих, медленных тварях, которые назывались автобусами, и в этом жужжании, как в рое пчел, людей — просто невыносимо, особенно летом. Уши закладывало, и что-то взрывалось в мозгу, разлетаясь на мелкие осколки, предательски врезавшиеся в кожу. Живые люди, которые давили его со всех сторон, убивали и воскрешали, возвращали к жизни — он опять собирался, и каждый раз по-новому. Каждый раз, выходя из автобуса, он ощущал себя собранным заново из обломков других людей, и каждый раз точка сборки была в новом месте.

Автобус остановился на Главной улице, и молодого человека вместе с другими людьми вынесло из многострадальной машины городского транспорта. Бури чувств и ощущений Петра со стороны, конечно, было не видно, со стороны казалось, что он просто вышел вместе с толпой.

С дорожной сумкой через плечо он быстро шел по раскаленной улице, где не было ни одного деревца, думал о людях, автобусах и личном пространстве, когда его раздумья резко прервал хриплый, просящий вопрос:

— Эй, парень, мелочи какой не найдется?

Бомж. Петр несколько секунд смотрел на него, пока рылся в рюкзаке в поиске денег, потом достал пару смятых сотенных купюр и протянул мужчине. Тот резво засунул деньги в засаленный карман драной рубашки.

— А ты куда путь держишь? Хочешь провожу? Кто его знает, что тебя ждет, когда ты придешь?

Петр не отвечал, не потому что бомж был ему противен, а потому что было не интересно.

— А ты не похож на многих других, — продолжал человек без определенного места жительства.

— Потому что я дал тебе денег?

— Нет. Деньги мне многие дают. Но они дают, чтобы я отвязался от них, чтобы не воняло рядом с ними. Все боятся бомжей, потому что внутри каждого из них такой бомж. Смотря на меня, они узнают себя.

— Я не силен в психологии людей.

— Поживи с мое на улице, станешь психологом. Ты хочешь знать, что ждет тебя сегодня в конце твоего пути?

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Но я могу сказать.

Петр посмотрел на мужчину, пытаясь понять, зачем тот затеял этот разговор. Может, денег еще хочет?

— Больше денег у меня нет.

— Да не нужны мне твои деньги. Все со всеми связаны. Может, мы встретимся еще на том или этом свете. И я тебе послужу, раз пока не хочешь.

Петр повернул с Главной улицы на Прогулочную, бомж не отставал.

— Ты быстро идешь, боишься не успеть? Ты уже опоздал.

Он остановился, взял Петра за руку, из кармана штанов достал бутылку пива и засохшую рыбу:

— Пиво будешь? С рыбкой?

Не дожидаясь ответа, засмеялся и убежал прочь. Летом бомжи становятся особенно загадочными, видимо, так на них действует городская жара.

Почти сразу же Петр оставил мысли об этом инциденте и ускорил шаг. Возможно, если он поторопится, то столкнется с Офелией в ее любимой кофейне «Кофеман», единственном месте в Городе, которое она посещала по вечерам регулярно, когда не было репетиций.

Петр был влюблен в Офелию, как мальчишка, коим его и воспринимала Офелия. Она его часто так и называла: «мой мальчик», хотя ему это не очень нравилось, потому что подчеркивало разницу в их возрасте: Петру было почти 27, Офелии 45.

В кофейне Офелии не было. А он так хотел увидеть ее хотя бы мельком, как будто случайно, как в прошлый раз, несколько дней назад. Тогда Офелия сидела на летней веранде с подругой, тоже актрисой. Он шел к ней домой, чтобы подарить цветы (сам он мертвые цветы не любил, он вообще боялся покойников, несмотря на то, что был биологом). Женщины сидели спиной к нему, поэтому не заметили, как Петр подошел и сел через один столик за ними.

Спутница Офелии говорила очень громко:

— Ты сегодня была неподражаема на репетиции! То, как ты играешь — гениально! Понятно, почему он выбрал именно тебя на главную роль в «Закате цивилизации». У тебя было с ним что-нибудь? Судачат.

Офелия ответила сдержанно, явно не разделяя веселого настроения своей подруги.

— Если бы было, ты бы узнала первая. Нет, конечно. Я может быть, и не против, восхищаюсь его талантом. Но ты же знаешь, что он верен своей жене! Да и к тому же мой самый главный поклонник, ну ты понимаешь, о ком я, наш великолепный Гоги, — Офелия картинно закатила глаза, — был бы от этого явно не в восторге.

— А ты заметила, что в последнее время режиссер много говорит об атомной войне и постоянно пугает тем, что скоро всему, к чему мы привыкли, придет конец? Иногда это мешает работать.

Вдалеке раздался одиночный выстрел, от которого многие за столиками вздрогнули.

Офелия голосом диктора вечерних новостей подытожила произошедшее:

— Это был не взрыв, а хлопок.

Подруга ее поддержала:

— Да, а еще отрицательный рост вместо падения, задымление вместо пожара и традиционные ценности, а не гомофобия, ксенофобия, милитаризм, псевдопатриотизм в одном флаконе. Новояз!

Подруга Офелии так громко, с чувством и профессионально поставленным актерским голосом говорила, что люди, сидящие за соседними столиками, оборачивались. Подошел официант и попросил не выражаться в их кафе:

— Пожалуйста, здесь же дети!

Актриса, уже тише:

— Когда я, б**ть, материлась пять минут назад, цитируя Луку Мудищева, ни одна порядочная сволочь не повернулась. А тут даже официант пришел. Волшебные слова, не иначе. Хотя, если посмотреть вокруг, кажется, что войну никто не замечает. Какой-то пир во время чумы.

— Не война, а спецоперация. — поправила ее Офелия, ехидно улыбаясь. — Ну ты же сама среди тех, кто пирует во время чумы. И вообще, не у нас же воют. Соседняя Страна далеко.

— Ну как же далеко? Всего лишь в нескольких сотнях километров.

— Так рядом же не Соседняя Страна, Соседняя Народная Республика.

— Ну так тем более.

Офелия водит пальцем по странице меню:

— Пожалуй, закажу, себе кофе «Дмитрий Анатольевич» со сливками и апельсиновой цедрой.

— Это реклама нашего заместителя председателя Совета Безопасности? — не унималась собеседница.

Официант, убирая пустую посуду со столов:

— Все совпадения абсолютно случайны. Мало ли дмитриев анатольевичев? У нас так, например, директора зо... — официант не успел договорить, так как у него из рук вы-

скользнула грязная посуда. Он выматерился, потом извинился.

— Ну вы держитесь там, — вслед ему прыснул молодой человек с соседнего столика.

— И только искусство вечно! — подытожила Офелия, поправляя черную копну волос.

Петр решил, что нехорошо вот так сидеть и подслушивать, если заметят, может выйти неловко. Он встал, подошел к дамам: в руках букет цветов, лицо нарочито серьезное. И хотя он уже не раз видел Офелию голой, но сейчас на одетую не мог поднять глаз, быть может потому, что мысленно все время ее раздевал. Он подумал о том, что надо как-то переключить внимание — в любой момент могла начаться эрекция.

— Искусство вечно, но наука нужнее. Не хочу вас обидеть, дамы, но безликое греческое наследие не сможет вас вылечить от коронавируса или рака, — пытаюсь вложить в свои слова как можно больше серьезности и пафоса, вклинился Петр в разговор.

На лице Офелии появилась искренняя улыбка. Есть! Она рада ему! Это придало Петру смелости.

— О, это вы, мой преданный друг! — и, обращаясь к подруге, представила его. — Мой квартирант. Я тебе говорила, что сдаю мамину квартиру? Ну и немного поклонник моего таланта. Молодой ученый!

Петр:

— Офелия, вы мне льстите, я всего лишь лаборант.

— Но какой талантливый! Я в курсе ваших работ по ночам, соседи рассказывают, что у вас ночью горит свет.

Подруга Офелии с интересом разглядывала Петра, как натуралист разглядывает новый вид зверушек.

— Это нынче в моде: ругать искусство и восхвалять науку. Как будто они должны исключать друг друга! — с вызовом начала женщина. — И что вы нам скажете, дорогой мо-

лодой ученый? Настанет когда-нибудь такое время, когда люди перестанут убивать друг друга?

— Я не психолог, я биолог.

— А чем вы занимаетесь как биолог?

— Я работаю в лаборатории в научно-исследовательском институте. Делаем там вакцины от разных вирусов. А я лично приношу пробирки и слежу, чтобы они всегда были в доступе и стерильны.

Подруга Офелии с недоверием в голосе продолжала:

— А, может, вы там биологическое оружие разрабатываете? — пылливо вглядывается в Петра, потом переводит взгляд куда-то вдаль. — По всему видно, что скоро и у нас начнется ад, я очень обеспокоена и все время думаю о том, что нужно уезжать отсюда куда-нибудь подальше. Только вот на какие шиши? Да и кто меня там ждет в этом подальше? Меж тем провластные шавки становятся все наглее. В их лицах видна тупая охваченность чем-то нечеловеческим.

Петр немного смутился от ее резкого тона и начал оправдываться:

— Это охваченность большим движением истории. — сделал небольшую паузу. — Да, сейчас всем тяжело. Но самое главное, что грядет справедливый новый мир! Прекрасный новый мир, я надеюсь!

Подруга Офелии саркастично:

— Извини, но ты дурак? Какой справедливый и новый мир? Те, кто начал войну, пытаются сохранить старый мир, который уже почти сдох. Это архаика, пытающаяся убить модерн. Кто сделает этот прекрасный новый мир? Старик и его неповоротливые, необразованные прихлебатели?

Петр не ответил на этот риторический вопрос. А подруга Офелии продолжила, похоже, смущение молодого человека ее раззадорило еще больше.

— Ты вообще новости читаешь? К чему все эти смерти на войне? Эти жертвы Молоху? Чтобы разваливающиеся

идиоты дольше держались у власти? Денег им мало, им надо остаться в истории! Геростратова слава!

Офелия пыталась возразить, но ее подруга эмоционально продолжала:

— Власть — это наркотик, особенно в старости. Вы думаете, что вам, молодым, дадут дорогу? Ты думаешь, просто так ты моешь свои пробирки, хотя мог бы заниматься действительно чем-то важным? Старость боится молодости, поэтому эту войну и начали. И вряд ли те, кто сейчас попивает кофе, будут делать вид, что ничего не случилось, когда танки пройдут по Главной улице Города. Вы что Петр, за эти скрепы и старую власть? Вы же молоды, у вас должны быть надежды, планы!

— Когда я говорю про прекрасный новый мир, я имею в виду мир более далекого будущего, когда мы научимся генномодифицировать нас с вами — объяснялся молодой человек.

Офелия со скучающим видом листала страницы в своем телефоне, потом подняла голову и спросила Петра:

— А Вы придете на премьеру? Это будет что-то невероятное. Я Вам обещаю. Впрочем, не буду раскрывать тайны. Сами все увидите.

Слух Петра резануло это «Вы», но он старался не показывать виду, что его оно задело:

— Да, Офелия, я планировал быть. Я не могу пропустить спектакль, где Вы, — он сделал акцент на «Вы», — играете главную роль. Да и название интригует — «Закат цивилизации».

Петр подумал о том, что ему как-то неловко дальше здесь сидеть, он превратился в мишень для подруги Офелии. И когда рядом кто-то есть, он совсем не чувствует близости с Офелией. А это даже больнее, чем быть мишенью. Совсем другое дело, когда они вдвоем. Тогда есть такое ощущение, как будто они превращаются в одно целое. И нет между ними границ.

Он встал.

— Мне надо идти — дела. Вот, остановился, чтобы порадовать вас этим букетом. До встречи на спектакле! — протянул букет и удалился.

Петр ушел и уже не слышал разговор двух подруг. Но, возможно, в нем и не было ничего интересного. Офелия, посмотрев Петру вслед, с нотками заботы, но и легкого снобизма произнесла:

— Милый мальчик, неухоженный только.

— И опасный, надо сказать. — резюмировала разговор подруга. — Помяни мое слово, такие петры, если вовремя не женятся, могут наделать очень много нехороших дел. Не удивлюсь, если завтра он приставит тебе к виску пистолет за то, что ты интересуешься искусством, а не наукой.

— Да это ты на него нападала, а он пытался как-то выкрутиться, больше молчал.

— В том-то и вся проблема. Молчание порой хуже пистолета. А этот Петр, он настоящий ухажер или так, только цветы дарит? Я имею в виду, у тебя с ним что-то было?

Офелия многозначительно промолчала, смотря в свой стакан с кофе.

— Ты где витаешь, в каких облаках? Так было ли у тебя что-то с этим ученым-лаборантом?

Офелия рассмеялась:

— Нет, конечно. У меня с ним ничего не было — он младше меня на 18 лет. Я, конечно, прогрессивных взглядов, но не настолько же! Да и чем он может меня привлечь? Дешевыми цветами? Нет, не было у меня с ним ничего.

Подруга Офелии с некоторой завистью в голосе:

— У тебя много поклонников, и я подумала, а вдруг ты решила себе завести ради интереса молодого любовника, а почему бы нет?

Офелия, смотря в лицо подруге:

— Я сейчас вообще никого не могу себе завести, кроме Георгия! Знаешь, какой он ревнивый. Следит, чтобы я по-

меньше разговаривала с интересными людьми. Просто разговаривала! Он даже к нашему режиссеру меня ревнует! К этому святому человеку! Да что там к режиссеру, он меня к своему 25-летнему сыну ревнует! Хотя тот, надо сказать, не промах.

— Андрюша! Да, весьма милый молодой человек, когда молчит. А делает он это редко.

Этот разговор Петр не слышал, а если бы слышал, ему было бы неприятно узнать, что он «милый мальчик» и у него «нет ничего» с Офелией. Он не любил вранья.

Идя по Прогулочной улице, мимо знакомых до баннерной слепоты объектов городской инфраструктуры, Петр подумал о том, что на сегодня хватит взаимодействия с людьми и их белым шумом. Ему хотелось забраться в свой звуковой кокон. Таким коконом для него были наушники и музыка в телефоне. Он поставил свой плейлист и отгородился от мира.

Сейчас он как раз проходил мимо Большого городского театра, того театра в котором работала (как она говорила, служила) Офелия. Последний раз он здесь был около двух недель назад, когда специально для работников «Gen-~~А~~» давали спектакль на патриотическую тему, Петр даже забыл его название. Генеральный директор Георгий считал, что искусство развивает мозг и приводит к инсайтам, а значит, полезно для научного потенциала центра. Спектакль был неинтересным, Петр его уже почти забыл, но ярко помнил то, как они с Офелией после спектакля в подсобке занимались любовью.

Перед глазами Петра очень отчетливо встала комнатуха — там хранился уже отживший свое, но еще не отправленный в утиль театральный реквизит. Сколько ненужного хлама! И в окружении этого хлама белое, ярко-белое тело

Офелии, мягкое и податливое. Молодому человеку очень нравилось его мягкость, оно успокаивало его, как теплое одеяло, в которое он зарывался, когда был маленьким.

В тот вечер Петр нашел Офелию в дверях уборной и попытался затащить ее в кабинку. Но она сказала, что знает более подходящее место, где их никто не увидит — так они оказались в подсобке с свою жизнь театральным реквизитом.

— Я все время думаю о тебе. С ума схожу, даже на работе, когда рассматриваю ДНК рыбы в пробирке, — шептал Петр на ухо возбужденной Офелии.

— А когда рассматриваешь ДНК змеи, то это возбуждает тебя меньше? — как будто пытаясь оттянуть момент их близости, шутила Офелия.

— Да, потому что ты не похожа на змею, ты похожа на рыбу. Особенно, когда открываешь рот, — он впился своими губами в ее губы.

Офелия немного сопротивлялась, но больше из удивления его напору, чем нежелания слиться с ним в едином порыве телесного притяжения.

— Нас могут увидеть, а я не хотела бы, чтобы Георгий узнал, он убьет нас обоих.

Петр продолжает целовать ее.

— Плевать я хотел на Геогория. Ты моя. Он старый хрен, который думает, что все принадлежит ему, так как у него много денег. Он купил тебя? — снимает с нее блузку, потом бюстгальтер.

Она сдается. Петр смотрит в ее большие рыбы глаза, гладит ее черные волосы, снимает свою рубашку, трется голым торсом о ее мягкие груди, целует их, опускается ниже.

Секс происходит быстро. Офелия не успевает опомниться, когда Петр уже кончил на уродливую порванную маску, изображающую мужское лицо в злой гримасе, несколько напоминающее нынешнего министра обороны Страны. Он за-

вершает их секс пальцами, которые, погружаясь в Офелию, доводят ее до оргазма.

Уже в самом конце, едва она успела издать тихий стон, дверь открыли с обратной стороны. Это был Андрей.

— Батюшки Иисусе! Ребята, вы бы нашли другое место. Я подожду тебя, Петр, снаружи.

Петр вышел из подсобки, и еще через какое-то время Офелия, которая привела себя в порядок, но легкий флер запретного секса еще витал вокруг ее мягкого тела. Петр скривился, когда она обратилась к Андрею:

— Андрюша, я надеюсь на твою порядочность и любовь к папе. Ты же ему ничего не скажешь, правда?

Андрей широко и хитро улыбнулся:

— Насчет порядочности и любви к папе, это ты не по адресу. Но я ему ничего не скажу. Думаю, он мне просто не поверит. Мне и самому сложно поверить. Да и зачем мне лишние проблемы? — повернувшись к Петру. — Ну Петр, ну братец, удивил! Ты бы другое место выбрал. Вас мог застать кто угодно. Поверь, моему отцу эта картина не понравилась бы. В гневе он способен на многое. Да он бы мог вас на месте пристрелить. Держи своего дружка в узде.

Офелия ушла. Петр смотрел ей вслед, а потом, все еще находясь под воздействием окситоцина, процедил сквозь зубы, обращаясь к Андрею:

— Сколько он ей платит?

Андрей помолчал, а потом сказал:

— Эээ, может ты мне объяснишь, что здесь происходит? Ты давно с ней это?

Офелия, все еще разобранная от погружения Петра в нее и себя в него, вошла в залу, в которой проходил банкет после спектакля.

Следующую картину Петр вспомнить бы не мог, так как не видел этого. Но если бы последовал за Офелией, то обратил бы внимание на Георгия, который сидел за столом, пил воду и следил за гостями своими острыми южными глазами. Жил Георгий в Городе с 12 лет, но родился в другой стране, которая тогда была еще частью Союза Нерушимых Республик. Его отца перевели по партийной линии — так он оказался здесь, в Городе. В молодости, когда распался Союз Нерушимых и наступила в каком-то смысле преступная анархия, Георгий сколотил огромное состояние. Сейчас он считался богатейшим человеком Города, и даже губернатор и мэр записывались к нему на аудиенцию заранее.

Ходили слухи, что он приложил руку к пропаганде и проплачивал ту липкую смесь патриотизма и деградации, которые лились с экранов телевизоров. Можно было подумать, что это была дань самому главному патриоту Страны, с целью удержать свои миллиарды. Но на самом деле Георгий верил в особый путь народа Страны, несмотря на то, что сам этнически относился к другому.

Однако настоящей его страстью, тем, что увлекало его больше всего, на что он готов был тратить свои кровно заработанные миллиарды, была гениальная инженерия. Он долго добивался того, чтобы власти одобрили постройку уникального научно-исследовательского института в Городе. В Институте изучали вирусы и разрабатывали вакцины. Тогда он дал не одну взятку. Он хотел, чтобы этот институт был только здесь, под его началом. Так он хотел отблагодарить Город, который сделал его тем, кем он стал. Во время анархии после распада Союза Нерушимых ему не удалось закончить биофак, пришлось вытаскивать свою семью из той разрухи, которая навалилась на всех, в том числе и на него. Сначала он вывозил из-за границы списанные компьютеры и продавал их на рынках Города. А потом пошло-поехало.

Компьютерные дела давно были забыты. Сейчас он занимался наукой, строительством и политикой, будучи мест-

ным депутатом. Высшее образование он впоследствии купил, пришлось купить юридическое, а потом кандидатскую степень по юриспруденции. Так надо было для дела, для движения по карьерной лестнице, для капитала. Он любил читать, особенно фантастов, Беляев был его любимым писателем. А еще он почитывал книги по генной инженерии, правда, ничего в них не понимал, но химические формулы завораживали. Теперь он мог себе позволить целую сеть лабораторий, оснащенных по самому последнему слову техники. Все для одной цели — найти способ управлять людьми на генном уровне.

Офелия тихо подошла к столу и села рядом с Георгием. Он взглядом, которым орел выслеживает свою добычу, осмотрел ее с головы до ног, взял за руку и повел на середину зала, чтобы потанцевать. Сопротивляться было бесполезно. Танец становился все более горячим. Георгий, держа ее выше локтя, крепко сжимая кожу:

— Где ты была так долго? Я уже хотел послать тебя искать.

Офелия, стараясь не показывать свое замешательство и выдавливая из себя флер произошедшего секса, проговорила:

— Мне стало нехорошо, я была в уборной.

— Почему ты растрепана?

— Я же говорю тебе, было плохо. Была в уборной.

— Ты от меня что-то скрываешь. — резко хватая ее за талию, ведет в танце.

Офелия даже не пытается вырваться:

— Мне больно. Прекрати.

Георгий продолжает вести:

— Я знаю, ты любишь пожестче. И — более ровным тоном — У меня есть для тебя важное дело. Сегодня у нас серьезные люди. Надо передать им кое-что.

Возможно, если бы Петр пошел за Офелией, он услышал и увидел бы все это. Но он разозлился на то, что Офелия покинула его, поэтому, не попрощавшись, ушел.

Потом он объяснял это тем, что у него просто разболелась голова, и он больше не мог находиться на этом празднике искусства.

За всеми воспоминаниями Петр не заметил, как дошел до дома Офелии, хотя собирался идти в свою съемную квартиру. Ноги сами привели его к ней. Он не знал наверняка, дома она или нет. А что если она не одна, и Георгий у нее? Ну и что? Значит, пришло время раскрыть карты. В конце концов что будет? Ну уволит он его с работы. Это, конечно, хорошее место, лучше в Городе по своей специальности он найдет вряд ли. А может, оставить все, как есть? Офелия, кажется, сама не очень хочет афишировать их отношения. Интересно, какие у нее для этого причины? Что-то не очень верится, что дело в деньгах или возрасте Петра.

Молодой человек подошел к подъезду, где жила Офелия, остановился, не решаясь позвонить в домофон. Дворовый кот терся у его ног. Петр погладил его, вытащил из сумки кошачий корм и высыпал на землю. Он всегда носил с собой что-то для кошек и подкармливал бездомных пушистиков.

В наушниках пропихало сообщение в мессенджер — Андрей. Спрашивает, какие у Петра планы на вечер.

— Еще не знаю, — пишет Петр.

Андрей (голосовое сообщение):

— А ты где? Не дома же, я тут решил зайти к тебе, надо пару вопросов обсудить, а тебя нет.

— Какая разница?

Андрей (голосовое сообщение):

— Так, полагаю, ты у Офелии, а значит, вечером ты будешь занят. Ладно, развлекайся. Расскажешь потом про свою несравненную, удивительную даму бальзаковского возраста и про ваши ролевые игры. Ну раз ты сегодня занят, пойду с Эллочкой на расстановки, не знаю что это, но Эл-

лочка говорит, что какая-то крутая современная психологическая практика. По мне, так вся эта психология фигня какая-то. Но иногда приходится исполнять прихоти других, чтобы получить от них то, что хочешь. Хорошо хоть не в торговый центр меня тащит. До встречи!

Петр положил телефон в карман, снова погладил котика. Медлит. Смотрит на окно кухни Офелии. Шевельнулась штора? Дома. Его опять охватило желание обладать ею, и он почувствовал эрекцию. Мимо прошла какая-то бабуля и с удивлением посмотрела на него. Петр понял: летом в шортах очень видно, когда у мужчины эрекция. В наушниках, которыми он закрывался от внешнего мира, звучала песня «Жизнь и смерть».

В шумной толпе переполненной улицы,
Сбившись плечами, как твердь в твердь.
Так, что даже отрывались пуговицы,
Смотрят друг в друга Жизнь и Смерть.
И Жизнь ухватилась рукой за перила
Сказала: «Простите, я могу Вам помочь?»
И Смерть внезапно заговорила,
Вместо того чтобы скрыться прочь.

Та самая, которая играла у Офелии на кухне, когда случился их первый, сначала стыдливо-испуганный, а потом жестко-нахальный секс.

Смерть сказала: «Жизнь, я тебя люблю.
Я смотрю на тебя и, волнуясь, немного робею.
Хочешь, я ради тебя всех их убью?
Я бы сделала что-то еще, но я не умею».

В тот вечер Петр пришел к Офелии, чтобы отдать коммунальные счета и деньги за квартиру. Офелия встретила его в шелковом красном халате и с ярким макияжем. В волосах нагло кричал о красоте своей хозяйки красный мак.

— Не успела умыться и переодеться после домашней репетиции. Я всегда репетирую при полном параде. Ты квитанции принес? — вместо приветствия сказала Офелия.

— Да. — он протянул квитанции.

Их руки на мгновение встретились. Прикосновение кожи к коже вызвало у Петра легкую дрожь. Офелия задержала свою руку в руке Петра, перед тем как взять бумажки.

— Чаю хочешь?

Петр не хотел чай, он вообще любил кофе, а чай не очень, но он был не против еще побыть с Офелией, поэтому сказал, что хочет.

Они сидели на кухне. Неловкое молчание первой нарушила Офелия странным, казалось бы, вопросом:

— А ты веришь в прошлые жизни?

Петр часто думал о том, что жизнь не может быть концом всему, но ни с кем это не обсуждал. Его скептический научный мозг требовал доказательств. Он перечитал все возможные исследования на эту тему, и особенно его заинтересовало предсмертное состояние человека и состояние сразу после того, как аппараты фиксируют смерть. Он знал о том, что первыми умирают клетки мозга — они наиболее чувствительны к нехватке кислорода. Но некоторые нервные клетки способны жить настолько долго, что человек продолжает что-то чувствовать и даже думать. А вот что после? Когда тело полностью умирает?

— Не знаю. Научно ничего такого не доказано, но наука еще слишком не развита, чтобы отвечать на вопросы о человеческом духе. А почему вы спрашиваете?

— Да вот подумываю о том, не самоубиться ли как-нибудь, — сказала буднично Офелия, налила Петру в кружку заварку, добавила туда пару листочков мяты, лимон и продолжила. — Моя жизнь бессмысленна, театр давно не приносит мне радости, живу, как со стороны кажется, вроде бы насыщенной жизнью, но зачем это все? Мне иногда хочется

уйти из этого мира. Но я трусиха. Мне жалко это бренное, уже не молодое, увядающее тело.

Петр удивился такой откровенности и даже немного испугался ее.

— У вас прекрасное тело, не наговаривайте на себя, вы выглядите лучше, чем большинство моих ровесниц. Многие расстроятся, если вы решите покинуть этот мир.

Офелия, стоя к нему спиной, тихо произнесла:

— А ты?

— А я в особенности, — Петр посмотрел ей прямо в глаза, когда она повернулась. В ее рыбки, широко распахнутые глаза.

Офелия не стала ждать еще каких-то знаков, она положила свою руку на бедро Петра. Медленно, но бескомпромиссно рука поднималась выше, к паху молодого человека. Ремень его брюк она расстегнула быстро и уверенно. Петр уже был готов. «Лишь бы не кончить прямо в штаны», — пронеслось у него в голове. Офелия продолжала хозяйничать в его брюках.

— Я так рада, что твое тело мне отвечает. У большинства мужчин от страха пропадает эрекция в первое близкое свидание со мной. Я уже к этому привыкла. А у тебя все в порядке. Видимо, есть в тебе что-то особенное.

Петр неуверенно пытался избавиться от руки Офелии, одновременно мямля что-то о том, что, может, не надо, и что после этого все не будет прежним. Но не смог. Только стон, тихий, хриплый и освобождающий, вырвался из его груди. И он сказал вслух:

— Такое ощущение, что я ждал этого несколько тысяч лет.

— Четыре, — улыбнулась она, скидывая с себя халат на пол, оставшись совершенно нагой. Только красный цветок украшал ее черные волосы.

Петр с робкой страстью поцеловал ее.

— Прости.

— За что простить? Это делаешь это очень нежно, страстно и робко. Прекрасное сочетание. И даже немного возвращает меня к жизни, — прошептала она игриво. — Ты что-то странное делаешь не только с моим телом, но и с моей волей. Я не могу тебе сопротивляться. Да и не хочу.

Зрачки зеленых глаз Петра, как черная дыра, захватывали внимание Офелии, в них появилась не характерная для него жесткость, что-то почти дьявольское, жаркое и огненное. Отрывистые движения бедер. Тело Офелии подчинено ему. Он может сделать с ней все, что захочет. Петр хватается ее за волосы, сминает мак, бросает на пол. Его дыхание становится все чаще. Она вскрикивает. Кончил. Она не успела.

Петр очнулся, виновато посмотрел на Офелию. Она ровно, поднимая смятый цветок, сказала:

— В следующий раз у меня тоже получится.

Быстро оделась и направилась в ванную. Когда вышла, Петр уже допил чай.

— Забыла тебе предложить к чаю козинаки, хочешь?

Петр прыснул от смеха:

— Уже нет.

Офелия с мнимым сожалением в голосе:

— Слушай, мне нужно через полчаса уезжать. У меня встреча.

— А можно я побуду с тобой, пока ты собираешься? — он не хотел уходить.

— Побудь. Но собираюсь я быстро.

Офелия передевалась молча, Петр на нее смотрел, ему не хотелось ничего говорить, только наблюдать. Но сказать что-то надо было.

— А насчет того, что нас ждет после смерти, есть у меня одна мысль. Можно ввести человека в особое состояние сознания, по всем физиологическим признакам, похожее на предсмертное. И есть шанс увидеть, что происходит у человека в голове.

— А может, это не только в голове. Может, мозг — это всего лишь приемник. А самое важное происходит где-то в другом пространстве, — подхватила Офелия. Видно было, что тема ей интересна. — В некоем пространстве между жизнями.

— Я экспериментирую с веществами, ну, в смысле разрабатываю их. На хомьях уже испытал, и все показатели их мозговой активности совпадают с мозговой активностью, которая отмечается в предсмертном состоянии. Но хомьики же не расскажут, что там они видели.

— Ты в «Gen-» что ли эти вещества разрабатываешь?

— Нет. Кто бы мне дал там эту работу делать? Дома.

— Так ты что, мою квартиру в лабораторию превратил?

Петр замялся.

— Б**ть, Петр, надеюсь, с квартирой все в порядке? Надо прийти проверить.

— Да я аккуратно работаю. Я же не взрывчатые вещества там испытываю.

— А это законно вообще? Ладно. Я тебе обещаю, что когда умру и попаду на тот свет, я дам тебе знак, попытаюсь как-то передать тебе секретную информацию, — она засмеялась. — Надеюсь, там это не подпадает ни под какую статью о фейках.

Офелия действительно быстро оделась. Сейчас на ней были джинсы и белая майка с портретом Бродского и надписью «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку».

— Ну все, можно идти, — сказала она, взяв рюкзак, лежащий на полу.

— А ты краситься не будешь? Женщины же красятся, когда выходят на улицу? — спросил Петр с надеждой, что они проведут вместе еще хотя бы немного времени.

— Я не крашусь в обычной жизни. Косметика — это маска. А я не люблю маски.

Когда они выходили из дома, дверь нехотя закрылась, издавая томный скрип. Петр, помявшись, задал вопрос:

— У тебя кто-то есть?

— Ну не то чтобы, — на несколько секунд она замолчала, а потом вздохнула. — Да, есть. Я не люблю его, но не могу пока закончить отношения.

— Кто он?

— Георгий, генеральный директор исследовательского центра «Gen-», где ты работаешь. Если кто-то узнает, до него дойдет очень быстро. Не распространяйся пока, особенно на работе. Хорошо?

— Ты с ним из-за денег?

— Давай потише. Мы в подъезде, не хочу соседям давать лишний повод судачить, — и продолжила, — нет, Петя, я уже вышла из того возраста, в котором деньги имеют большое значение. Все намного сложнее, я не хочу сейчас об этом говорить. Потом.

Кто-то дотронулся до его плеча. Он вздрогнул, вытащил наушники из ушей и посмотрел в лицо человека, нарушившего его кокон. Это была какая-то бабуля, которая довольно громко ругалась:

— Зачем вы тут их подкармливаете, котов этих? Еще на землю корм вываливаете. Лето, жарко, тут потом муравьи, мухи, вонь. Кошки эти плодятся, срут везде. Совсем обнаглели. Вам если жалко их, так заберите себе, пусть у вас в квартире живут.

Бабка оглядела с головы до ног молодого человека:

— Да ты вообще не отсюда, не с нашего подъезда. Иди и корми у своего, благодетель нашелся. А потом ходи, убирай за вами, придурками. Тьфу. — она смачно плюнула под ноги Петра и пошла по своим старушечьим делам.

Уже через несколько секунд Петр забыл об инциденте. Он вставил наушники в уши и удивился, что опять из его плейлиста звучала та же песня, уже другой куплет. Совпадения, мать их.

И люди увидели, что происходит,
И увидели, кто перед ними стоит.
Принято же за кого-то быть вроде,
И сделали из своих тел живой щит,
И сделали из своих тел гильотину,
И сделали из своих тел топоры
И разрубили Смерть на половины,
И бросили части в кусты.
Когда все от радости и восхищения
Разбрелись по сортирам смыть кровь
с своих рук.

«Пора. Хватит предаваться воспоминаниям. Реальность гораздо круче. И в конце концов пора расставить все точки над і. Я заставлю ее сегодня рассказать, что ее держит с Георгием, почему она не может оставить его» — пронеслось в голове Петра. Он сам удивился своему решительному настрою.

Кажется, на кухне Офелии опять зашевелились шторы.

Он нажал на кнопку домофона, но никто не открывал. Из подъезда вышла девушка с собакой, а Петр зашел. Лифт был занят, он не хотел ждать, поэтому быстро, почти бегом, поднялся по ступенькам на 5-й этаж в квартиру, где жила Офелия. Поднимаясь, он слышал, как хлопнула дверь наверху, по характерному скрипу он узнал дверь Офелии. Уже через несколько секунд он был на нужной ему лестничной клетке, в этот же момент дверь лифта закрылась. Петр не увидел, кто зашел в лифт и подумал, что это могла быть Офелия, и, возможно, она куда-то ушла. Но все же нажал на кнопку звонка ее квартиры.

Никто не открывал, он позвонил еще раз, уже смирившись с мыслью, что они сегодня не увидятся. Машинально дернул за ручку, дверь подалась и открылась. Петр тихо зашел, позвал Офелию, но никто ему не ответил. Ему стало немного тревожно. Он еще раз позвал Офелию, уже громче. Но ответа опять не было. На кухне работал телевизор, туда он и направился.

С экрана дядька в хорошем костюме и с наглой мордой рассказывал об очередном позоре военных Соседней Страны:

— «Геи в Соседней Стране: окопная правда. Рота „Голубая устрица“. Ротный против воли бойца вжарил ему под хвост. Реальность в войске Соседней Страны прорастает из всего этого другая, куда более грубая и неприглядная. Вот вам „боевой педераст“. Мы показываем это лишь потому, что все уже выложено в Сети. И никаких секретов».

Петр перевел взгляд на пол. И ужаснулся.

На полу лежала Офелия. Он склонился над ней и увидел лужу крови, вытекающую из под ее распластанного тела. Пощупал пульс — пульса нет. Чуть поодаль он увидел большой нож, и рыбу без головы.

— Твою ж, мать! — вырвалось из горла Петра каким-то чужим хриплым воем.

ГЛАВА 2

В нескольких метрах от дома, где он жил, Петр упал, на бегу споткнувшись о камень. В его голове была только одна мысль: «Я все равно встречу с тобой, мне надо тебя увидеть, Офелия». И картина мертвого тела на полу, которое было как будто не ее. Он сильно ударился, разодрал колено и локоть, от легкой саднящей боли пришел в себя.

Опять побежал.

Он искал ключ от квартиры в рюкзаке, но никак не мог найти, потом вспомнил, что переложил его в карман брюк.

Забежав в квартиру, не сняв ботинки, направился в кухню, большую часть которой он приспособил под лабораторию. Хомяки мирно жевали свой корм.

Он выдвинул ящик, где хранил разную лабораторную утварь: чашки Петри, пипетки, колбы, пробирки. Взял колбу и пару пробирок, открыл другой ящик, где были разбросаны вещества, с которыми он экспериментировал. У него был даже небольшой сухожаровой шкаф для дезинфекции. Но сейчас Петр очень спешил, поэтому просто помыл всю посудину под водопроводной водой. Открыл третий ящик, чтобы взять перчатки. Так как движения его были судорожно-быстрыми, на него полетели контейнеры с ватой и бинтами. Он выругался, поднял их и положил обратно. Надел перчатки, налил абсолютно прозрачную жидкость в одну из колб, добавил туда какой-то белый порошок, смешал.

Пока он это делал, подумал, что приготовил идеальное средство для самоубийства, но убивать себя не входило в его

планы. Правда, был шанс, что что-то может пойти не так, и он уйдет вслед за Офелией не просто поговорить, а насочем. А вдруг там нет ничего? И все было зря? Но это его сейчас не пугало. Он был одержим идеей встретиться с ней, однако потом вернуться. Он не хотел умирать, но не боялся этого.

Петр начал фантазировать о том, что было бы, если бы он хотел убить себя. Мысли о самоубийстве посещали его и раньше, но это уже в прошлом.

Важно ли, чем человек себя убивает? Несет ли орудие убийства какой-то смысл? Если в жизни смысла нет, то должен же он быть хотя бы в смерти?

Петр был ответственным молодым человеком, поэтому подумал о том, что нужно написать предсмертную записку на всякий случай, если эксперимент будет неудачным. Для кого? Для мамы? Нет. Ему надоело перед ней все время оправдываться, хотя бы сейчас он хотел от нее освободиться. Для Андрея? Вряд ли его смерть сильно повлияет на друга, но, скорее всего, он немного расстроится. Так и не решив, для кого он пишет свои, возможно, последние слова, он все же взял ручку, клочок бумаги и вывел ровным почерком: «Я сделал это, чтобы не чувствовать себя жертвой. Жертва не может решить свою судьбу. Я смог».

Была ли смерть Офелии причиной его порыва поставить эксперимент на себе, перейти от хомяков к человеку? Скорее нет, но она стала той последней каплей, которая наполнила чашу бессмысленности бытия в том виде, в котором он его проживал.

Петр посмотрел на хомяков: они жили своей незатейливой жизнью: ели, спали, спаривались, крутили колесо. Вопрос выбора перед ними никогда не стоял. А человек вынужден выбирать даже орудие смерти. В квартире, когда он заселился, обнаружился старый военный револьвер. Одному богу известно, как он сюда попал. О револьвере он Офелии не сказал, просто положил его в шкаф, на самую дальнюю

полку, завалив тряпками. Петр достал его, посмотрел, он стреляет вообще? Задумался о том, подходит ли ему огнестрельное оружие в качестве орудия самоубийства. Даже если он сможет нажать на курок, что будет дальше? Его мозги разлетятся по всей комнате, и кто-то, кто придет сюда после, будет брезгливо смотреть на эту кашу из биоматериала, которую раньше он считал своим несомненным преимуществом перед той массой людей, которых в новостях называли глубинным народом.

А если веревка? Повешенные вызывали у него отвращение. Он их никогда лично не видел, но, когда думал об этом, вспоминал старые фильмы, где показывали, как фашисты вешают партизан. Он не хотел быть фашистом и вешать себя. Он вовсе ничего не хотел иметь общего с фашизмом.

Зачем он пошел на этот эксперимент? Он жил в городе-миллионнике, работал лаборантом, имел небольшие накопления, которые потом стали бы первоначальным взносом на ипотеку. И это было бы неплохо, но бессмысленно. Особенно теперь, когда мир разделился на черное и белое. И он остался где-то посередине. Даже не посередине — он завис в каком-то пространстве-времени, где нет ни имен, ни глаголов, только прилагательные.

Его образование не давало ему присоединиться к черному, но и к белому он присоединиться не мог, не чувствовал для этого достаточно сил и возможностей. Или он просто боялся. И страх стал преследовать его.

Чувствовать себя жертвой. Ведь не просто так он написал именно это. Петр знал, как это, но больше не хотел. Он чувствовал себя жертвой, когда узнал о том, что его Страна вторглась в Соседнюю Страну. Но он не принимал этого решения, он был жертвой, как и другие, кто проживал травму свидетеля. Через неделю после объявления спецоперации от него ушла девушка, потому что он «мямля» и четко не может выразить свою позицию в связи с тем, что мир разделился на черное и белое, и она, конечно же уходит

к тому, кто за белых. Он перестал спать, но не потому, что она ушла, а потому что его стало преследовать чувство, что он забыл что-то важное. Во сне он ловил эти воспоминания за хвост и, когда просыпался, ощущал, что видел именно то, что нужно, но в бодрствовании опять забывал. Потом он вообще перестал нормально спать.

Петр пошел к психотерапевту, тот поставил диагноз: «Да у вас депрессивное расстройство, молодой человек». Выписал ему седативные вещества, антидепрессантов и снотворное, вдогонку крикнув, чтобы тот не переживал, сейчас все стало хуже спать.

Таблетки помогали чувствовать себя спокойней. Но ощущение, что он забыл что-то важное, стало еще сильнее и противнее.

Таблетки! Он купил их очень много, на полгода, опасаясь, что они пропадут из аптеки. А потом произошел секс с Офелией, он по-настоящему влюбился в нее, и таблетки стали обузой. И он начал избавляться от ощущения жертвы и того, что он забыл что-то важное.

Если бы он хотел себя убить, можно было выпить несколько пачек сразу.

Взгляд Петра опять упал на хомяков, и он вспомнил, как вчера вводил им вещество, о котором рассказывал Офелии, и животные впадали в состояние, похожее на предсмертное. Некоторые потом выходили из него, а некоторые сдыхали. Пожалуй, сейчас настал хороший момент, чтобы попробовать его на человеке.

Петр рассчитал дозу. Набрал в шприц жидкости немного больше, чем нужно было по расчету, чтобы наверняка подействовало. Он смял и выкинул предсмертную записку в мусорное ведро. В ней тоже не было смысла. На какой-то момент ему стало уже все равно, выживет он или нет. Хорошее настроение для эксперимента.

Прощупал вену и медленно начал вводить вещество, надеясь, что это приведет его туда, где сейчас Офелия. Он

не может отпустить ее так — так нечестно. Надо поговорить.

Какое-то время ничего не происходило, и Петр подумывал уже о том, что неправильно рассчитал дозу. Он смотрел на часы, прошло уже три минуты. Секундная стрелка стала двигаться медленнее, задрожала, а потом остановилась.

Ему послышались какие-то голоса, вернее два голоса, оба мужских.

Он обернулся. Перед ним стояли два существа: одно в коричневом балахоне с капюшоном (представилось служителем Жизни), другое в виде мужика в черной кожаной одежде (представился уполномоченным посланцем Смерти).

— Ну и что мы с ним будем делать? — спросил мужик в кожанке.

— Опять подвис, завис, — со скукой в голосе констатировал человек в коричневом балахоне с капюшоном.

— Я не хочу его забирать. Он меня не уважает. Зачем мне такие?

— Мне он тоже не нужен. Я уже на него столько сил положил, и все без толку.

— Но мы же не можем оставить его так надолго. Это как-то не соответствует духу гуманизма, соглашение о котором мы подписали с Большими.

Фигуры какое-то время сидели неподвижно, застыв, как в немом кино. И тут человек в балахоне заметил клетки с хомяками.

— Кажется у меня есть идея, — сказал он и подмигнул кожаному.

А Петр почувствовал, как покидает свое тело, видит его как будто со стороны и становится невесомым. Чувство легкости сменилось каким-то странным ощущением затягивания в черную дыру. Он не сопротивлялся. И еще через мгновение понял, что смотрит на комнату глазами хомяка.

Он пробирался в темноте, ориентируясь в пространстве, как в норе, похожей на ту, что бесконечное количество вре-

мени он рыл в своей Клетке. Он искал. Инстинкт поиска был у него в крови.

Рыть нору, чтобы что-то найти, даже когда Клетка давит на тебя, даже если твой дом перевернулся, а другие говорят: «Хватит крутить это колесо, ты стоишь на месте». То, что для них было колесом, для него являлось смыслом жизни, бесконечной норой, тоннелем, дающим надежду вывести его куда-то в другое место. Куда? На этот вопрос он не мог ответить. Он верил, что там, за Клеткой, что-то есть. Но что? Ответа не было, ведь никто еще Оттуда не возвращался. Кроме одного, его учителя, который принял мученическую смерть ради спасения других, кто жил в Клетке. Они наблюдали за тем, как мучили их собрата, их учителя, вырезая острым ножом на его животе крест. Теперь знания, которые нес учитель, в Клетке называли CRIST как напоминание о том кресте. Сначала учение носило название CHRIST, но со временем вторая буква затерялась.

Для Больших, убийц, которые мучали их учителя, Сус был обычным, таким же, как и другие, сидящим в Клетке маленьким безобидным животным, рожденным для того, чтобы использовать его в опытах. Для этого его, как и других, кормили, поили — в общем, позволяли жить своей жизнью до поры до времени.

После того случая с Сусом других долго не трогали.

А вчера наступил день X. Петя, так звали нашего героя, убежал. Большую часть братьев из Клетки забрали большие руки: некоторых посадили в стеклянные банки, других на глазах у общины убили, разрезав им животы двумя линиями: вертикальной и горизонтальной.

Его уговорили сбежать. И он согласился.

Он долго не мог решиться бросить тех, кто остался, но соратники приводили весомые аргументы. «Если тебя убьют, то кто будет нести другим учение нашего Суса? Ты должен идти к другим и рассказать о той огромной любви, которую Он принес всем живым существам и за которую Он умер».

Мысли о Нем помогали забивать чувство голода, которое накатывало волнами и мешало ясно ориентироваться в пространстве. Поиск становился сложнее и невыносимее.

И тут он услышал знакомый голос, который окликнул его по имени:

— Петя!

Этот голос он бы не спутал ни с чьим. Он не удивился: тогда, когда Большие, мучая, убили Его, на третьи сутки Сус явился некоторым из Клетки. Так почему бы ему не появиться сейчас, в тот момент, когда его любимому ученику сложнее всего найти выход? Или это его разум мутнеет от невыносимого чувства голода?

— Сусе! Камо грядеши? — спросил Петя.

Сус спокойно ответил:

— Большие убили много моего народа, а ты его оставил, убежал.

— Но я сделал это для того, чтобы нести Твое слово дальше, другим, чтобы больше живых существ узнали о Тебе и о том, что миром правит любовь.

— Ты оставил мой народ, и я возвращаюсь в Клетку, чтобы Большие еще раз вспороли мне живот.

Петя посмотрел на Суса. Сус выглядел, как живой.

Они оба были хомяками. Сус отличался особой раскраской: шерстка у него была золотистого цвета — это большая редкость для хомяка. Но и Петя имел некоторые особенности: на его животе красовалось маленькое черное пятнышко в виде рыбы. Он стал на две лапки, еще раз посмотрел на свой отличительный знак на животе и почувствовал, как его охватила любовь к другим хомякам, тем, которые остались в Клетке, и тем, которые рождаются там. На столе, на котором Большие руки проводили опыты, он увидел картину — Большие называли такие журналами. На ней отчетливо светилось слов «CRIST». Правда, последняя буква была видна плохо, но в целом слово угадывалось. Петя подумал, что это знак и сказал:

— Я пойду с тобой, Сусе!

Поиск закончился, он вернулся в Клетку. А Сус исчез.

На следующий день клетку перевезли в другую квартиру, и хомяков кормили теперь другие Большие Руки. Перед тем, как их забрать, Большие Руки со стола на полку переложили журнал, на котором красочными буквами было написано «CRISPR».

CRISPR. Это означало «короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами». По-английски так — *clustered regularly interspaced short palindromic repeats*.

Инструмент редактирования генома.

И хомяк так и не узнал, что неправильно прочел надпись на обложке журнала.

А потом Петр увидел себя в автобусе №3, в том самом, в котором он сегодня ехал с работы домой. Хомяк в автобусе. Его как будто никто не замечал. Автобус был переполнен, Петя быстро перебирал своими маленькими лапками, бегая по салону. Немного посидел у ног девушки, которая что-то читала в телефоне, отложил два кругляшка рядом с ножкой кресла, на котором сидела женщина, рассказывающая про Икею и то, что ее уволили, пробежался по ботинкам рабочих со стройки с азиатской наружностью, пытаясь привлечь к себе хоть чье-то внимание. Но его по-прежнему никто не замечал. Только маленькая собака на руках старика истошно лаяла в его сторону. Хозяин ее успокаивал: «Ты что? Хватит лаять, ишь, заладила».

Постепенно салон автобуса начали заполнять полупрозрачные людские силуэты, похожие на привидения. Такие же привидения заметил хомяк Петя на остановках, мимо которых проезжал автобус. Некоторые из них выходили из автобуса, некоторые заходили, некоторые оставались ждать другой номер, Тройка была не их маршрутом.

Живые люди их не замечали.

Автобус вошел в тоннель.

Хомяк разделился на две части. Часть, которая осознавала себя как Петр, летела сквозь тоннель снаружи автобуса, а тело хомяка бездыханным лежало в клетке. Автобус затормозил. Петр ничего не видел, его ослепил яркий свет, который исчез также внезапно, как и появился. Он оказался на зеленом лугу, трава которого своей сочностью, яркостью и безупречной идеальностью напоминала картинку старой заставки Windows.

На лугу разные люди, некоторых из них он узнает: вот их соседка по подъезду, его одноклассник, первая учительница. Все они уже умерли. Среди этих людей Петр заметил своего дедушку, который возился с Москвичом, любимой машиной, с которой он по выходным пропадал в гараже, когда был жив.

Дедушка тоже его заметил и подошел, чтобы обнять:

— О, Петя, внучок!

В последнее время Петр совсем забыл про дедушку, но сейчас тоска резко нахлынула на него и он почувствовал, как сильно скучал. Вместе они подошли к старой машине, обошли ее со всех сторон. Петр вспоминал, сколько детских радостей было связано с этим корытом.

Дедушка смотря с любовью на внука, спросил:

— Как ты сюда попал? Тебе еще рано.

— Я умер, — ответил Петр ровно, сам удивляясь такому тону.

— Не похоже. Ты выглядишь, как турист. На тебе нет главной отметки.

— Какой? — поинтересовался Петр.

— Отметки смерти. У тебя поле другое, живое, как у туристов, которые сюда иногда заходят, кто по своей воле, а кто и нет. Мертвым с живыми долго разговаривать нельзя, это у нас не приветствуется. Поэтому прощай, до следующего раза, когда уже придешь сюда насовсем. Передай привет маме. А бабке не надо, скоро сама сюда приковыляет.

Образ дедушки исчез вместе с его Москвичом. А к Петру подошел человек в коричневом балахоне с капюшоном. Лица его не было видно. Он жестом поприветствовал молодого человека, приглашая пройти с ним. Их контакт был беззвучен, Петр как будто знал, что он за этим и пришел сюда. И ему нужен этот, в капюшоне.

Они молча шли по тропинке и приблизились к зданию, похожему на Городскую университетскую библиотеку, в которой Петр проводил много времени, когда учился. Здание было не вычурно, но богато украшено лепниной, ложными колоннами и другими так называемыми «архитектурными излишествами». По основной композиционной оси особняка располагались парадный вестибюль, центральный атриумный зал со световым фонарем, стеклянным потолком и зал с эркером, окна которого выходили на открытую террасу. К ним примыкали боковые помещения и комнаты, связывающие с атриумным залом два коридора. Большую часть территории вокруг здания занимал сад с большим фонтаном и бетонным бассейном сложной конфигурации. В саду были разбиты цветочные и ковровые клумбы. Вдоль дорожек стояло несколько скамеек с сиденьями и спинками из брусьев чугунного литья.

— Это библиотека? — спросил Петр у человека в капюшоне.

— Можно и так сказать, — ответил тот.

— А почему она так похожа на нашу университетскую?

— Так сконструировал твой приемник, твой мозг. Некоторым больше гарвардская нравится, а некоторым вообще вилла с бассейном и лежаками. Войдем? — они стояли перед массивной деревянной дверью.

— Видимо за этим я и здесь. Войдем. — Петр по-прежнему ничего не понимал.

Они шли по длинному коридору мимо открытых просторных комнат, похожих на читальные залы, из которых раздавались характерные звуки: шелест переворачиваю-

щихся страниц, шепот чтения, легкий гул вентиляторов компьютеров. Петра тянуло зайти хоть в какую-то из них, он очень любил атмосферу библиотеки.

— Не переживай, скоро дойдем до нашей залы, — как будто прочитал его мысли человек в капюшоне.

Уже через несколько секунд Петр со своим спутником оказались в небольшой комнате, самой маленькой из всех, которые встречались по пути. Комната была уставлена книжными полками от пола до потолка. Также тут стояло два письменных стола, на каждом из которых, помимо компьютеров, располагались разные гаджеты: шлем дополненной реальности, смартфон, планшет, наушники. Еще хаотично валялась бумага для записей и разноцветные ручки.

Петр подошел к одному из столов, сел на стул. Увидел, что на столе лежат три картриджа с надписями, прочитал вслух:

— Земля. Страна. Город. Земное время — 20?? год н. э. Что это?

— А это картридж, на котором записаны основные вехи твоей жизни. Он сейчас находится в обработке. Пришлось кое-что поменять.

— А на остальных двух что?

— Там земные события из прошлого планеты, связанные с твоей жизнью.

Петр читает:

— Земля. Шумер. Урук. Земное время — 2450 лет до н. э. Земля. Шумер. Кузалла. Земное время — 2425 лет до н. э. Как со мной могут быть связаны события, произошедшие более 4-х тысяч лет назад?

— Всему свое время, все узнаешь, не торопись. Но вообще наивно полагать, что время проходит и ничего от него не остается. Все со всеми связаны, и все со всем связано. Некоторые связи наиболее плотные. Прошлые события резонируют с будущими на основе вот таких уплотнений в связях. Некоторые наиболее плотные связи, которые влия-

ют на многих, держатся по вашим земным меркам очень долго, несколько тысяч лет. Бывает и дольше. До сих пор с темой выхода человечества из Африки разбираемся.

Петр почувствовал, что в комнате есть еще кто-то, огляделся. В углу заметил фигуру в балахоне, но с капюшоном серого цвета, лица его также не было видно. Она как будто появилась из ниоткуда, Петр готов был поклясться, что когда он сюда зашел, ее не было. Он хотел спросить, кто это, но потом подумал, что не знает, кем является и его провожатый в коричневом капюшоне и даже не представляет, зачем он тут, и надо бы начать сначала спросить об этом.

— Зачем я здесь? И кто ты? Кто этот человек, который сидит в углу? — спросил он.

— Я все тебе расскажу, не переживай, — успокаивал его спутник. — Но для начала предлагаю тебе освоиться в этом пространстве. — подает ему шлем дополненной реальности. — Вот, надень.

Окружающая картинка резко меняется. Петр видит себя маленьким, как бы со стороны. Маленький Петя едет на детском велосипеде по асфальту, местами потрескавшемуся. Его волосы развеваются, он визжит от восторга. Колесо велосипеда попадает в трещину на асфальте, начинает вилить — мальчик падает. К нему подбегает молодая мама, его мама, о боже, как она изменилась! Помогает подняться.

Картинка плывет, как воздух в жаркое лето, размывается, перестраиваясь в другую. Петр видит себя 10-ти летней давности. Он сидит с девушкой (О, Ира, его первая любовь!) на лавочке возле могильной плиты. Они целуются, страстность поцелуев нарастает, девушка отклоняется и игриво указывает взглядом на заросли возле лавочки. Юный Петр скидывает рубашку, кладет ее на могильную плиту в качестве подстилки, жестом показывает девушке, что пора бы и посерьезней дела делать. Девушка увлекает его в свои объятия. Он навис над ней, целуя в шею, в то время как она расстегивает его брюки. И тут раздается как будто из гром-

коговорителя: «Заниматься сексом, тем более первым, на кладбище — не самая хорошая идея, так можно „подцепить“ кое-каких непрощенных гостей из тонких миров».

Картинка опять меняется. Петр видит квартиру с явно «уставшим» ремонтом: обои в цветочек, во многих местах ободранные, старый линолеум, потерявший свой первоначальный вид. Петр быстро ходит по комнате, закидывает вещи в раскрытую дорожную сумку и чемодан на полу, параллельно переругивается с мамой. Мама явно недовольна происходящим. Эту картину Петр хорошо помнит, дело происходило всего полгода назад, когда Петр переезжал в съемную квартиру. Перед этим он каждую неделю в течение трех месяцев ходил к психотерапевту, где анализировал себя, свои отношения с мамой и детство. В процессе психоанализа он понял, что не сможет больше жить с мамой, об этом терапевт рассказывал ему уже несколько сессий.

— Вот зачем тебе это? Тебе тут что ли места мало? Я в одной комнате, бабушка в другой, у тебя своя! Зачем тебе тратить деньги на съемную квартиру? А кормить тебя кто будет? — переходит уже на крик, пытаюсь выхватить чемодан из рук Петра.

— Ма, мне 26 лет. Я смогу о себе позаботиться. Я не хочу жить с вами. Блин, ты душишь меня! Мне тесно, я без твоего контроля шагу ступить не могу. Я даже не могу понять, кто я и чего хочу от жизни за твоими: «Петя, надень шарфик и не забудь, что тебе надо кушать больше белков». Кушать! Какое идиотское слово! Есть! Надо говорить «есть», мама. — Петр очень зол на то, что она перевернула его чемодан, и теперь придется заново складывать вещи.

Мама качает головой, заламывает руки, пытаюсь остановить сына, закрывает собою дверь — видимо, она забыла, что он сильнее и спокойно может ее оттолкнуть. Петр отталкивает ее от двери, бросает чемоданы через порог и выходит. А мама кричит ему:

— Ты больше мне не сын! Применять силу к своей матери — это уже чересчур! Ты такая же бездушная тварь, как и твой отец!

— Ты еще скажи про осинки и апельсинки, или про свиных и бобра, — бурчит он, спускаясь по лестнице.

Она всегда сравнивала его с отцом, когда нужно было сделать акцент, на том, какое Петр говно. Но кто он и подробности из его жизни, рассказывать не хотела.

— А есть фильмы поинтереснее, чем истории из моей жизни? — снимая шлем виртуальной реальности, спросил Петр.

— А о чем бы ты хотел узнать? О смысле жизни, который ты потерял? А был ли он? Или о роли мамы в твоей судьбе? — с вызовом вопросом на вопрос отвечает человек в коричневом капюшоне и указывает на экраны, которые вдруг появляются позади молодого человека. — Ты еще можешь узнать о социальной обстановке в Стране, о расколе в обществе, который сейчас происходит в твоём пространстве, о том, стоит ли валить из Страны и куда. Про валить, вижу, особенно интересно. Ну скажем, так, свалить-то можно, главное, понимать зачем. А если хочешь убежать от себя, то это плохая идея, ты уже несколько жизней убегаешь, но результат плачевный: все повторяется снова и снова. Да, и я знаю о твоём недавнем споре с подругой Офелии по поводу прекрасного мира. Ты же не искренен был, то ли из духа противоречия, то ли из страха.

В это время на разных экранах мелькает калейдоскоп репортажей федеральных каналов: военные действия, реклама прокладок.

— А тут что, только провластные каналы вещают, судя по картинке? — пытается пошутить Петр.

— А тебе диссидентов подавай? Что тебя окружает, то и показывают.

В голове Петра проносятся воспоминания из последних сводок новостей. Ведущий вещает о боевых педерастах,

и том, как кому-то там командир Соседней Страны «вжарил под хвост». Петр с удивлением обнаруживает, что на экранах появляется именно эта картинка.

— Ты что читаешь мои мысли и транслируешь на экран?

— Не я, комната.

Петр начал оправдываться:

— Я вообще-то против меньшинств ничего не имею, просто вспомнил последние новости, которые я случайно застал у Офелии, когда к ней пришел и обнаружил ее мертвой. — он отметил про себя, что почему-то не хочет обсуждать это с человеком в капюшоне.

На экранах появилось изображение убитой Офелии.

— Убери это, — почти закричал Петр.

— Ну ладно, — человек в коричневом капюшоне щелкнул пальцами, и все экраны погасли. — Но ты же за этим сюда пришел? Пообщаться с Офелией? Этого я тебе сейчас предоставить не могу. Не от меня зависит. Но пока ты здесь, у нас есть что с тобой обсудить.

Петр чувствовал, как закипает. Последней каплей стала картина на экране. Человек в коричневом капюшоне, обратил внимание на эмоции своего собеседника:

— А чего ты злишься? Скорбь, грусть — это понятно. А злость тут как-то не к месту. Ты злишься на нее, что она тебя оставила? Это было ее решение.

— Она сама себя убила?

— Я сказал, что это было ее решение.

— Я не верю. Она не могла себя убить, у нас все только начиналось.

— А ты что думаешь, жизнь Офелии крутилась вокруг тебя? Пришел такой рыцарь, вытащил барышню из башни, только дракона убить забыл, — человек в коричневом капюшоне усмехнулся. — Сколько тысяч лет пытаюсь этот эгоцентризм из тебя выбить, а он все сидит. Ну тут и гены в этом воплощении работки добавили. Уроки души, уроки души! Что они по сравнению с наследственной переда-

чей! — вещал человек в капюшоне, картинно размахивая руками.

И, перестав интенсивно жестикулировать, продолжил:

— Обычно люди, когда попадают сюда, спрашивают, ну там, что я здесь делаю, где я и все такое. Тебе не интересно? Ох уж мне эти люди Рыбы, все у них не так, как у людей!

— Хорошо. — успокоившись, согласился Петр. — Давай начнем с того, где я?

— Это пространство между жизнями, ПМЖ, хотя — хмыкнул он, — хотя лучше бы это называлось ВМЖ.

Экраны в комнате снова включились, а потолок преобразовался в купол со звездным небом, как в обсерватории. Создав атмосферу, человек в капюшоне продолжил свой рассказ.

— Что на самом деле тебе сейчас важно знать, так это то, что твоя сущность на данный момент находится в некоей точке сборки, когда она может поменять свой духовный путь. В этой точке сборки соединяются три твои жизни, объединенные одной идеей: выбором, на какой ты стороне, светлой или темной. Светлое и темное — это не оценка, это не есть хорошо или плохо, это про качество энергии движка, на котором едет душа, и, соответственно, ее земные воплощения. Ты висишь между темным и светлым уже несколько тысяч лет. Все началось в Шумере. Я принял решение, что надо как-то тебя подтолкнуть, поскольку от этого зависит не только твое бытие, но и бытие других людей. Да и на Земле сейчас настало время сдвига энергий. Надо выбирать, мой друг. Скоро начнутся очень странные, на первый взгляд, события в твоей текущей жизни. Сюда ты прибыл для перезагрузки. Энергия твоей сущности начала затухать, а мы себе это никак не можем позволить.

Когда человек в капюшоне все это рассказывал, Петр ощущал, что он как будто наполняется чем-то новым, его начало подташнивать, в теле появляется тяжесть.

— Что происходит?

Он никогда не чувствовал ничего подобного: его закручивало, казалось, что куски плоти отрывались друг от друга, увеличивались, меняя свой физический состав. Петр как под микроскопом видел клетки своего тела, заполняющие пространство вокруг. И потом — взрыв!

— Неприятно, — констатировал человек в капюшоне, — хорошо, что твое тело в коме. Потерпи, скоро все закончится.

И, обращаясь к человеку в сером балахоне, по-прежнему сидевшему в углу и наблюдающему за происходящим:

— Шаманская ломка. Ты же тоже это проходил.

Сзади, слева и справа от Петра появились два пламени: желто-красное и черно-белое. Через мгновение они бросаются друг к другу, смешиваются, превращаясь в пылающее всей цветовой палитрой изображение рыбы.

Петр постепенно приходит в себя. Смотрит на свои руки, пытается встать со стула.

— Что это было? — спросил он слабым голосом.

— Ты что-нибудь слышал о шаманской болезни? — вместо ответа задал вопрос человек в коричневом капюшоне.

— Нет, я ученый.

— Так вот, дорогой ученый, сейчас твое тело находится в коме, а твой дух проходит инициацию. Тебе же поставили там на земле твои ученые диагноз «депрессия». А в детстве маму пугали тем, что когда ты вырастешь, есть высокий шанс проявление биполярного расстройства. Так? Ты об этом никому не рассказывал, стыдился. Так вот, никакое это не биполярное расстройство и уж тем более никакая не депрессия. Это шаманский дар, передающийся по наследству. А сейчас полным ходом идет шаманская ломка.

С детства Петр замечал за собой разные странности, которые казались ему, когда он вырос, признаками какого-то психического расстройства. Анализируя свое состояние, он заметил три стадии его жизненной линейки. Он назвал их

«безудержный трэш», «жизнь-говно» и «все-равно-никак». Это было похоже на три стадии биполярки: мания, депрессия и какая-никакая ремиссия. Состояние «все-равно-никак» превалировало, оно могло длиться неделями, иногда месяцами. Какой-то периодичности в смене этих трех составляющих его бытия он не наблюдал, хотя все время пытался поймать закономерность. Он даже на биофак пошел и стал изучать генетику, чтобы понять это уравнение своей жизни. Иногда казалось, что он вот-вот и найдет ответ, но какая-нибудь последняя цифра выходила из красивой системы уродливой несостыковкой. И теория рушилась.

«Все-равно-никак» было похоже на состояние куколки. Тебя ничего не волнует. Ты сидишь в своем коконе в виде желе и просто живешь. Даже перемен никаких не ждешь, ты просто кисель, природный физиологический кисель. И не важно, что у тебя есть руки-ноги, знакомые, работа. Ты кисель. И тебя ничто и никто не волнует. Он встречался с девушками, занимался с ними любовью, ел, спал, работал, ездил в автобусе, звонил маме. Но внутри происходило загустение природного субстрата. Иногда он шевелил брюшком, дышал, испарял пустые, никому не нужные слова и мысли. В такие моменты он получал необходимую для внутренних изменений энергию от мира. Это «все-равно-никак» было монотонно-длинным трамплином от «жизнь говно» к этапу «невероятный трэш».

Когда наступал «невероятный трэш», он придумывал что-то интересное, делал открытия, плохо ел, мало спал и даже забывал помыться. Бедные люди в автобусе, стоящие рядом! Но в последнее время период трэша становился все короче. Когда Страна объявила свою спецоперацию в Соседней Стране, настал период «жизнь говно», который никак не заканчивался. Тело тоскливо ломило, как будто его всего изнутри побили. Били долго, нещадно и заковыристо изошренно, так, чтобы ни одного живого места не осталось. В голове гудело, движения становились уныло заторможенными.

Заметно ли было это внешне, Петр не знал и в последнее время стал догадываться, что люди его «жизнь-говно», а, по мнению психиатра, депрессию, воспринимали неправильно. Его все время спрашивали: «А что ты такой унылый»? Действительно, «а что случилось?». Фраза, которая приобрела после начала спецоперации особый смысл и стала мемом. Продавщицы в магазине быстро пробивали товар, в два раза быстрее обычного, отсчитывали сдачу и даже как будто забывали на прощание дежурно улыбнуться. Его это злило. После злости накатывала тоска, накатывала волнами, будто искала берег, но не находила его, разбиваясь о бесполезность происходящего. Петр постоянно задавал себе вопросы о том, зачем все это, для чего мы живем, что будет с нами, ведь мы все равно все умрем, а там ничего нет.

Он, в отличие от своего окружения, не боялся атомной войны. Что-то еле уловимое, с ячменное зернышко в центре его тела, всегда знало, что эти вопросы он задавал себе тысячу раз и тысячу раз получал ответы, всегда разные, не удовлетворяющие его в тех жизнях, в которых эти вопросы приходили.

В самые острые моменты тоски, особенно если приходилось общаться с большим количеством людей, его выворачивало наизнанку, тошнило. И если он не успевал добежать до унитаза, тошнило прямо туда, где застало. Поэтому он всегда носил с собой сменную футболку — неизвестно когда и где накроет.

Секса вообще не хотелось, как будто он существовал на отдельной планете, планете, где люди были другие, с восемью руками и огромного роста. Пока не появилась Офелия, ее он хотел всегда и везде. Но до встречи с ней, в период, когда его особо накрывало, сексом он почти не занимался, спал мало, забываясь уже под утро, истерзанный сбивчивыми, солеными мыслями.

Самое отвратительное, что никому об этом нельзя было рассказать. Не то, чтобы его состояние было уникальным,

просто тот флер говна, окутывающий его с ног до головы, окукливающий без спроса и непонятно когда собиравшийся закончиться, передать словами невозможно. Да и стыдно было вывалить свое душевное уродство перед другими.

— Все это с тобой происходило, так как ты потомственный шаман, который должен принять свой дар, — как-то даже обыденно сказал человек в коричневом капюшоне, поглядывая на того, кто сидел в углу. — Твой дед был шаманом и отец тоже — это гены. Тебе никто этого не рассказывал, но шаманской болезни все равно, знаешь ты о своем даре или нет, она в любом случае тебя настигнет. Поэтому ты здесь.

— Я сам создал всю эту картинку и тебя тоже. И все это — игры разума, — закричал Петр, пытаясь встать со стула.

Но когда он встал и попытался сделать шаг вперед, то не смог идти дальше: пол превратился в желеобразную конструкцию, в которую человек как будто врос, и которая, нарушая все законы физики вытягивалась вслед за попыткой поднять ногу.

— Боюсь, ты не сможешь уйти раньше, чем мы закончим этот разговор, — прокомментировал человек в коричневом капюшоне.

Петр негодовал:

— Да кто ты вообще такой?

Человек в коричневом капюшоне невозмутимо:

— Сядешь?

Петра с силой бросило в кресло. А человек в коричневом капюшоне продолжал:

— Я тот, кого вы во многих культурах называете ангелом-хранителем, служитель Жизни, курирую людей. Ты спросишь, почему я предстал тебе в виде человека? Чтобы тебе легче было воспринимать все, что здесь происходит, и твой мозг не тратил лишние калории на восприятие новой информации.

— Если ты мой ангел хранитель, почему я раньше тебя не видел? — не унимался Петр. — Ты же должен был меня охранять, направлять и все такое.

— Глазами не видел, но ощущал. Ты же знаешь, глаза врут, а кожа нет. А? Помнишь, как ты однажды в детстве до вечера играл с другими детьми, потом все ушли, а ты остался один и плакал, так как не помнил, как дойти домой?

— Да. Но потом ко мне подошла кошка, черная с белым воротничком, я гладил ее. Она начала убегать, я побежал за ней, и она вывела меня к дому, — эти воспоминания заставили Петра улыбнуться.

Черная кошка с белым воротничком внезапно появляется на коленях Петра. Он инстинктивно отпихивает ее на пол. Недовольно мяукнув, кошка убегает.

— Это был ты? Ты умеешь превращаться в котов? Тупой вопрос, да?

— Нет. Мне нет надобности превращаться в котов, но я могу создать виртуального кота. От настоящего не отличить. С тобой всегда было много мороки, и, надо сказать, не только в этой жизни.

— Почему сейчас? Почему я попал сюда?

— Эээ, ну, чувак, ты же вколол себе большую дозу средства, которое вызывает околосмертное состояние. Все закономерно. Понятно, что я подтолкнул тебя к этому, создав усиленный эмоциональный фон, но в целом уже пора было что-то делать с твоим шаманским даром.

— А Офелия как-то с этим связана?

— Ну, конечно, а ты как думал? Ты вообще слушаешь меня? Я ж тебе уже сказал, сейчас ты попал в точку сборки своих жизней. Когда вы, люди, проживаете определенные события, вы не просто их живете. От них идет разный информационный фон. И если в нескольких параллелях этот фон одинаково вибрирует, то это меняет пространственно-временное устройство. Сейчас главная особенность твоего проживания состоит в том, что ты чувствуешь себя

не на своем месте. А где оно, твое? Точка сборки переместилась. И мы тебя сейчас перестроили. Теперь все пойдет несколько иначе, чем было задумано изначально. Ну, в конце концов, есть же место во Вселенной для экспериментов. Один уже пробовал так сделать, по вашим земным меркам 2 тысячи лет назад, и кое-что у него получилось. Правда, немного не так, как мы планировали, допустили мы ряд ошибок, да.

Петр посмотрел на него удивленно.

— Да ты не думай, мы на тебя не собираемся столько навалить, сколько на него, да и эксперимент будет не такой жесткий. Но все же то, что ты человек рыбы, это к чему-то обязывает и дает определенные надежды на успех.

— Что значит человек рыбы? — поинтересовался Петр.

— У каждой души есть движок, определенная суть, с которой она приходит на Землю. Рыба — это обозначение определенного типа энергии. Все началось в Шумере, да. Они это рыбой обозвали, нам понравилось. Есть еще энергия агнца, собаки и пр. Некоторые из рыб — мои подопечные.

— Ты сказал, что все началось в Шумере. Но я знаю, что рыбы символ христианства, а это было гораздо позже.

— Христиане просто популяризировали этот символ, потому что Иисус был человеком рыбы. А вообще все началось в Шумере.

В его руках из ниоткуда появилась толстая книга с изображением рыбы на обложке, он раскрыл ее и начал читать:

— В древних шумерских мифах мудрость и источник знаний ассоциируются с водами и тем существом, которое в образе Рыбы с человеческой головой дало людям знания. Вот как доносит до нас это событие жрец бога Энки Элайя (кстати, с Элайей тебе еще предстоит познакомиться). Так вот, он писал: «Однажды из моря явился зверь, одаренный разумом. Все тело у зверя того было рыбье, только под рыбьей головой у него была другая, человеческая, речь его так-

же была человеческая. Это существо, бывало, проводило весь день среди людей, не принимая никакой пищи, преподавая им понятия о грамотности, науках и всяких искусствах. Оно научило людей строить города и возводить храмы, вводить законы и мерить землю, показало им, как сеять зерно и собирать хлеб — словом, научило их всему, что смягчает нравы, так что с тех пор никто ничего превосходного уже не изобрел. А когда солнце заходило, это удивительное существо погружалось опять в море и проводило ночи в пучине, ибо там был его дом. Оно написало книгу о начале мира и о том, как оно возникло, и вручило ее людям». А в вавилонской поэме о потопе есть такие строки: «Иштар кричит, как в муках родов, Госпожа богов, чей прекрасен голос: Прежние дни обратились в глину, ибо в совете богов я решила злое. Зачем в совете богов решила я злое, на гибель людей моих я войну решила? Для того ли рожаю я человеков, чтобы, как рыбий народ, наполнили море!»

— Ну пожалуй, хватит сегодня с тебя уроков мифологии. Убедил я тебя? Твой мозг ученого не будет больше сопротивляться?

— Я так понимаю, что мое тело сейчас в коме, и когда я выйду из него?

— По земным меркам через пару дней.

— А что мне дальше со всем этим делать? Что я вообще должен делать?

— Я тебе тоже этого не скажу. Не знаю.

— Ты не знаешь? Но ты же сказал, что знаешь многое. Прошрое, настоящее, будущее — разве ты не можешь видеть его?

— Не в этом дело. Видишь ли, мой непокорный друг, Большие дали вам, людям, свободу воли, иначе вся эта затея на Земле была бы бессмысленна. Поэтому, кроме тебя, на вопрос, что ты со всей информацией этой будешь делать дальше, никто не ответит. Кстати, насчет времени. Не знаю, поможет ли тебе это как-то, но в общем-то нет ни

прошлого, ни будущего, есть разные варианты судеб, которые происходят в разных пространствах. Меня настоящее, ты меняешь не только будущее, но и то, что у людей принято называть прошлым. Только ты сам можешь принять решение. Ты привык, что тобою манипулируют. Но у тебя есть свобода выбора и в этой жизни, и в других. Ты выбрал эту жизнь, чтобы поверить в то, что ты многое можешь. Давай-ка я лучше помогу тебе вспомнить основные вехи твоей жизни, чтобы ты смог сам все это пересобрать.

Петр напрягся. Он чувствовал сейчас себя полным куском дерьма, который плывет туда, куда его пнут. И самое мерзкое заключалось в том, что он всегда в глубине души верил, что рожден для чего-то более великого. Но ведь наверняка все думают, что они индивидуальности, для многого рождены, на многое способны.

Большую часть людей Петр считал биомассой. Но уже многие годы и себя тоже. И это злило его. Все его действия в последнее время были направлены на то, чтобы убить того внутреннего червя, который расковыривал его, жрал, заставляя искать в себе что-то особенное. Он размышлял о том, как мама капля за каплей выдавливала из него то, что в детстве позволяло чувствовать себя особенным и что интересно, восхищало его.

Он вспомнил, как, когда ему было лет семь, он подобрал на улице котенка, у которого была поранена лапа, принес домой, завернул в мамин платок. Потом гладил больную лапу и нашептывал какое-то придуманное им же самим заклинание. Не важно, что он в тот момент говорил, важно, что он чувствовал, будто мог передать эту энергию исцеления, сформировавшуюся внутри него, коту, и что так лапа действительно вылечится. Пришла мама, забрала кота, отнесла его в ветеринарную клинику, а потом кому-то подарила. Она ругала сына, очередной раз повторив что-то про отца и про то, что «хватит этой хренью заниматься. Заговоры он какие-то придумывает, идиот мелкий».

Он вспомнил еще один случай. Когда ему было 14, он купил в эзотерическом магазине карты «Таро», рассматривал их с интересом, пытаясь понять символику на картинках и то, как же через них можно предсказывать будущее. Когда мама увидела карты, долго кричала, повторяя, что надо выбить эту отцовскую шаманшину, а потом выкинула карты на помойку. В наказание лишила игры в приставку на три дня. Она тогда его не приставки лишила, а веры, что есть что-то интересное, загадочное, символическое.

— Пришло время взломать эту скорлупу, этот кокон, который твоя мать создала вокруг тебя, пора уже проснуться для настоящей жизни, — подытожил человек в коричневом капюшоне.

Он энергичным движением встал из своего кресла и принялся ходить по комнате. На экранах появилась линия, символизирующая течение времени. Через мгновение она сжимается, сворачиваясь в клубок.

Человек в коричневом капюшоне, с улыбкой смотря на Петра:

— Перемены уже начались. Смерть Офелии не единственное, что встряхнет тебя. Но чем больше ты будешь сопротивляться, тем больше будет встряхивать, чтобы ты принял какие-то решения и изменил свою жизнь. Это тебе сложно давалось и в других воплощениях.

Он некоторое время молчит, пьет кофе из внезапно появившейся пиалы, а потом продолжает:

— Я так до конца и не пойму по твоим вибрациям, готов ты выйти на новый уровень или нет. Слушай, если ты хочешь вернуться к своей прежней жизни, это тоже можно сделать. Офелию, конечно, не вернешь. Но ты сможешь при желании об этом постепенно забыть и вернуться ко всем рыбьим вопросам в следующей жизни. Новый виток будет тогда позже. У нас много времени, бесконечно много. И у тебя есть свобода выбора, помни об этом.

Во время разговора Петр иногда посматривал на человека в сером капюшоне, который все время сидел на расстоянии нескольких метров и читал книгу. Иногда этот человек поворачивался в сторону Петра. Его лица было не видно, но молодого человека преследовало ощущение, что он с ним знаком.

— Кто это? Почему он здесь?

— Шаман. Смотрит и учится. Ты позже познакомишься с ним поближе.

Петр уставился на шамана, пытаясь разглядеть его лицо. Но его образ начал расплываться, тогда он повернулся к человеку в коричневом капюшоне, но того уже не было. Вскоре начали размываться и другие предметы в библиотечной комнате. И тут он четко услышал женский голос:

— Иди сюда, он очнулся.

Петр открыл глаза. Он лежал на больничной койке в палате, а на стульчике около него сидела девушка, которую он, кажется, где-то встречал. Через секунду он также увидел улыбающуюся физиономию Андрея.

— Друг, напугал же ты нас всех!

ГЛАВА 3

Оглядевшись вокруг, Петр понял, что находится в больной палате. Он, конечно, был в курсе плачевного состояния государственной медицины, но теперь ему пришлось убедиться в этом воочию. В последний раз он лежал в больнице, когда был совсем маленьким, а в детстве все воспринимается как приключение, даже рыжие тараканы, нахально снующие по стенам. Тут они тоже были, по крайней мере одного Петр точно заметил: усатый быстро бежал по потолку, а потом скрылся в трещине на стене, среди облупившейся синей краски.

— Ты, брат, еще тумбочку не открывал, — прокомментировал Андрей, поймав взгляд Петра, следящего за тараканом.

Краска полопалась на всех стенах, как будто их изрешетили при обстреле. Палата была рассчитана на трех человек, это Петр понял по еще двум кроватям, стоящим у стены. Сейчас они пустовали. В углу расположился маленький скобоченный умывальник. К нему вели трубы, ржавые и влажные. Батареи тоже покрылись ржавчиной. Петр попытался повернуться, старая кровать под ним заскрипела, а матрас хотел съехать на пол, но русоволосая девушка, которую он не мог вспомнить, заботливо его поправила.

Петр посмотрел в окно, на здание напротив.

— Напротив психушка же? — это были его первые слова.

— Да. А ты в Центральной Городской Больнице. — ответила девушка с русыми волосами, собранными в пучок. Она

смотрела на него острыми маленькими глазами, как будто пытаясь что-то скрыть.

— Может, тебе уже туда надо? Обычно самоубийц туда отвозят, но там бы тебе точно не понравилось, — добавил Андрей.

— А сколько я здесь провалялся?

— Почти две недели. Мы уже думали, что тебе конец. Правда, твои показатели стали улучшаться два дня назад, поэтому тебя из реанимации перевели в обычную палату. К тебе, кстати, заходил один мужик в белом халате, но это не твой лечащий врач. Он как раз с лечащим и приходил, расспрашивал его о тебе. В возрасте, с седой бородкой, говорил, что родственник. Ты не знаешь кто это?

— Нет у меня родственников с седой бородкой.

— Ладно, не важно. Лучше расскажи, что это было? Врачи ничего не могли найти, только сказали, что у тебя прокол в вене, что возможно, это были наркотики... И ты провалялся больше суток! Только странно, что ты находился в коме. В общем загадочный случай. — Андрей говорил быстро и сбивчиво, с интересом смотря на Петра.

Потом он мельком взглянул на Эллочку и добавил:

— При ней можно все говорить, это наш человек. Что за наркоту ты себе вводил?

Андрей поймал непонимающий взгляд Петра, типа «а кто это?».

— Да это Элеонора, Эллочка, ну помнишь, я вас знакомил, как раз перед тем, как ты того, хлопнулся. Ну в тот день, когда мой папаша о любви к родине со сцены сотрудниками вещал. Девушка моя.

Петр отметил про себя, что девушка довольно симпатичная, и веснушки у нее милые. Черты лица ее были мягкими, но мимика выдавала довольно строгую и бескомпромиссную особу.

— Я не вкалывал себе наркотики. Я испытывал вещество, которое разрабатывал в домашней лаборатории. Долго рас-

сказывать, но в общем оно вызывает околосмертные переживания. — сделал паузу и спросил, надеясь, что смерть Офелии ему пригрезилась, мало ли. — А Офелия... что с ней?

— Тебе, наверное, нельзя волноваться, — с заботой в голосе начала Эллочка, — но ты ж все равно узнаешь. В общем, она покончила жизнь самоубийством, ее уже похоронили.

Петр ощутил, как тупая боль снова вернулась к нему. Больно было двигать руками и ногами, но еще невыносимее было в его душе. Значит, все это не сон. Он понял, что сопротивляться бесполезно, и боль криком вышла через горло.

Прибежала какая-то медсестра с успокоительным, попыталась вколоть в вену Петра, тот выбил из ее руки шприц и сказал, что не надо колоть, орать он больше не будет.

— А это не вы, молодой человек, должны решать, а ваш лечащий врач, — и убежала, кинув в сторону Эллочки и Андрея, — присмотрите тут за ним, пока не вернется врач.

В палате воцарилась гробовая тишина, которую Андрей и Эллочка попытались разбавить разговорами про больницу и тараканов.

— Обстановка здесь, конечно, лакшери! Хорошо, что ты был в коме: две недели провести в такой атмосфере — это не для слабонервных. Ну а какие тут могут быть комфортные условия? С союзных времен, судя по всему, ремонт не делался. А сейчас вообще не до этого. Нефтедоллары идут на пушки, а не на медицину. — рассуждала Элеонора.

— А тараканы! — подхватил Андрей, — Тараканы, черт возьми, они повсюду! Я в жизни столько тараканов не видел, просто питомник тараканий! Когда тебя из реанимации перевели в обычную палату, я остался рядом на случай, если ты вдруг очнешься. Так я не смог даже глаз сомкнуть. Если выключить свет, а потом спустя пять минут подсветить телефоном, то можно с ума сойти от того, сколько этих усатых-бородатых рассекают по полу, столу. И что самое мерз-

кое — они по кроватям бегают. Знаешь, скольких я с твоего лица стряхивал! До сих пор мурашки по коже.

— Вижу, над дверью висит аппарат для кварцевания, — поддержал беседу Петр, голос его был пока слабым, — включил бы его, тараканов бы это не убило, но временно дезориентировало и ограничило в возможности свободно размножаться.

— А я даже и не подумал об этом. — сказал Андрей, видно было, что эта мысль его на самом деле заняла.

Петра не пугали ни обшарпанные стены, ни тараканы. Он пережил такой опыт, который стоил всего этого, вот только тоска по Офелии никуда не ушла. Ему не хотелось выходить из этой палаты, потому что когда он выйдет, ему придется продолжать свою жизнь. А он не знал как. Как раньше он уже не смог бы, а как по-новому, он еще не понимал. Он подумал, что неплохо было бы здесь поваляться какое-то время, пока не соберется с мыслями. Ему еще придется столкнуться с лечением, питанием и туалетом в этом «современном» медицинском учреждении. Но это испытали на себе миллионы жителей Страны, и, надо сказать, никто от этого не умер. «Вы ж не в санаторий приехали», — вспомнил он слова санитарки. А хотелось бы уже в санаторий, чтобы можно было нормально ездить, лечиться, учиться. Но придется опять бороться. Что ж, похоже, никуда не денешься. Но а пока больничка хорошо подходила для переходного этапа, чтобы собраться с силами.

А что туалеты? Туалеты, как везде: одна уборная на весь этаж, где 20 палат, метр на полтора, унитаз сломан, сливное устройство не работает. Запах сигарет, хотя это запрещается и грозит штрафом (к штрафам нам не привыкать), но курить-то хочется, а из палаты не выпускают.

Что касается питания, то кормили три раза в день: завтрак в 8.00, обед в 13.00 и ужин в 17.00. Точность — вежливость королей, ну, и больничных поваров! Вся пища безвкусная: не сладкая, не соленая, без сливочного масла, еле

теплая. Это, видимо, для того, чтобы напомнить больным, что они не в санаторий приехали. Разваренная до состояния каши лапша да пшеничная кашка с котлеткой, похожей на увеличенные хомячьи фекалии (Петр знал толк в хомячьих какашках). И теперь ему предстояло их есть. А еще холодный борщ, который создавал впечатление, что капусту, свеклу и морковку просто залили разбавленной кровью сырой водой.

Женщины в пестрых ситцевых халатах в цветочек и мужчины в растянутых трениках добавляли колоритных штрихов в атмосферу. И, странно сказать, все это Петру даже нравилось. Здесь время останавливалось, а это то, что ему было сейчас нужно.

На следующее утро в 7.00 к нему пришла медсестра, и сказала, что раз он очнулся, нужно провести все необходимые анализы, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Принесла маленькие серые листочки с назначениями, сказала, чтобы он зашел в процедурную, там ему все сделают, что нужно. Забор анализов: моча, кал, кровь.

Медперсонал был на удивление адекватный. Петр думал, что здесь работают так, как им платят, то есть, никак. Но ошибся. Никто не орал, все объясняли и даже пытались шутить. Только санитарки позволяли себе грубить. Но, видимо, это такой вербальный дресс-код.

Анализы были хорошие, поэтому Петра не лечили, а просто наблюдали.

Давали какое-то успокоительное на травках и витамины, которые нужно было забирать у дежурной медсестры строго с 9.00 до 10.00, иначе можно было не успеть и остаться без таблеток. «Приходите вовремя, иначе их раздадут другим больным» — повторяли медсестры.

Как-то Петр краем уха услышал разговор медсестры с одним из пациентов. Тому не досталось таблеток, и он громко возмущался, так как теперь придется их покупать за свои деньги. Он повторял, что платит налоги, и ему обя-

заны это дать, а еще предоставить бахилы и другие медицинские прелести, положенные по закону. На что медсестра ровным, абсолютно не выражающим никаких эмоций тоном (у Петра было ощущение, что он просто смотрит стендап) ответила:

— Вот у вас машина есть?

— Да, — выпалил дядька, пока еще не чувствуя подвоха.

— Налог транспортный, наверное, платите.

— Ну а как же!

— А вы по дорогам ездите? — продолжала медсестра.

— Да, не летаю же по воздуху.

— А они как, всегда ровные?

— Нет, вот в прошлом месяце пришлось колесо менять, в яму влетел. — дядька начал ощущать подвох, но не понимал какой.

— Ну вот и в медицине так же. Налоги вы платите, конечно, и вам обязаны выдавать здесь бесплатные лекарства, бахилы, а нам хорошие зарплаты. Но в реальности у вас нет бахил, а у меня хорошей зарплаты.

Через три дня Петра уже выписывали. За это время в анализах не нашли ничего, что могло бы его здесь держать. Теперь он сидел и ждал, когда за ним заедут Андрей с Эллочкой.

Петр выразил желание некоторое время пожить не в Городе, а в каком-то спокойном месте, чтобы понять, что делать дальше. Его психологическое состояние было удовлетворительным, как выразился врач, но ему рекомендовано еще пару недель отдохнуть. Больничный был выписан как нельзя кстати, потому что сейчас появляться на работе Петру очень не хотелось. Ему вообще не хотелось возвращаться к старой жизни. Друзья должны были заехать около 13.00. Часов в палате не было, у Петра тоже. В реанимацию его отвезли без телефона. Он сидел и ждал, когда Андрей зайдет, прокручивая в голове сцены, которые он видел, будучи в коме.

В дверь постучали.

Но вошел не Андрей. Да это и не мог быть Андрей, он никогда не стучал. Вошел пожилой мужчина, одетый в дорожной деловой костюм. В руках у него был кожаный портфель, очень не дешевый на вид. Мужчина имел невысокий рост и черные волосы, во многих местах с проседью.

— Добрый день, Петр! — обратился вошедший к Петру.

Голос его был довольно тонкий для мужчины, но властный. Уже по приветствию было видно, что этот человек не терпит, когда с ним спорят.

Петр узнал его. Это был Георгий, отец Андрея, любовник Офелии, местный бизнесмен и депутат.

Петр почувствовал, как волна злости накатывает на него.

— Добрый день! Неужели в это убогое место вас привела моя скромная персона?

— Да ладно вам! Я вас хорошо знаю. Я слежу за перспективными сотрудниками. К тому же с вами дружит мой сын. Я вынужден контролировать все, что происходит с этим балбесом, чтобы уменьшить то количество позора, которое по его вине обрушивается на мою голову.

Петр заметил, что присутствие этого человека делает пространство каким-то тугим и малоподвижным. Его злость начала проходить. Но сопротивление никуда не ушло.

— Вы об Андрее пришли поговорить?

— Нет, о вас. До меня дошли слухи, что вы собираетесь на время уехать. Я не против, просто хочу вам сказать, чтобы вы не беспокоились и возвращались. Для вас подготовлено место в составе команды, которая разрабатывает новую вакцину. Вы там очень нужны.

— Я несколько удивлен вашим предложением и даже польщен. Но не могу ничего обещать. Я пережил большое потрясение. Мне надо с этим как-то справиться, и я не уверен, что мне хватит двух недель для этого. В любом случае я сообщу в институте о своем решении заранее, не беспокойтесь.

— Я догадываюсь, о каком потрясении вы говорите. — в голосе Георгия появились металлические нотки, кадык задрожал.

Но он быстро взял себя в руки и нарочито сделанным доброжелательным тоном продолжил:

— Я знаю про вас и Офелию.

Петр не ожидал такой прямоты.

— Как и когда вы узнали?

— Сейчас это уже не важно. Но я знал с самого начала.

— Она вам сказала?

— Нет, она извивалась, как живая рыба на сковородке, до самого конца. — Георгий сглотнул слюну и продолжил. — Вы думаете от человека с моими возможностями можно что-то утаить?

— Почему вы молчали?

— Думал, это ее увлечение пройдет. Да и хотел рассмотреть тебя поближе. Хотел понять, что в тебе такого, что она втрескалась в тебя, как девчонка, абсолютно позабыв о своей репутации. Я наблюдал за тобой. Ты не так прост, как кажешься с первого взгляда. Ты мне напоминаешь одного человека, которого я знал в молодости. Расскажи мне о том, какая она была с тобой? — голос Георгия становился все тише и тише, он перешел почти на шепот.

— Я не хочу с вами о ней говорить. Я вообще ни с кем не хочу о ней говорить.

Петр поднялся с кровати, подошел к двери, рядом с которой стоял Георгий.

— Позвольте? — он попытался убрать руку мужчины, чтобы пройти.

Тот не шевельнулся.

— Мы еще не договорили, молодой человек. Очень невежливо вот так обрывать разговор. Не заставляйте меня давать вам уроки хорошего тона. — он опять перешел на «вы».

Петр сделал пару шагов назад и уставился на Георгия, показывая всем своим видом, что он его не боится.

— Вы что-то еще хотели обсудить? — спросил Петр с вызовом в голосе.

— Да. Ваши околосмертные переживания. Офелия мне говорила, что вы с ней как-то заключили договор о том, что если она умрет, то вы используете самостоятельно разработанное вещество, чтобы встретиться с ней. Вы видели ее, когда ваше тело было в коме?

— Нет, — коротко ответил Петр, и это было правдой.

— А что вы там видели? В пространстве между жизнями?

— Откуда вы знаете о нем?

— Книжки читал, — как будто осекся Георгий.

— Ничего не видел, — уже соврал Петр.

— А ведь вы лжете мне сейчас. Я слишком давно в политике, поэтому разбираюсь, когда лгут, а когда говорят правду.

— Слушайте, я не понимаю, зачем это вам, — попытался как-то уйти от разговора Петр. — Я даже и не думал, что мои приходы в коме могут быть интересны такому серьезному человеку, как вы. — он сделал паузу, а потом вцепился взглядом в черные, казавшиеся дьявольскими, глаза Георгия. Атмосфера накалялась.

— Пытать будете? — Петр сжал кулаки.

Дверь с обратной стороны толкнули, Георгий подался вперед, но не упал. А вот его портфель полетел вниз и раскрылся, оттуда вывалилось несколько пачек зеленых купюр. Доллары.

В комнату вошел Андрей и громко объявил, не заметив отца:

— Карета подана! Эллочка ждет в машине, пойдём.

Увидев отца, удивился и в притворно-комической манере продолжил:

— О, папа, дорогой! Какими судьбами в таком месте? Вот уж не ожидал. А я думаю, твоя машина или нет под окном.

— Я уже ухожу, — собирая деньги и застегивая портфель, зло процедил Георгий и добавил, показывая на доллары. — Все это может стать вашим, молодой человек, если продолжите работать на меня в институте. Ваша разработка вещества, которое приводит к околотемным переживаниям, очень интересна. Позвоните, если захотите все обсудить.

Он достал из внутреннего кармана пиджака визитку и протянул ее Петру. Андрей перехватил, начал крутить в руках.

— О, новая! Я еще таких не видел у тебя. Хотя визитки — это прошлый век.

Взял ее в зубы, подошел к Петру и бросил к ногам. Петр прыснул от смеха.

— Идиот! Видела бы тебя твоя мать! Как хорошо, что она не дождала до этого позора! — Георгий хлопнул дверью и вышел.

Молодые люди втроем ехали на квартиру Петра, чтобы тот собрал сумку для отпуска в деревне. Но перед этим Петр хотел посетить кладбище, где была похоронена Офелия.

Оказавшись на месте, Андрей вызвался показать ее могилу, но Петр хотел пойти один. Тогда друг объяснил ему, как найти дорогу, потому что памятник еще не поставили.

Петр быстрыми шагами, почти бегом, шел вдоль многочисленных крестов, похожих один на другой. Полуденное июньское солнце слепило глаза. Он дошел до могилы Офелии, это точно была ее (Окминян Офелия Араратовна 19?? — 20??). «Окминян — это родная душа, — вспомнились ему слова Офелии. — Я твоя родная душа».

Рядом двое мужчин средних лет, явно уже под мухой, копали еще какую-то могилу. Один из них курил. Петр ничего не спрашивал, но тот обратился к нему:

— Закурить не хочешь? Помогает отбить запах, да и время убить, оно тут тоже словно умирает.

У мужчины зазвонил телефон, он взял трубку, а потом обратился к своему напарнику: «Кажется тело привезли, пойдем».

Петр остался совсем один. Еще раз прочитал имя, фамилию и даты на кресте и подумал: «Как будто не она. Это не ее тело лежит там. Со смертью ничего не заканчивается».

И тут он отчетливо услышал голос Офелии:

— Догадался наконец!

Он оглянулся — никого не было. Пространство вокруг начало заполняться полупрозрачным белым туманом. В недоумении он пытался убрать туман хаотичными движениями рук.

Голос Офелии слышался так отчетливо, как будто она был совсем рядом:

— Как мне надоело это брэнное бесполезное тело. Тем более, что так много времени потеряно зря. Но теперь я почти освободилась и готова снова жить. Когда ты уйдешь с кладбища, меня уже не будет, совсем не будет. Я специально тут оставила свой голографический звуковой слепок, ждала тебя. Мы больше никогда не встретимся, пора уже заканчивать эту историю длиной в четыре тысячи лет. Однако я не могу уйти вот так по-английски. У меня для тебя есть небольшой подарок.

Белый туман начал сгущаться, концентрироваться и превращаться в небольшой белый шарик, висящий в воздухе прямо перед лицом Петра.

Голос Офелии:

— Вдохни его.

Петр вдохнул шарик, словно дым.

Голос Офелии продолжил:

— Но сработает он только при одном условии.

Петр в замешательстве:

— Что это вообще?

Голос Офелии, не обращая внимания на вопрос Петра:

— Телевизор! Как я ненавижу этот зомбоящик! Когда мое тело покидала жизнь, эта электрическая дрянь все время работала. Первый канал много часов подряд, пока мое тело не нашли. Это как вообще? «Вечер с Соловьиным поме- том», «59 минут», «Время промажет». Б**ть. Духи не должны материться. Но это реально задолбало меня. Увеличенная морда ведущей с конским хвостом и такими же зубами, лос- нящиеся от своего патриотизма гости, готовые картинно перегрызть друг другу глотки, чтобы доказать, что каждый из них бОльший жополиз, чем другие! Я четыре тысячи лет была далека от политики с того самого раза, как меня убили на жертвенном алтарном камне в Шумере. И думала, что и в этой жизни удастся. В жизни удавалось, но в смер- ти, б**ть, херовы спасители святого и вечного меня достали. Петя, друг мой, разбей к х**м этот зомбоящик. Услужи мне в последний раз. И тогда мой подарок начнет работать. Ну а теперь прощай, больше я тебя не побеспокою.

Вернулись рабочие, продолжили копать соседнюю моги- лу. К уже выкопанной подъехал катафалк, привезли тело бабки. В последний путь ее отправляли всего три человека: уже немолодая женщина, мужчина примерно того же воз- раста и молодой парень. Судя по их реакция: притворно- скорбящей у женщины, равнодушно-приличной у мужчины и с интересом рассматривающей другие могилы у парня — дочь, зять и внук. Видимо, бабка была не очень милым че- ловеком и ее никто не любил. Тут же поп возле гроба разма- хивал кадиллом и читал молитву по книжке. Что у них, по- пов, с памятью? Он же, наверное, тысячу раз повторял этот текст. Почему его нельзя запомнить?

— Иже еси на небеси. Иже еси на небеси... Рабу Божию Софию... В рай... В ад... Аминь... Купите брошюрки, там все подробно. Закапывайте!

Все, кроме внука, постоянно крестятся. Работники клад- бища подхватывают гроб, опускают в могилу. Все по очере-

ди кидают землю. После этого мужики споро закапывают яму, делают холмик, проводят лопатой и уходят отдыхать в тень своей раздолбанной машины. Из дребезжащих колонок доносится приглушенная песня «Вне смерти».

Все богатство людей — это грязь и гнилье.

Так пускай мертвецы охраняют свое.

Для меня же бесценно встретить ее — эту новую
жизнь вне смерти.

Эта любовь уносит меня, (посмотри) она всюду!

Эта любовь открыла тебя, (для меня) и быть
чуду!

Эта любовь уносит меня, (посмотри) она всюду!

Эта любовь открыла тебя, (для меня) и быть
чуду!

Ты наверху ждешь меня.

Это как новая жизнь вне смерти.

Оставшиеся топчутся, собираясь уходить. По небу безмятежно летят облака.

Когда Петр вернулся в машину, друзья заметили, что он был на чем-то сосредоточен, и не удивились, когда он попросил их завезти его на пять минут в квартиру Офелии.

— Ну она же заперта, как ты туда зайдешь?

— У меня ключ есть, — Офелия мне его дала, когда я видел ее последний раз живой. Надеюсь, никто замок не поменял.

Он вышел из подъезда уже через несколько минут с плазменным телевизором в руках.

— Ты что решил на память телевизор скомуниздить? Ну да, а что еще делать в деревне, как не телевизор смотреть? — прокомментировал Андрей, скорее для себя, чем для друга.

— Дай биту, — ничего не объясняя, попросил Петр, — я знаю, ты возишь ее в машине.

Андрей протянул ему биту.

Петр подошел к мусорным бакам возле дома, поставил телевизор на землю. Замахнулся битой и со всей силы ударил ею по экрану. Телевизор лопнул с оглушительным треском, поникшая тушка сломанного электрического трупя отправилась в мусорный бак.

Все вокруг на несколько секунд залилось белым туманом, который быстро рассеялся.

Жаркое июньское солнце слепило глаза.

— Ну теперь можно и своими делами заняться, — сказал Петр садясь в машину.

В съемной квартире Петра друзья провели не более получаса. Столько времени ему понадобилось, чтобы собрать свои вещи в одну сумку. А зачем больше? В деревне много не надо, а все необходимое для быта в доме, который принадлежал бабушке Элочки и где собирался провести две недели Петр, было. Петр хотел усыпить хомячков, мирно жующих свой корм в клетке. Но Элочка попросила их забрать себе в качестве питомцев, она привязалась к ним. Пока Петр был в коме, она их кормила.

Важно было сделать еще одно дело — уничтожить вещество, вызывающее околосмертные переживания и записи, которые Петр делал, когда разрабатывал его. Он вылил в унитаз все жидкости, высыпал туда же порошки, а бумаги, исписанные мелким ровным почерком, порвал и отправил в мусорное ведро. Оставшиеся вещи пообещал перевезти к себе Андрей и сказал, что по приезде Петр может у него пожить, пока не найдет новую квартиру.

— Расскажите мне, что происходило тут в эти две недели, пока я спал, — попросил Петр уже в машине.

— Да все, как обычно, спецоперация продолжается, ничего не меняется, война рутинизируется. Где-то умирают люди, а мы ходим в кафе, на работу и понемногу беднеем.

Андрей тут учудил незадолго до того, как ты вышел из комнаты, в одну из ночей, видимо его достали тараканы в твоей палате, и он пришел под балкон моего дома петь песни под гитару.

— Я просто хотел с тобой помириться после того инцидента с твоей подружкой.

— У тебя слуха нет, как это сейчас модно говорить, «от слова совсем». Ну да, и весь дом разбудил.

Андрей запел, немного фальшиво, пританцовывая верхней частью тела и одновременно крутя руль:

— У меня скрипка, у тебя смычок, у меня петелька, у тебя крючок. В общем нам с тобою нечего делить — выходи, пойдем дружить!

— Хватит петь! Иначе мы опять поругаемся. — прервала его девушка.

Андрей перестал петь и продолжил:

— Да ты б уже молчала о том, какой я плохой. — обращаясь к Петру. — У нее совсем мозги набекрень. Сейчас расскажу тебе, как я ее из тюрьмы вытаскивал. Да, да, Эллочка, пока ты спал, уже в спецприемнике посидеть и в автозаке покататься успела.

Поворачивается к Эллочке.

— Я ж тебе говорил, бросай ты свои протестные штуки. Все равно это не на что не влияет, только геморроя добавляет. Если бы не связи моего папаши, тебя могли бы посадить на пару годиков.

Эллочка начала вспоминать, как на день Страны, она рисовала плакаты, с которыми группа девушек феминистского движения, признанного незаконным еще до начала той самой спецоперации, должна была выйти на площадь перед зданием городской администрации. Девушки стояли там по очереди, чтобы это было расценено как одиночный пикет, тогда у них были шансы легче отделаться. Если выходить на площадь в компании хотя бы двух человек, то это уже попадало под несанкционированный митинг, а за него

можно было получить немаленькие штрафы и приличные сроки. В разных точках Города девушки с плакатами выступали с протестными высказываниями.

Стояла Эллочка с плакатом не долго, минут 10. Но ее успели снять на камеры, а потом раскидать видео по местным пабликам. В официальных городских новостях, конечно, ничего не показали. На плакате Элочки большими буквами было выведено «Войне нет места на этой земле», нарисована большая красная рука, закрывающая бомбы, летящие с неба на землю. Вдалеке были изображены обычные девятиэтажки.

Полицейские скрутили ей руки, но обращались довольно вежливо, просили не сопротивляться, иначе придется применить силу. А они девушек бить не хотят, тем более таких симпатичных. Посадили ее в автозак. Поездка в автозаке в разгар южного лета — это что-то! Дорога в приемное отделение заняла минут двадцать — пробки! Пешком было бы быстрее, и это не фигура речи. Автозак был битком набит людьми. Кто-то из них посоветовал Эллочке с ментами дергать язык за зубами и думать головой, а не желудком.

В приемном отделении пришлось ожидать долго, оказалось, что таких, как она, не так уж мало вышло бунтовать, портить праздник нормальным людям, как выразился сопровождающий их полицейский.

Комната ожидания была тесной: бетонная каморка полтора на полтора, без окон, с тусклой лампочкой и спертым воздухом. Грязь на цементе, которым были обмазаны стены приемника, взялась «шубой». Грязь была не только на поверхности стен, полу и потолке, она пропитала все и всех вокруг и внутри. А еще отчаяние и пустота. Они были здесь такими плотными, что ощущались почти физически, хоть топор вешай. Эллочка думала о том, что она тут не надолго, вряд ли ей дадут реальный срок. А как чувствуют себя люди, которые в таких местах оказываются на более длительное время? Можно ли это себе представить? Она пыталась,

но не получалось. Ее сознание заблокировало воображение. Она чувствовала только глубокую тоску и безысходность. Где-то внутри себя она знала похожие места, они вошли в ее кровь. Не удивительно для страны, где сидели почти все. У Элеоноры сидел прадед по доносу, его забрали как кулака. Так он и сгинул в тюрьме. Бабушка до самой смерти утверждала, что ее отец погиб не в тюрьме, а на производстве. Внучка тыкала пальцем в документы, которые она нашла, когда исследовала свою родословную, где черным по белому с печатями было написано:

«Яков Силантьевич Зверяк. Дата рождения: 1899 г. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 12 июня 1939 г. Обвинение: антисоветская агитация. Приговор: 7 лет ИТЛ, 3 года п/п. Дата реабилитации: 1989 г. Источники данных: БД „Жертвы политического террора в Старой Стране“; УВД Южной обл.»

Бабушка сопротивлялась, говорила, что это кто-то перепутал. Отрицать сидящих родственников стало бессознательной стратегией выживания.

Эллочка даже боялась думать, что следователи могли делать с ее прадедом, тогда всех пытали. Она читала воспоминания тех лет. Сегодня нравы перестали быть такими крутыми. Всего лишь унижения, угрозы физической расправы и сексуализированного насилия, когда ее допрашивали и составляли протокол. Но что это по сравнению с вырыванием ногтей и поливанием водой на морозе! В ее случае дальше слов никто не заходил.

Ей пришлось провести ночь в грязной камере на матрасе с клопами, близким позвонить не давали. Утром в 8 часов камеру открыли и полицейский скомандовал: «Селиверстова, на выход! Остальные сидят и дожидаются распоряжения». Ее вывели в коридор, отдали паспорт и сказали, чтобы шла на все четыре стороны и не творила глупостей.

За двором приемного отделения ее ждал Андрей. Когда она спросила, как ему удалось ее вытащить, сказал, что папа постарался. Сначала не хотел, но когда Андрей намекнул

ему, что прессе будет очень интересно узнать про сына депутата, уважаемого человека и одного из самых главных патриотов Города, про сына, который встречается с девушкой, порочащей честь и достоинство армии Страны, то сделал пару звонков, и этого было достаточно. Но лучше, чтобы это не повторялось, в следующий раз отец может пойти на принцип. Эллочка сказала, что она будет делать то, что от нее зависит, чтобы внести свою лепту в борьбу против тирании, а сидеть и молчать в тряпочку она не может. «Не надо делать из себя мученицу, они того и хотят, это не работает уже. Нужно придумать что-то более действенное», — иногда Андрей выдавал довольно умные мысли, хотя в их паре было уже как-то само собой решено, что она умная, а он красивый.

«Через 100 метров поверните налево», — произнес робот в навигаторе Андрея, и они въехали на дорогу, которая вела в деревню, где родилась Эллочка и где жила ее родня, которую она оставила в 17 лет, чтобы поехать учиться на журналиста в Город. После университета она проработала журналистом два года в местном электронном издании, а потом увлеклась йогой, получила за несколько лет сертификаты, позволяющие ей заниматься как инструктор, параллельно училась на факультете психологии и ушла в свободное плавание.

Сейчас она не только преподавала йогу, но и была ведущей психологических групп, где процветала женская солидарность. Но она не приветствовала популярные ведические курсы, на которых учили дышать маткой и ходить без трусов, впитывая энергию земли и параллельно вдохновляя мужчин на подвиги. Она принадлежала феминистскому течению и до закрытия состояла в членах феминистской организации Города. Ей была близка тема женского лидерства и полоролевой дискриминации. Она защищала женские права на всякого рода выступлениях, боролась с тем, что женских туалетов было столько же, сколько мужских (а жен-

ская физиология предполагает, что они в туалет ходят чаще, и этот процесс занимает больше времени), поэтому демонстративно ходила в мужской.

Петр увидел вывеску, сконструированную еще в советское время, «Станица» и понял, что это и есть та самая деревня, где он проведет ближайшее время своей жизни. Еще через пару минут они остановились у металлических синих ворот, с уже обшарпанной краской.

— Вы приехали, — отрапортовал робот.

Элеонора провела экскурсию по дому и двору, выходящему к реке, передала ключи Петру, и они с Андреем уехали. Девушка не могла тут остаться, поскольку у нее было много общественных дел в Городе.

Молодой человек походил по двору, а потом вышел к заброшенному саду, который заканчивался спуском к реке. Когда-то тут было много заботы и любви, а теперь только память об этом, да и памяти уже почти нет — видно, что сюда никто не заходил несколько лет. Сад окружал забор, частично деревянный, частично выложенный из камней. В некоторых местах забор уже обвалился, камни валялись хаотично, ограда почти проиграла сражение со временем. Одинокий, доживающий свой век, забытый сад. Деревья путались в ветках друг друга. Вишня, когда-то дававшая крупные и сладкие плоды, вырождалась, ее ягоды стали мельче и кислее. Петр сорвал несколько вишен, они были кислые, но очень сочные. Он кривился, но ел их, что-то неподдельное, настоящее и живое было в этих плодах. Он вспомнил, как недавно смаковал купленные в супермаркете, большие и красивые вишни. И сейчас понял, что эти выращенные в ненатуральных условиях ягоды были правильно унылыми и безжизненными. Они не в состоянии подарить настоящий вкус, только его фантом.

Сад забытых надежд и желаний, который спрятался от посторонних глаз. Место, где теперь Петр хотел спрятать себя. Казалось, этот сад обволакивает Петра, поглощая

в своей тени его прошлое. Жизнь вытекала из этого места, постепенно меняя пространство для чего-то нового. Повсюду буйно расплодилось в полроста человека наглая крапива. Петр уже успел обжечь ею свои руки.

Еле видимая песчаная тропинка, которая была практически похоронена не только крапивой, но и другими сорняками, вела к воде. Петр шел по ней к речке, которая находилась внизу откоса и в которую переходил сад. Он нашел сломанную куклу: у нее не было глаз и одной руки, а волосы ее, как и резиновое тельце, выцвели под воздействием дождей и солнца. Он взял ее в руки, выкопал палкой в земле яму под уже неплодоносящей яблоней и похоронил игрушку, которая когда-то была предметом детской радости.

Спустился к реке. Видно было, что река заиленная, а вода почти стоячая, речушка явно высыхала. Речушка — река, протекающая в Южной области Страны и Восточной области Соседней Страны. Берёт начало на Восточном кряже и впадает в Южную реку, являясь его правым притоком. Водятся карп, сазан, толстолобик, окунь, щука, судак, сом, раки. «В этом месте реки, наверное, ничего не водится», — подумал Петр.

— Ты не прав, — услышал он звонкий женский голос.

Уже смеркалось. Но он четко увидел русалку у противоположного берега. Самую настоящую русалку, как ее рисуют в книжках.

— Тут есть рыба, — русалка пошарила в воде и перекинула ему на другой берег небольшую рыбу с выпученными глазами.

— Вот возьми, ты же любишь рыбу, — хихикала русалка — Я просто хотела тебе напомнить про подарок. Сегодня ты ощутишь его действие. А действие заключается в том, что твои чувства стали тоньше, обострились. И сны тебе теперь будут сниться яркие и насыщенные. Только вот управляться с этой чувствительностью, учиться ее настраивать, делать громче и тише, тебе придется самому.

Она махнула хвостом и уплыла.

Петр уже ничему не удивлялся. Он почувствовал, что его начинает клонить ко сну. Прилег на траву, глаза его закрылись. Подумал о том, что ночью может быть прохладно у реки на земле, но эти мысли куда-то утекли, и он заснул крепким глубоким сном.

В это время Андрей в своей квартире в Городе тоже предавался наслаждениям. Но не наслаждениям сна, а наслаждениям потребления еды после выкуренного *****. Андрей был зависим от любви, в основном от женской. Иногда ему перепало мужской, но только в глубоко нетрезвом состоянии и ради эксперимента. Про мужскую он никому не рассказывал, прятал это даже от самого себя. Все знают, как в Стране относятся к «педикам», хотя «педиком» он не был.

Обычно, если женщины по какой-то причине были вне зоны доступа, он курил *****, потому что только так мог начинать заполнять себя едой. Когда он просто ел, в обычные обеды и ужины, он ел потому, что так было нужно, ел правильную еду. На завтрак съедал 400 граммов овсяной каши на обезжиренном молоке, два яйца и половину яблока. Яблоко обязательно должно было быть зеленым, красные яблоки могли вызвать аллергию. На обед полагалось мясо курицы или индюшки — 300 граммов, овощей — 350 граммов (но только сырых или на пару, и чтобы без лишних жиров, картофель был запрещенным продуктом, плохие углеводы тоже были ни к чему). На полдник молодой человек съедал 2 яйца и пару кусочков хлеба (не пшеничного, исключительно из злаков грубого помола, на худой конец — ржаного). Ужин был особенно пресным, потому что вечера Андрей не любил — вечера лишали всяких надежд. Обезжиренный творог и немного молока. Диету Андрею соблюдать было

не трудно, еда заполняла его ровно настолько, чтобы осталось место для женщин.

Все менялось, когда он позволял себе выкурить *****. Немного перед сном: зеленая, мелко рубленая, душистая, с легким привкусом блевоты.

После нее еда приобретала сакральный смысл, становилась, мало сказать, что вкусной, просто божественной! Макароны, обильно политые майонезом или кусок, жирный кусок, шашлыка! Хорошо, что рядом было кафе «У Ашота» — там всегда можно было заказать отменный, сочный шашлык из баранины. Андрей ел, жир стекал у него по пальцам, которые он потом облизывал, причмокивая. А после шашлычка — торт «Наполеон», такой готовила его мама, когда он был маленьким. Бережно, нежно, но жадно он снимал слоеное тесто кусок за куском, вгрызаясь в его мягкую плоть, а потом языком слизывал крем, белый, густой, маслянистый. Все это он запивал масалой, чаем, который он заваривал вместе с россыпью индийских приправ, заказанных через интернет-магазин. Для этого случая у него была приготовлена праздничная кружка, из которой он пил только масалу и только после хорошего *****. Андрей заполнял едой свою пустоту, и был счастлив. А когда засыпал, ему снились красочные, бессюжетные сны.

На следующее утро еще несколько часов после пробуждения он чувствовал флер легкости и свободы, которые ослабляли его. К обеду все проходило. И он опять ел вареную курицу, обезжиренный творог и зеленые яблоки.

«Мы ищем в другом себя по сути для того, чтобы найти путь к Богу. И еда — она как женщина, наполняет мужчину на время, а потом выходит, оставляя в унитазе переваренное нечто, которое мы смываем, чтобы опять поесть», — написал он Эллочке в мессенджер, снабдив свои мысли фотографией сочного шашлыка и жирного «Наполеона».

Эллочка прочитала его сообщение только утром, потому что сейчас она была занята своей подругой. Та лежала в кро-

вати, а Эллочка раздевала ее. Это была та самая подруга, из-за которой у нее с Андреем случилась ссора. Они хотели поэкспериментировать с сексом втроем. Как оказалось, при всей открытости взглядов ни у одного из них не было подобного опыта. Но подруга пришла к Андрею в квартиру раньше Элочки, та задержалась на работе. И Андрей решил подготовить все, пока Эллочка придет. И потренироваться заодно. Звонок в дверь застал Андрея и подругу Элочки врасплох, и он пошел открывать, завернутый в полотенце, так как никак не мог найти свои трусы, а звонок назойливо трещал. Эллочка разоралась, обиделась и ушла. Так что секс втроем не получился. Потом Андрей вымаливал прощения у нее под окном песней «у меня петелька, у тебя крючок» и цветами, поспешно купленными в цветочном магазине за углом. Пел он плохо, а розы Эллочка не любила, поэтому они полетели ему в лицо, когда он ей их вручил. Андрей не очень понимал, за что он просит прощения и не считал себя виноватым. Все же было оговорено и санкционировано ею. Подумаешь, он начал без нее и немного раньше. Она же не обижалась, когда опаздывала в кафе, а Андрей уже доедал свою безвкусную еду. Но он давно понял, что легче согласиться и попросить прощения, чем сопротивляться и что-то доказывать. Он хотел быть любимым, ему не нужно было быть правым.

Сейчас Эллочка смотрела на свою обнаженную подругу, прикасалась к ней, внюхивалась в запах ее волос, дотрагивалась до ее шеи, вода пальцами плавно, но настойчиво. Она перевернула подругу на живот, наклонилась над ней. На несколько секунд у нее перехватило дыхание от возбуждения, хотя секс с девушками был для нее привычным. Что-то особо притягательное было сейчас в подруге, наверное, то, что ее трахал Андрей. Эллочка представила себя им и начала двигаться своим тонким, но жилистым телом вдоль мягкого и податливого тела девушки. Она закрывала глаза и фантазировала о том, как делает это он. Не то что бы Ан-

Ей нужно было перейти на другую сторону моста через реку, реку, которую она знала с детства. Мутные воды притягивали к себе и одновременно с этим вызывали чувство отвращения. Вокруг никого не было. Она попыталась крикнуть, но из ее горла выдавливалось только какое-то шипение. Зачем ей на ту сторону? Что там ее ждет? Она не знала, но оставаться здесь, рядом с рекой, было тоже опасно. Есть только два пути: назад, в деревню, где она жила, или вперед, туда, где ничего не известно. Назад она не хотела.

Ходили слухи, что в реке живет какое-то чудовище, и всех, кто осмелится подходить к воде или попытается перейти через мост, оно утаскивает на дно. Никто из деревни это чудовище не видел. Но несколько людей уже пропали.

Она была смелой, вернее, она хотела себя такой считать, потому что презирала трусов.

Она сделала шаг на мост, посмотрела вниз. Мутные воды зашевелились. Еще шаг, взгляд вниз, вода зашевелилась все интенсивней. И еще. И вот уже середина моста.

Все произошло в один момент. Существо выпрыгнуло из реки и двумя острыми зубами впилось в ее шею. «Змей, огромный серо-коричневый змей», — пронеслось у нее в голове. — Разве такие бывают?»

Бороться. Единственный шанс выжить и спасти других. Бороться и предупредить всех, что в реке живет Змей. Вместе люди смогут его победить. В глазах потемнело, она уже ничего не видела. И только жирное, скользкое тело было реально, жирное, скользкое тело, которое душило ее. Нечеловеческими усилиями, она оттолкнула его от себя и потеряла сознание.

Очнулась она уже в деревенском доме своих родителей, на этой стороне. Ей не удалось перейти мост.

Мать протирала ей рану на шее каким-то плохо пахнущим раствором.

«Я видела Змея, я душила его, но он, скорее всего, выжил. Надо отправиться всем вместе к реке, чтобы убить

ский язык все еще оставался официальным языком и языком обрядов, которые проводил Элайя. 4 тысячи лет назад он жил уже не первую свою жизнь и был с точки зрения человеческой эстетики самым совершенством, как и положено главному служителю культа. Красив, умен, здоров. Волос ни на теле, ни на голове у него не было: волосы богомерзки. Взгляд его был острый и цепкий, как и в нынешней жизни. Он внимательно следил за тем, чтобы не пораниться, потому что к статуям божеств не допускались люди, у которых были следы крови на теле, даже мелкие порезы.

Готовили его к этой должности с самого рождения, он был вторым сыном правителя, а я его племянницей. Мы оба получили образование при храме и традиционное посвящение. Каково оно было, я уже не помню. Да оно и не мудрено, невозможно запомнить все детали жизни, которая случилась 4 тысячи лет назад. Мне позволено вспомнить только один день из того рокового времени, которое стало началом конца.

В дни, свободные от обрядов, а было их много в ту пору, жрец составлял гороскопы правителям и учебные пособия для людей о поведении в храме и за пределами оного. Он предсказывал погоду, довольно точно, точнее, чем теперешние телевизионные девушки на в узких юбках и деловых пиджаках, составлял рекомендации для земледельцев. Он знал свойства трав и растений, чтобы лечить людей. Это было прекрасно — без антибиотиков и антидепрессантов. Предсказывал будущее по внутренностям животных и расположению светил, знал тысячи заклинаний от всякой напасти и периодически изгонял бесов, хотя даже тогда многие не верили в то, что виною краха империи были бесы. Большинство догадывалось, что наша власть идет куда-то не туда, что слишком много войн и слишком мало любви.

Магические ритуалы были основой жречества. Но я была плохой ученицей, я не помнила того, что было выгравировано на столетних табличках клинописью, поэтому придумывала

мывала свои. Они тоже работали, и никто не замечал, что я делаю что-то не то. Я говорила на шумерском, а народ — уже на смеси аккадского и шумерского. И это очень расстраивало Элайю. Он всячески пытался отстоять прошлое и свои интересы, но волны семитского влияния накатывали все сильнее и сильнее. Имя им легион.

По традиции посты храмовых жрецов передавались от отца к сыну. Но традиции разрушались, поэтому уже многие жрецы без роду и племени, приемыши влиятельных людей, смогли добиться жреческого назначения. Элайя был исключением и особо гордился, что он сын царя. Он ревностно охранял секреты своего ремесла.

А я была молодой и красивой сангу, дочерью царя, поэтому стала верховной жрицей богини Иштар. Я даже не могу сказать, нравилось мне это или нет. Просто такова была моя судьба.

Верховный жрец, мой дядя, стал выказывать мне особые знаки внимания. Не как дядя племяннице или верховный жрец жрице Иштар. Он воспылал страстью ко мне. Но его вера не позволяла ему предаваться блуду со мной, жрицей-девственницей. И он задумал чудовищное!

Обряды в то время проводились довольно закрытые, и тела были закрытые, мы служили богам в просторных одеждах из грубого материала. И он тосковал по тем временам, когда жрецы и жрицы должны были прислуживать богам голыми. Он так хотел увидеть мое тело. Втайне он желал меня, и долгими ночами не мог уснуть, сгорая от вожделения.

Храмовые обряды усложнились до глупости, и вернуть все к тому, чтобы служить голыми, было невероятно трудным. Но для верховного жреца даже в то время не было ничего невозможного.

Каждый день Элайя старался поддерживать пышность обрядов. Он не хотел признавать, что чем пышнее обряды, тем ближе конец. Все это делалось для того, чтобы внушить

горожанам мысль о величии храма и религии. Но результат был обратным. Он катился в бездну вместе со своим народом, вместе со мной, прекрасной и наивной сангу, которую он захотел убить. Ведь она просто кричала своею юностью и живостью, что старому миру конец!

Он метался по постели, усмиряя свою плоть, в полузабытьи видел первого жреца среди землян Энмедуранки, имя которого означает «правитель МЕ, который связывает Небеса и Землю». МЕ — законы, которые никто не мог нарушить. Когда Ануннаки передали Энмедуранки табличку с тайнами Небес и Земли (эту табличку потом развили до карт Таро), научили вести счет числами, открыли знания воды и масла и предсказали будущее, они не знали, что всему этому придет конец, потому что один из них задумал убить жрицу Иштар.

Уже совсем скоро Иштар наказала его и его народ тем, что рухнули древние устои общественной жизни, традиции, обычаи.

Через меня боги послали трагедию в Урук.

Каждый раз, когда Элайя входил в храм, чтобы освятить алтарь, я стояла, потупив свой взор. Я чувствовала его желание и старалась не провоцировать его. Я боялась его, он чувствовал мой животный страх, и это возбуждало его еще больше. Он не мог меня сделать своей, но он мог меня убить. Жрец был хитер, поэтому смерть должна была быть хорошо подготовленной.

У жриц в то время было только два пути: быть посвященной в жрицы-девственницы, служительницы богини Иштар или стать храмовой проституткой. Храмовые жрицы-проститутки практически все проходили через Элайю, служение телом было их прямой обязанностью. Как две ипостаси Иштар: девственная и непорочная с одной стороны, и плодovitая и дающая мужчине с другой. После одобрения Элайи жриц посылали на постоянные дворы, где оставались путешественники, и они занимались с ними любовью во славу Иштар, великой богини.

Но я была дочерью царя, поэтому он не мог сделать меня храмовой проституткой.

Петр видел образ жрицы-девственницы. И видел, как верховный жрец подготавливает ее священное убийство.

Близилась церемония символического брака богини Иштар и бога Энки, которая проводилась каждый год с 16-го по 22-й день месяца Шабату, 11-й, зимний и самый холодный месяц в году, месяц ветров, перемен и разрушений. В этот раз церемония должна была быть особенной. Перед собравшимся народом жрец рассказывал о новой воле богов, а пока полным ходом шла подготовка к празднику. Воскуривание благовоний, возлияние жертвенной воды, масла, пива, вина — все это предназначалось Иштар и Энки. На жертвенных столах резали овец и других животных, а жрец смотрел на корчившихся в муках барашков и представлял, как он это делает с Эльмештум. Дары должны были быть в этот раз очень щедрыми, потому что все шептались в храме о том, что боги прокляли шумеров. Война с соседним государством, которым правил Шаррумкен, никак не заканчивалась, хотя царь Шумера был уверен, что она не продлится больше недели. Но вот уже прошло несколько месяцев, ничего не менялось. Аккадские земли так и не были завоеваны, только все больше воинов погибали в бою, и требовались все новые жертвы.

В праздник Шабату жрецы-музыканты играли на лирах, арфах, цимбалах и флейтах. Перед храмом толпились верующие. Вдоль внутренних и наружных стен, во дворах и нишах были расставлены стелы, статуи, жертвенные сосуды, принесенные в дар храму правителями всех времен и простыми людьми. Вездесущие каменные статуи и статуэтки должны были неустанно молить богов о благополучии и долгой жизни их жертвователей. Фигурки изображали людей со смиренно сложенными на груди руками.

Внутри храма все было готово, после молитвы жрец вышел к народу. Стенания и плач по затопленным и разру-

шенным городам заполняли пространство вокруг храма, у шумеров было принято помянуть не только людей, но и города. Плакальщицы за это получали неплохо — платой им было пиво и мука. Традиционные плачи сменились традиционными просьбами. Богов просили не затапливать людей и их дома, не разрушать храмы и города. Как будто это возможно. Вокруг храма жрецы и обычные люди не только оплакивали прошлое и просили за будущее, но там же собирался Совет богов, который решал судьбу страны и мира. Совет богов постановил городу жить и миру быть. Но, видимо, боги обманули нас. Или богиня Иштар разозлилась на людей за свою дочь, посланную на землю.

Перед входом в храм, так, чтобы было видно всем, стоял священный алтарь, который должен был на этот раз выполнять роль священного ложа Бога Энки и богини Иштар. Сегодня Эльмештум должна стать женой Элайи, а он ее мужем. Это действие могло совершиться только в месяц Шабату. Время сжигающего холода. +15 для шумеров очень холодно, а ночью могло быть и +7. Зимы в Стране, в которой ты живешь, даже в ее южных областях, показались бы им просто смертельным издевательством. Кто вообще по своей воле будет жить в таком климате? Время шквалистых ветров, ливневых дождей, разлива каналов. Время угрозы всеобщей жизни, катастрофы всего бытия. Затапливаются жилища, разрушаются храмы, от натиска стихий погибают люди. Месяц всемирного потопа, когда исчезает все живое. Эльмештум сделала Элайю живым, и она же убила его, но не физически, а духовно. Ее смерть убила его, о, жрица Иштар, холодная и безжалостная!

Готовилось священное ложе, ложе жизни и смерти, соединение которых должно было спасти Шумер! Так вещал жрец, который долго готовил свой народ к тому, чтобы они поверили в справедливость и необходимость этого убийства. «У нас нет выбора, — говорил он, — мы вынуждены

принять эти меры, чтобы наш мир не погиб под аккадским нашествием».

Сочетание праздника и плача, любовь вопреки гибели мира, излияние семени во влагалище как противостояние мировому хаосу, желающему поглотить Урук и все бытие. Вот это ложе, где молодая сангу через старого повелителя неба должна будет обрести новую жизнь и тут же отдать ее ему.

Петр видел статуи, которые вмещали в себя разномастных богов всех рангов, и потому казались живыми и с удовольствием принимали людские подношения. Одеты они были богато и разнообразно: льняные одежды, теплые шерстяные плащи, сандалии, пояски и шарфы, белые шапки разных фасонов. Божки были близки людям и имели такие же привычки: много есть, заниматься любовью и красиво одеваться.

Эльмештум вывели совершенно нагой, только в ее черных пышных волосах был большой красный цветок, специально выращенный Элайей в храме, чтобы она в своей наготе была еще прекрасней. Хотя куда уж прекрасней? Сама богиня Иштар не смогла бы сравниться с ней в красоте.

Девушку подвели к алтарю, положили на него, привязали руки и ноги. Жрец взял в руки кинжал, которым обычно разделявал священных барашков, подошел к ней, поцеловал ее дрожащие губы и одинокую слезу, текущую по юной щеке. Вошел он в нее резко и властно. Он терзал ее своим членом и ощущал, как струйки ее девственной крови стекают по его бедру. Она не могла сдерживать свои рыдания, но кроме жреца ее уже никто не слышал. Народ шатался в пьяном экстазе в ожидании того, как священное семя Эн-ки вольется во влагалище Иштар.

Потом жрец, не выходя из девушки, кинжалом пронзил ее маленькую грудь. Она вскрикнула, но была еще жива. Он вышел из нее и уверенным жестом перерезал ей глотку, со-

брал кровь в священный сосуд и вылил к ногам Иштар. Народ ликовал, он думал, что эта жертва понравится богам, и они точно оставят их жить. Их город, их дома и их барашков. Жрец затянул свою песню.

Расторгни узы моей колдуньи,
Уничтожь слова моего врага,
Пошли буре ее чары, ветру — ее слова;
Все ее порчи и чары пусть унесет ветер;
Пусть она умрет, а я живу.
Ее колдовство, ее чары, ее порчи, пусть они
будут развеяны
По приказу Иштар, владычицы богов.
В Доме святом престол для нее устанавливают,
Божественный царь там с ней остается,
Чтобы судьбы всех стран установить,
Чтобы в день черной луны МЕ совершенным
сделать.
В месяц Шабату для моей госпожи постелено
ложе,
Трава нумун ароматом кедра очищена,
На ложе моей госпожи разложена,
Поверх одеяло постелено.
Дабы на ложе под приятным одеялом радость
обрести,
Моя госпожа свое светлое лоно омыла,
Для лона царя она его омыла,
Светлая Иштар омылася с содой,
Натерлась благоуханным кедровым маслом.
Царь с поднятой головой подошел
к священному лону,
С поднятой головой подошел он к телу Иштар,
Энки на ложе возлег с ней,
Проявил заботу о священном лоне:
— О мое священное лоно!
— О моя светлая Иштар!

Шумерская цивилизация погибла в результате нашествия с запада воинственных семитских кочевых племен. В 24 веке до нашей эры царь Аккада Саргон Древний разгромил царя Лугальзагеси, правителя Шумера, объединив под своей властью Северную Месопотамию. На плечах Шумера родилась вавилоно-ассирийская цивилизация.

ГЛАВА 4

Открыв глаза на рассвете, Петр чувствовал себя хорошо выспавшимся. Солнце выходило из-за зарослей кустов на другой стороне реки, возвещая новый день старого мира. Тело немного затекло от того, что он спал в неудобной позе.

Наконец проснулось чувство голода, и Петр пошел в дом, чтобы поесть. С собой он привез электрический чайник и несколько пачек Доширака. Эллочка сказала, чтобы он ничего не набирал впрок, в деревне есть магазин.

Из колонки во дворе молодой человек налил воду в чайник, вскипятил ее и заварил лапшу. Привычный завтрак в непривычных условиях. Он сидел за столом середины 70-х, на котором была уже выцветшая от времени клеенка. Весь дом состоял из кухни и комнаты, на одной стене которой висел прибитый гвоздями пестрый ковер с тремя оленями, мирно жующими траву у горного озера. Вокруг ковра висели грамоты, свидетельствующие о том, что его бывшие владельцы были героями социалистического труда, а также черно-белые фотографии, изображающие разных людей. На одной из них Петр узнал маленькую Эллочку. Девочка сидела на велосипеде и гордо и грозно смотрела в камеру. С другой стороны стены висело изображение Девы Марии на желтом фоне, вырезанное из какого-то старого журнала. Оно уже потеряло яркость красок, но еще видно было, что складки ее голубого платья скрывали живот. Изображение беременной богородицы почему-то очень привлекало Петра, он не мог от него оторваться, жуя китайскую вермишель.

В углу стояла кровать, устланная несколькими матрацами, а сверху матрацов — перина из гусиного пуха. Застелена кровать была гобеленом с геометрическим рисунком. Общую картину дополняли подушки в количестве трех штук, поставленные одна на одну. Подушки покрывала вязаная крючком белая ажурная салфетка. Создавалось ощущение, что хозяйка только что закончила застилать кровать и ушла по своим делам в огород.

Также в комнате была печь. В этом селе до сих пор не провели газ, и жители отапливались углем. Дрова стоили дорого, уголь выходил дешевле. Петр понятия не имел, как топится печка, и хорошо, что сейчас было лето. Побеленная конструкция выполняла просто роль декора.

Почти в каждом деревенском доме обычно жила кошка, и не одна. Коты здесь имеют практическую ценность: они ловят мышей. Вот и этот дом не стал исключением. Петр увидел, как на мягких лапках пробралась кошка, теперь она сидела у ног человека, мурлыкая и попрошайничая. Вспомнив, что не вытащил из своего рюкзака кошачий корм, который он обычно носил с собой, чтобы подкармливать уличных котиков, он угостил пушистого.

— Тук-тук-тук, — услышал Петр.

— Войдите, — машинально ответил тот.

В комнату вошел немолодой мужчина среднего роста. Петр сразу понял, что это отец Элеоноры, уж очень они были похожи.

— Я тут тебе еды домашней принес. Эллочка сказала, что ты с собой только Доширак да печенье прихватил. Неча всякую дрянь исть. Вот на — жена сварганила.

Мужчина достал из многократно использованного пластикового пакета контейнер и поставил его на стол. Его легкий говор и фрикативное «г» нравились Петру. В Городе тоже так старики разговаривали, но их становилось все меньше.

— Я, это, принес еще коту пожрать. Когда мать умерла, все кошки поразбежались, а этот остался, хожу его подкарм-

ливаю. Жалко животину. Я вот коров выгоняю в стадо и потом сюда, Черныша покормить и проверить, все ли здесь нормально. Тут иногда шальные лазят по дворкам. Че они тут ищут, не понятно. Тут и воровать уже нечего. — он протянул руку Петру. — Я не представился. Ты сам уже понял, это, я отец Элеоноры, Михаил меня звать.

— Приятно познакомиться! А я Петр.

— Элеонора немного рассказывала о тебе. У меня отца Петро звали. Ты тут освоился уже?

— Да еще не очень. Сегодня хочу этому время посвятить.

— Ну ты тут смотри. Если че готовить будешь — на газовой печке. Но городского газа у нас нет, мы баллонами пользуемся. Его подключить надо. Щас пойду сделаю тебе.

Уходит на кухню, возится с печкой и баллоном, напевая Высоцкого:

Где твои семнадцать лет?

На Большом Каретном.

Где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном.

А где твой черный пистолет?

На Большом Каретном.

А где тебя сегодня нет?

На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?

Нет, не забываешь ты о нём.

Я скажу, что тот полжизни потерял,

Кто в Большом Каретном не бывал.

И, внезапно прекратив петь, обратился к молодому человеку:

— Слышь, Петро, а ты здесь корчик не видал? Че-то не могу найти.

— Что? — Петр не знал, что такое корчик.

— Ну корчик, металлический такой, лежал здесь на кухне. Коту надо воды пойти набрать, а я найти не могу.

— Не видал, — сказал Петр, так до конца и не поняв, что такое корчик.

Когда мужчина вернулся в комнату, Петр протянул ему денежную купюру среднего размера:

— Не знаю, сколько стоит еда. Хватит этого? Завтрак мне уже не понадобится, а вот обед я с удовольствием съем.

Михаил сделал удивленное лицо и отодвинул руку Петра с деньгами.

— Ты че? Да што б я с людей денег брал за еду? Совсем вы там посдурели в своем городе. Неее, убери их, а то оби- жусь. Ты же друг моей дочери, как я могу с тебя деньги брать? Это все равно что с нее. За еду тем более.

Петр хотел как-то отблагодарить мужчину, поэтому предложил помочь по хозяйству. А то неудобно.

— Неудобно спать на потолке, одеяло все время пада- ет, — отец Элочки рассмеялся, явно довольный своей шут- кой. — Че вы там городские можете? На компьютерах стро- чить. Тут другие умения нужны. Ну ты это, не бери в голову. Просто ешь, жинка моя от всей души тебе передала. Нам ка- кая разница тарэлкой больше, тарэлкой меньше. Тока это, кота корми. Это будет твоя работа.

— Да, конечно, я люблю кошек.

— Ну давай, парень. Я пошел, а то еще сено складывать надо, пока жары нету.

Он уже дошел до двери, потом повернулся и сказал:

— А вот еще че хотел спросить. Там люди брешуть, что моя доча в тюрьме сидела, правда это или нет? Говорять, что в интернете ее фотографии видели, как менты ей руки скручивали. Че она там натворила? Вроде против спецопе- рации выступала. Брешуть или нет? Не верю я, что моя Эле- онора такими глупостями заниматься, — с надеждой в голо- се, что это все слухи, расспрашивал Михаил.

— Она отстаивала свою гражданскую позицию, — Петр решил говорить по минимуму: кто его знает, как к деятель- ности Элочки относится ее отец.

— Какую такую гражданскую позицию? Че она там опять придумала? Она всегда любила против ветра ссать. И там тоже. И ей че ли задурили голову, эта западная либерто-та? — Михаил явно начинал заводиться.

— Ну, в общем, у всех свое мнение. И мнение Элеоноры не совсем совпадает с общепринятым. А вы сами у нее спросите, она вам все расскажет. Просто меня там не было, я не видел. — Петр пытался уйти от разговора.

Мужчина был ему симпатичен, и он не хотел с ним спорить и что-то доказывать.

— Ага, спроси ее, она по этим вопросам со мной не хочить разговаривать. Говорить, папа, моя личная жизнь тебя не касается. Ей уже тридцать лет, а замужем она не была, детей нету. Личная жизнь. — подытожил отец.

— А что тут страшного? На западе люди давно рожают после 40-ка, и это считается вполне нормальным. — попытался защитить Эллочку Петр.

— Ты мне с этим западом не заливай. — продолжал Михаил. — Знаю я, че они там делают. Растлевают нашу молодежь. Вон вчера по телевизору смотрел передачу, там политолог один выступал. Все по полочкам разложил. Раньше че, жили мы, не обращали внимание на эту политику. А щас прилипли к этому экрану, смотрим. Ну а че? Спецоперация — дело не шуточное. Мы тут почти на границе живем. Еще бомбанет нас это НАТО.

— Это вряд ли.

— Да много ты знаешь! Сидитя по своим интернетам! А надо умных людей в телевизоре смотреть. Тогда ясно все будить. Я тебе так, Петро, скажу, правильно сделал президент, что этот превентивный удар нанес. А то Соседняя Страна под началом Запада сами бы на нас напали. Да, это уже все знают. Еще бы два дня и все. И Город ваш один из первых бы пострадал. Там ядерная бомба готовилась, чтобы на Город кинуть.

— В Соседней стране нет ядерного оружия. У Запада есть, но если бы они хотели, они бы явно не стали дожидаться начала нашей спецоперации, ведь их разведка еще за несколько месяцев до этого уже предупреждала. — пытался как-то противоречить Петр.

Вот зачем он это делает? У мужчины явно была своя картина мира. Что он хотел добиться этой фразой? Не хватало еще поругаться на почве политики.

— А еще я смотрел другую передачу, и там подноготную всех их там глав государств рассказывали. Так вот ты знаешь, что глава бывших фашистов, ну там канцлер их, или как он называется, Улав Штольц — внук одного из главных фашистов, тоже Штольца.

— Михаил, это фейк. Уже все знают, что у Улава Штольца бабушка и дедушка служили на железной дороге во время Второй мировой войны. А тот фашист — его однофамилец. В их стране 50 тысяч Штольцев.

— Чета ты парень не патриот совсем. — скорее с грустью в голосе, нежели с гневом сказал Михаил. — Нет у вас патриотического воспитания. Это мы вас, родители, упустили, в 90-е работали много, не до вас было. Вот вы и выросли, как сорная трава. И не патриоты совсем. Как там вас называют, потерянное поколение.

Тему детей 90-х он резко закрыл и продолжил дальше рассуждать о правых и виноватых в нынешней политической ситуации.

— А про биооружие слышал? А про педиков в их армии? Мне очень жаль жителей Соседней Страны, тех, которые обычные люди, как мы. Они-то ни в чем не виноваты. Но что было делать?

— А санкции вас, Михаил, не пугают? — не унимался Петр.

— А че мне эти санкции? У нас все свое: куры, ути, коровы. Товары в магазине дороже стали, это да, но мы туда не часто ходим. Я тебе скажу, что санкций нам было и так

не миновать. Все против нас. Этот Запад, он нас ненавидит, они уже давно ведут информационно-экономическую атаку. И все эти санкции все равно бы на нас посыпались. Я ж не дурак, понимаю, что санкции плохо для большого бизнеса. Вот глава нашего сельхозпредприятия «Дружба» говорил, что удобрения жутко подорожали, и запчасти на трактора теперь труднее достать. Но он не возмущается, он умный мужик, понимаить, эта самая «компания отмены» все равно бы началась, даже если бы мы не напали первыми. Нас ненавидять уже давно во всем мире: нашу культуру и все остальное. Так что санкции все равно бы были, а потом на нас бы напали. Планы атаки подтверждены захваченными документами нацгвардии Соседней Страны.

— А вы эти документы видели?

— Нет, конечно, а кто мне их показать? Это же совершенно секретная документация. Дурень ты, парень. Такой большой вырос, а ничего не понимаешь. Ну я пошел, а то се-но не успею до обеда перекидать. Ты там это, скажи моей дочуре, чтобы поосторожнее была. Она у меня одна. И звони если че, если че надо.

Весь день Петр провел в саду, полон сорняки, убирал мусор. Ему нравилась эта физическая работа. Было ощущение, как будто, наводя порядок в саду, он наводит его в своей душе. Он думал о том, что городские жители, особенно живущие в городах-миллионниках, совершенно не знают деревни. У них в голове образы деревни начала века, которые они видели на картинках и в кино: деревянные дома с русской печкой, лошади и женщины в сарафанах и кокошниках. Как будто это где-то в тридевятом царстве-государстве. Вроде бы это тоже Страна, но Деревня отличается от Города больше, чем Город от городов других государств. Села вырождаются, люди оттуда уезжают. Когда-то этот вектор поменяется, но ближайшие десятилетия будет так. В селах все больше и больше таких вот заброшенных садов.

Петр посмотрел в сети историю Деревни. В начале 20-го века здесь жило около 4-х тысяч человек, а сейчас всего 1108. В Городе — 350 тысяч человек против полутора миллионов людей. В первой уменьшилось в четыре раза, во втором увеличилось в четыре раза. Вот такая простая арифметика. Город жирнеет и пухнет, его разносит во все стороны, Деревня консервируется и вырождается, связь между ними становится все тоньше и эфемерней. Вот мы празднуем день Страны, день единства. А с чем и кем это единство? Город не хочет смотреть на Деревню, а ведь в этих связях столько ресурсного может быть. Сколько добра пропадает зря. Вот как в этом саду.

Петр не заметил, как уже начало темнеть. Желудок урчал, прося топлива. За расчисткой сада он пропустил обед. Вспомнил, что в доме принесенный Михаилом провиант, и он будет сейчас как нельзя кстати.

Молодой человек открыл контейнер, это был контейнер-термос, который сохраняет тепло долго, поэтому еда казалась только что приготовленной. В термосе лежала большая сочная котлета, хорошо прожаренная, мясная, не такая, как привыкли делать в городе, когда много хлеба и всяких приправ. Это было просто мелко рубленое мясо, посыпанное луком, пропущенным через мясорубку, и солью. Ну и, конечно, в фарш хозяйка добавляла яйцо, чтобы котлеты не разваливались при жарке. Котлета лежала на пюрешечке, которую варили не на обычной воде, а добавляли в воду молоко и небольшой кусочек масла, так пюре получилось мягкое и нежное. Картошка была его любимой консистенции, толченая вручную, а не в блендере. Он не любил пюре после блендера, картошка теряла всю свою прелесть. Пюрешечка тоже была заботливо посыпана зеленью, яркой и зеленой.

— Жаль, что кетчупа нет, — подумал Петр.

Кетчуп, конечно, убивает вкус домашней еды, но Петр привык все приправлять кетчупом. Эта привычка у него появилась в детстве. Мама готовила пресную еду, не сказать,

что она была мерзкой на вкус, у нее просто вообще особого вкуса не было: котлеты на пару из диетической курицы, борщ, сваренный без особого изыска и добавления заправки, а на десерт венские булочки из магазина. Венские булочки были ничего, а вот борщ с котлетами не очень. Спасал кетчуп, он делал вкус еды сносным.

Кетчуп все же стоит купить, на худой конец майонез. Петр намеревался сходить в сельский магазин после ужина.

Магазин находился совсем близко, всего в пяти минутах ходьбы от дома, где жил Петр. Действительно, здесь можно было купить все необходимое, как и говорила Элеонора: хлеб, молоко, сыр, колбасу, основной набор бытовой химии, дешевые детские пластиковые игрушки, самые необходимые товары для дома и даже корма для домашних животных, но не для кошек и собак (их как раз-таки не было), а для уток и кур. Поэтому Петр купил для Черныша несколько банок кильки и дешевой тушенки. Кетчуп тоже был.

У сельских магазинов есть свой флер: сюда приходят не только что-то купить, но и поболтать, узнать деревенские сплетни, по вечерам собирается молодежь перед тем, как разбрестись по разным лавочкам, здесь до сих пор могут дать в долг, под запись в тетрабочку, где должник расписывается.

Петр купил кетчуп и булку хлеба, расплатился с милой продавщицей в возрасте его мамы и вышел на улицу.

Было уже довольно темно, и он беспокоился, как бы не пройти мимо переулка, который вел к дому. В деревне не было уличного освещения, это осложняло дорогу человеку, который не знал местность.

Около магазина рядом со старым мотоциклом стояли два парня и девушка. Они пили пиво из пластиковых стаканов, ели вяленую рыбу, которую очищали складным ножом. Нож был небольшой, но острый, как раз такой, каким можно было разрезать твердую чешую рыбы. Девушка ругалась с одним из парней, предъявляя претензии по поводу

верности. Другой пытался оправдать друга и усмирить девушку.

— Ленка, да не кипятись ты. Не было там ничего. Он правда, у меня отвисал. Ну нажрался он, не мог трубку взять.

— Да, там баб у вас был полный дом, и эта проститутка Светка! Все знают, как она себе на телефон заработала.

— Да че ты к Светке пристала. — говорил тот, кого приревновала Ленка. — Она в Городе подрабатывает, на рынке. Сама она на телефон заработала.

— На такой на рынке не заработаешь. Да хватит ее защищать, — девушка злилась еще больше. — Иди к ней, раз она такая хорошая. А я себе кого получше найду.

Она увидела выходящего из магазина Петра.

— Вот этого, например.

И направилась в его сторону. Подошла к нему, окинула беглым изучающим взглядом и с вызовом в голосе спросила:

— Проводишь меня до дома?

— Я бы с удовольствием, но я тут только второй день и не знаю местности.

— А я тебе покажу, куда идти, — не унималась та.

— Эй ты че там? — возмущенно крикнул ее парень. — Ты че совсем офигела? На моих глазах клеить какого-то хмыря приезжего?

Он вразвалочку подошел к девушке.

— Пойдем уже.

Схватил ее за локоть и потащил за собой. Она начала вырываться. Он схватил ее так, чтобы она не могла шевельнуться и пытался тащить дальше. Она больно укусила его за руку.

— Ах ты сучка, ты че совсем о**рела, — и ударил ее по лицу.

Петра с детства учили, что девушек бить нельзя. И он не смог на это смотреть спокойно. Где-то на заднем плане его сознания пронеслась мысль: «Куда ты лезешь, ты по-

смотри на этого бугая, он тебе сейчас врежет. Иди отсюда, сдалась тебе эта девчонка, ты ее не знаешь совсем». Но вслух он сказал.

— Оставь ее в покое. Она же девушка.

Петр не успел опомниться, как упитанный, мощный парень подбежал к нему и попытался ударить, но не попал. Петр увернулся. Тот попытался еще раз. Но опять промахнулся. Петр не ожидал от себя такой быстрой реакции, но объяснил это тем, что парень уже изрядно набрался. Он никогда не дрался. Последний раз на него нападали в школе. Но то было сложно назвать дракой, скорее групповым унижением. Несколько одноклассников поймали его в туалете, орали, что он педрила, а потом пытались засунуть его голову в унитаз. Но в туалет зашел учитель физкультуры, и парни разбежались. После этого он неделю не ходил в школу, не рассказывая маме, почему. Но она все равно узнала. Петр до сих пор был не в курсе, что она и кому сказала, но после этого пацаны его больше не доставали. Но и дружить с ним никто не хотел. Да он и не стремился с ними дружить. Его больше интересовали книги и биология.

Видимо, Петр слишком погрузился в воспоминания, нахлынувшие потоком. И бугай, нападавший на него, все-таки его ударил. Петр взбесился. Он вспомнил ватагу подростков в школьном туалете, и его накрыло. Он со всей силы ударил противника. Тот упал. И не шевелился.

— Эй, что ты с ним сделал? — раздался голос девушки.

Она подбежала к парню, уселась рядом с ним и начала причитать: «Сашенька, родненький, прости меня. Я не хотела. У тебя все нормально?»

Сашенька что-то бормотал и пытался встать.

Второй парень, стоявший все это время у мотоцикла и наблюдавший за потасовкой, поставил стакан с пивом на землю и начал надвигаться на Петра. В руках у него был тот самый складной ножик, которым он чистил рыбу.

— Ну иди сюда, иди, — прокричал он Петру. — Ты че думал, приехал из своего города и можешь тут х**ню творить? Как вы уже достали, хозяева жизни. Приедут тут со своими бабками и начинают вы***ваться.

Этот был не очень высоким и худым. И Петр в принципе смог бы его свалить, тем более, что он тоже был нетрезв. Но в руках у парня был нож. А это было опасно. Петр подумал, что надо бы бежать отсюда, но не успел даже и 20 метров пробежать, как тот догнал его, начал насакивать и махать ножом. Петр попытался забрать нож, но неудачно: слишком сильно выкрутил руку нападающему и тот вонзил себе нож в грудь. Посмотрел на Петра сконфуженным и обиженным взглядом и упал. Нож торчал у него из груди, а из раны текла кровь.

— Что ты лежишь, вставай, — пыталась поднять Ленка своего пьяного парня. — Надо за помощью ехать.

Но тот бормотал что-то нечленораздельное. Алкоголь его явно забрал.

— Как же вы за**али, все вы козлы, вечно вас из дерьма вытаскивать нужно! — зло прокричала Ленка и побежала куда-то за помощью.

А Петр смотрел на раненого парня и не знал, что делать. Он явно не был готов к такому развитию событий. Его знания биологии говорили о том, что рана опасная и парень в течение нескольких минут истечет кровью. Он не успеет позвать на помощь.

И тут Петр увидел, как надо телом парня поднимается белое облако. Он почувствовал запах тлена. «Он умер», — пронеслось в голове Петра. — Я убил его».

— Да, он умер, хотя все еще можно исправить, его душа пока не分离илась с телом, но надо поторопиться — время идет на секунды — услышал он у себя в голове голос Георгия.

Удивляться было некогда.

— Что мне делать? — спросил Петр.

— Вспомни, как ты в детстве лечил котенка, — продолжил голос Георгия у него в голове. — Вспомни это ощущение, сосредоточься. Ты тогда думал, что придумываешь заклинания. Но ты не придумывал их, ты их вспоминал. Вспомни сейчас.

Петр начал произносить слова на каком-то непонятном языке, который он раньше никогда даже не слышал. Да и не мог слышать, потому что это был древнеаккадский. Но молодой человек понимал каждое слово, которое произносил. Это было заклинание, оно лилось само, как будто через него говорил кто-то другой.

Бог-царь, здесь, из-за которого я — человек
есмь,
меня ты раньше оставил, ты все народу делишь;
дай и мне.
Бог мой, хозяин мой, сюда идите, предков
зовите.
Бог мой, хозяин, приблизься ко мне, мой дух
с твоим
беседует, позови других духов.
Пусть духи силы дадут время вернуть, время
вернуть,
жизнь вернуть.
Духи степей придите в мои длани, дайте силу
дланиям моим,
Чтобы время вернуть, чтобы жизнь вернуть.
Бог-царь здесь, с человеками есмь.

Во время заклинания он руками водил в области раны, сердца и головы парня. И не мог не чувствовать, как горячи были руки, ощущал как будто между ними было заряженное поле, будто между двумя заряженными магнитами.

Когда слова-заклинания перестали литься, он своими глазами увидел, как шарик света, висящий над головой парня, вошел в его грудь через то место, в которое был вставлен

нож. Верхняя часть тела парня подпрыгнула, и тот задышал. Самого Петра тоже очень сильно встряхнуло, глаза ослепил яркий белый свет. Он инстинктивно зажмурился.

Через секунду открыл глаза и обнаружил себя на верхней ступени лестницы, по которой он выходил из магазина. Девушка шла ему навстречу со словами:

— Проводишь меня до дома?

Петр посмотрел на нее, извинился и пошел дальше. Она рассмеялась ему вслед. А парни кричали, что он городской педрила. Петр, не оборачиваясь, шел дальше по дорожке, ведущей к дому бабушки Элочки.

И вот он уже сидел у речки и смотрел в темноту. Ну и денек выдался!

Тут он почувствовал, что здесь кто-то есть. Оглянулся. К нему приближалась фигура в коричневом балахоне с капюшоном.

— Здравствуй, мой друг!

— Опять ты? Что на этот раз?

— Помнишь меня?

— Такое забудешь.

— Ты применил заклинание времени и вырвал человека из лап служителя Смерти. Он недоволен.

— А что мне оставалось делать? Мне некогда было думать.

— Ты уже встал на путь шамана. Но ты принадлежишь к роду белых, а не черных. Ты не должен был делать то, что сделал сегодня. Это несколько усложняет нашу задачу.

— Я был бы не против, если бы ты объяснил мне, что ты имеешь в виду и что вообще сегодня там у магазина произошло. — сказал Петр, приготовившись к тому, что придется расширять свое сознание.

— Видишь ли, ты человек рыбы, т.е. белый шаман. Но каким-то непонятным мне способом, получил доступ

к заклинанию черного шамана. Мне еще предстоит выяснить, как такое случилось. Но пока тебе следует кое-что узнать о мире духов и в дальнейшем пользоваться своим даром осознанно.

— Мне приготовить бумагу и ручку, чтобы записывать твою лекцию? — попробовал пошутить Петр.

— Пожалуй, в темноте это будет сложно сделать. Но если ты настаиваешь.

Из ниоткуда появилась пачка бумаги и ручка.

— У меня память хорошая.

— Давай не будем терять время на глупые шутки, ты сегодня и так с ним плохо себя повел. Запомни, черные шаманы — служители нижнего мира, и им подвластны темные силы. Шаман не выбирает, какому миру служить, его выбирают духи. Они дают ему разные знаки, сны, видения, чтобы раскрыть его предназначение. Задача любого шамана, и черного и белого, служить людям и держать грани мира. Вот только способы это делать у черных и белых шаманов разные. Белый камлает, т.е. путешествует, в среднем и верхнем мире, черный же в среднем и нижнем. Духи болезней и смерти живут в нижнем мире, в среднем духи рода и разные тотемные животные, в верхнем — силы, создавшие миры. Поэтому белый шаман может предсказывать будущее, а черный нет. Но черный может договориться со Смертью, белый же подчиняется судьбе. Она ведет его.

— А что тогда плохого в черном шаманстве, я не могу понять. Разве плохо лечить болезни и заговаривать смерть? — Петр пытался разобраться, в чем же суть.

— А я разве сказал, что черным быть плохо? В нижнем мире есть сила и власть, но там нет любви.

— Черные слабее белых? Что они могут вообще?

— Донести послание от мертвых родственников, убрать сглаз, порчу, также, как и наслать их. Они могут принести большую пользу, но и большой вред, так как в них нет любви, но есть много силы. Сила без любви может быть очень опасна.

— А если белый шаман сделает плохо людям, воспользуется властью предсказывать будущее в свою пользу? — спросил Петр.

— Тогда у него отнимут дар. Он не станет черным шаманом. У темных же очень много испытаний. У них не отбирают дар, даже если они творят самые большие мерзости с точки зрения человеческой морали. Но они могут не выдержать этой силы. Черные шаманы часто сходят с ума.

— Почему?

— Потому что их боятся, но не любят. И они никого не любят. Жажда власти и могущества толкает черных шаманов на то, что вы, люди, называете преступлениями.

— Может ли черный шаман убить белого? Причинить ему вред?

— Физически убить может. Но черные не властны над белыми, белых защищают духи верхнего мира, а они сильнее нижних. А вот белый может убить черного, но если он гораздо мощнее. Но такое бывает нечасто, белые идут на это только в крайнем случае.

— А как понять, черный ты шаман или белый? И когда и кто это вообще решает?

— Это решается в момент зачатия человека. У белого шамана может родиться или обычный ребенок, или белый шаман. А у черного — черный шаман или обычный ребенок. Бывают редкие исключения. Это сыновья и дочери двух отцов. Кажется, у вас такие случаи называются химеризмом.

— Но это возможно только при ЭКО, — сопротивлялся Петр, когда берется три клетки.

— У шаманов такое иногда бывало и раньше, когда люди об ЭКО и слыхом не слыхивали. Но только если один шаман светлый, другой темный и обычная женщина. Тогда от них рождается ребенок, который становится шаманом и сам может выбрать, кому ему служить: темным силам или светлым. Это сильные шаманы, очень сильные!

— А с чего ты взял, что я белый шаман? Я не знаю своего отца, может он там черным шаманом был.

— Ты не знаешь, зато я знаю. Помнишь, когда мы с тобой встретились первый раз и там в углу библиотеки ты увидел человека в сером балахоне с капюшоном? Ты еще спросил, кто это. Так вот, это и был твой отец. Я, думаю, скоро настанет время, чтобы вы с ним и в этом мире пообщались.

— Он белый шаман?

— Да, и дед твой, его отец, был тоже белым шаманом. Ты из рода сильных шаманов Петр. И еще, давай-ка я еще научу тебя, как входить в транс, чтобы подключаться к небесным сферам. Это на всякий случай, если тебе понадобится моя помощь. Не бойся обращаться за помощью. Я знаю, тебе это не просто дается — попросить. Но надо учиться, иначе не стать тебе настоящим шаманом. Другим шаманским премудростям тебя научит твой отец. Начнем?

Человек в капюшоне учил Петра концентрироваться, управлять своим вниманием и вызывать сны наяву. Для этого нужно было правильно дышать и использовать рыбу как животное силы.

— Делай глубокие вдохи и выдохи почти на пределе своих возможностей, и дыши очень быстро. — Петр следовал инструкции человека с капюшоном. — Несколько вдохов — и ты обнаруживаешь, что голова кружится, а потребности дышать дальше нет, твои легкие и голова перенасытились кислородом. Продолжай. Не останавливайся. Держи этот ритм.

Он считает. Проходит несколько минут.

— Я чувствую, тебя начинают посещать яркие видения, но пока не отвлекайся на них, сохраняй полное осознание. Дыхание ускоряется. Дыши. Ты уже не в состоянии больше дышать. Как младенец, который выходит из лона матери, готовый родиться. Все равно делай вдохи и выдохи. Вдох. Выдох. Тебе очень трудно, матка Вселенной давит тебя.

Еще одно усилие, движение вперед. И дальше — очень легко. Тело само продолжает дышать, уже без твоего участия. Дыхание как будто уже совершается не тобой, оно становится автономным. Все твое тело перенасытилось энергией и вибрирует.

Петр часто дышал, резкий приток кислорода в мозг вызывал измененное состояние сознания, которое и было трамплином для перехода. Нужно было сосредоточиться на точке в области груди, которая пульсировала, расширялась сначала до пространства вокруг Петра, места, где он находился, страны, континента, мира, Солнечной системы, Галактики. Точка внутри его груди взрывалась, и он превращался в рыбу, плывущую по бездонному океану космоса. Его тело осталось на берегу реки, а сознание покидало нынешнее пространство-время.

Через мгновение он оказался в Шумере в 4250 году до нашей эры. Он наблюдал за историей, которая произошла там в день поминок по всем усопшим.

Наступил месяц поминок великого бога Ниназу, зачатого в преисподней Энлилем и Нинлилью. Хлеб был убран, а это означало, что все в храме готовились к священному обряду поминовения усопших, а горожане к очередным набегам со стороны соседей-варваров.

Ашера подметала около главного святилища. Она была среднего роста, с большими глазами на немного пухлом лице. Наблюдая за ней, путешественник во времени отметил, что эта девушка очень смахивает на изображения его матери в молодости.

Раньше задачей Ашеры было поддерживать чистоту в нескольких комнатах храма, где воздавали честь богам Шумера, но вот уже несколько месяцев, она не могла этого делать, поскольку была беременна. В храме не принято бы-

ло задавать вопросов, кто отец ребенка. Ведь жрицы-прислужницы обязаны были ответить взаимностью любому гостю храма, если он того пожелает. Все дети, рожденные в храме, принадлежали верховному богу Энлилю, и только главный жрец мог знать, какая судьба предстоит тому или иному ребенку. Чаще всего у таких детей был небольшой выбор: девочки оставались при храме и сами становились жрицами-прислужницами, а мальчиков ждала участь евнухов при том же храме или при дворе богатых горожан.

Ашера была сиротой, и когда главный жрец Элайя, увидел ее в первый раз, она просила милостыню на городском рынке. Ей тогда было лет 12, и ее родителей убили в месяц бога Ниназу, когда они пытались защитить собранный ячмень. Девочку пощадили.

Прошло 6 лет. Из тощего заморыша Ашера превратилась в красивую пышногрудую девушку. Ее формы с трудом могла скрыть даже просторная туника. Такие жрицы пользовались успехом у гостей храма, и обычно рано умирали от «нехороших» болезней. Девушка понимала, что как только у нее начнутся «красные дни», нужно соблазнить какого-то одного влиятельного господина и ублажать его так, чтобы он дал слово ходить только к ней.

Ей повезло. Ее выбрал сам жрец. Конечно же, об этом не должен был никто знать, ведь главным жрецам не положено иметь телесных или каких бы то ни было отношений ни с кем, кроме богов и богинь. Но к счастью, Элайя не очень соблюдал законы.

Ашера делала свою несложную работу и думала о том, как же жрец назовет ее ребенка, каким он будет, и как может измениться ее жизнь после этого. Из храма ей уходить не хотелось, хотя после рождения ребенка она имела возможность сделать это по своему желанию в любой момент. Храм был ее домом, вернее, ее домом был Элайя.

Протирая ниши для статуй богов, она подумала, что очень смешно, что за ними приходится ухаживать точно

так же, как за детьми. И одно неверное движение, божки упадут и разобьются. Тогда ее точно выгонят.

Ашера погладила свой живот, уже чуть-чуть осталось. Малышка должна была родиться сразу после дня, посвященного усопшим, так сказал жрец. Он как-то высчитал это по звездам. И то, что это будет девочка, тоже он сказал. Он не может ошибаться. Она хотела назвать девочку Эльмештум в честь своей подруги, которую готовили в храмовые жрицы. Она была девственницей и принадлежала только богу Энки, и в праздник ее принесли в жертву, это должно было спасти город от нашествия варваров.

Ашера вспомнила, как в последние месяцы перед событием Эльмештум часто плакала и никому не рассказывала, почему. Она все время повторяла, что город умрет, потому что она нарушила волю богов и что она боится умирать. Ей выпала великая честь, но она об этом узнала в последний момент. И, кажется, успокоилась.

Ашере нужно было сходить на рынок за яствами к столу гостей, прибывающих в город к великому празднику. И это был прекрасный повод еще раз увидеться с жрецом и поговорить с ним насчет имени.

— Нет, Ашера. Дочь жрицы-прислужницы не может носить имя той, что дала нам всем радость, посвятив себя после смерти нашему великому Энки. Ее имя теперь свято. И я больше не хочу говорить об этом.

После этих слов лицо Элайи помрачнело. Ашера присела на колени, это делать было уже сложно, но она всегда массировала его ноги, когда он начинал так смотреть, это приводило его в чувства.

— Дашь ей имя Энаптум, рожденная в храме. А сейчас иди и сделай то, что входит в твои обязанности. И возьми с собой провожатого, я не хочу, чтобы ты родила прямо на рынке.

Ашера поклонилась так низко, как она только могла, и вышла.

В дверь постучали. Повитуха. Одна из старых храмовых жриц, которая принимала роды. По ее лицу было видно, что она иногда злоупотребляет пивом: легкие мешки под глазами, покраснения вокруг носа и сухая кожа на руках.

Сначала она огляделась, нет ли кого в комнате, и поняв, что они одни, начала петь.

Злой удуг, который пустынные дороги делает
труднопроходимыми,
который ходит тайком, засыпает дороги.
Злой дух, который выпущен в степи,
Злодей, злодей, изыди из ноги Элайи...

— Я тебя не за этим позвал. Ты принесла?

— Да, мой господин. — она протянула ему пузырек с какой-то жидкостью. — У меня такой же. Вам на случай, если меня по каким-то причинам не окажется в храме и роды будет принимать другая жрица. Смажете младенцу губы, и он умрет. Все подумают, что родился мертвым. В родах всякое бывает. А я с вами уже столько лет, от меня никто ничего не узнает. Я даже спрашивать не буду, зачем вам отправлять невинного младенца к праотцам, знаю, что вы все делаете на благо нашего храма, города и нашего мира. А девочке даже легче будет. С дитем оно всегда сложнее. А так, может, какой приличный горожанин в дом возьмет, а с дитем оно никому не надо.

Она, расшаркиваясь, не поворачиваясь к жрецу спиной, не смотря ему в глаза, попятилась к двери. Уже у самого выхода она произнесла:

— Доброго дня, господин. Насчет ноги приду вечером.

Главный жрец даже не повернул головы, его мысли были уже далеко в прошлом, в том дне, когда с почестями, вопреки всем правилам, как великую наместницу Нинлиль на земле хоронили Эльмештум. Ее тело на ложе из цветов, лежало в центре зиккурата, массивной башни из камня, привезенного из Абиссинии. Все до этого момента, такое

знакомое, выученное до мельчайших деталей, казалось чужим. И это ощущение отстраненности не покидало Элайю с того самого дня. Оно преследовало его только в храме, стоило выйти на улицу, окунуться в толпу, и оно чудесным образом проходило. В памяти вереницей проносились эти чужие колонны и полуколонны из сырца, покрытые узорами из зигзагов, ромбов и треугольников, созданных из тысяч окрашенных глиняных конусов, вмурованных в толстую штукатурку из сырой глины, как ее тело в гроб, украшенный такими же конусами и зигзагами. Уже начавшие трескаться фрески с изображениями божественных деяний и священных животных вызывали физическую тошноту, а может быть, эта тошнота была вызвана ощущением холодного тела, которое еще вчера лежало здесь и было теплым. Было живым. Ощущение фантазмагии — вот подходящее слово, которое могло бы описать его состояние, но такого понятия тогда, четыре тысячи лет назад, не существовало. А значит, и состояния не было.

Такие похороны, которые жрец устроил в честь Эльмештум, в Шумере бывали не часто и их делали только тогда, когда происходило что-то особенное, когда город очень нуждался в поддержке богов и не чувствовал ее. Тогда вместе с главной жрицей к богам должна была отправиться вся ее свита. Так она могла окончательно соединиться с богами и передать просьбу людей. Эльмештум была погребена не в обычной могиле, а в подземном сводчатом склепе, где она лежала на спине на деревянном ложе в плаще из синих лазуритовых бус и пышном венке из золотых листьев. Вокруг склепа было выкопано большое подземное помещение, в котором посадили уже мертвых девушек, служащих в храме прислужницами. Ашеру спасло только то, что ей не исполнилось 18 лет. Иначе и она сидела бы там в свите Эльмештум, молодая, красивая и мертвая. Все они были в цветных плащах и с серебряными лентах в волосах. Там же лежали арфы, к которым были приделаны золотые головы священ-

ного быка бога Энки и священной коровы богини Иштар, золотые туалетные приборы, доски для игры в кости и множество мелочей, которые могли бы понадобиться Эльмештум на том свете.

В пологом спуске-коридоре, который вел в склеп, стояли повозки и волы с их погонщиками, которые тоже выпили яд и теперь ждали свою госпожу. Мертвая жрица принесет мир и спокойствие всему городу. И главное — эти варвары-акадецы покинут их землю.

Он прокручивал эту картину много раз, пока не заметил, что в комнате стало темнеть. Пришло время праздничного ужина накануне дня усопших. Просто разделить то, что послали боги, с другими храмовыми служителями.

Подали мучные лепешки, гороховую похлебку, баранину с чесноком и пахучими травами, сыр и сласти из муки и финиковой патоки. Все с удовольствием поедали огромное количество еды, восхваляя богов, принесших в этом году такое изобилие. И только Ашера и Элайя не притронулись к еде.

— Сегодня родит, — подумал Элайя.

— Сегодня нога будет мучить его целую ночь, — подумала Ашера.

Он ворочался и не мог заснуть в своей келье, в постели, посыпанной душистыми травами от насекомых.

Она в своей пела песню, конечно же о нем, конечно же, ему:

Жених, сердцу любезный, божественна красота
твоя,
Мой милый, Лев, сердцу любезный, ты покори
меня.
Я трепещу перед тобой.
Жених, ты поведешь меня в свою спальню,
Жених, дай я приласкаю тебя,
Драгоценные ласки мои слаще меда,
Дай приласкаю тебя.

Матери нет у меня, ты мать моя,
Отца нет у меня, ты отец мой.
Мой милый, Лев, сердцу любезный, ты покори
меня...

— Ой! Что это? — теплая вода полилась у Ашеры по ногам и на полу очень скоро образовалась целая лужа.

Озноб охватил ее тело, а потом и необъяснимое чувство тревоги. Когда пришла повитуха, Ашера вместо приветствия простонала в такт схваткам: «Я сегодня умру».

Чем короче был промежуток между схватками, тем больше ей нужно было прилагать усилий, чтобы быть в сознании.

— Позови Элайу. Хочу видеть его перед смертью.

Повитуха посмотрела в почти стеклянные глаза роженицы, она знала этот взгляд, поэтому не спорила. Эн (так обращались к верховному жрецу) жил в противоположном крыле храма, она боялась, что не успеет. Но никого послать было нельзя, это могло вызвать подозрения. Главный жрец не имел права видеть, как земные женщины рожают.

— Иди, иначе я поползу туда сама.

Уже немолодые ноги жрицы-повитухи бежали как никогда быстро и в то же время тихо. Как будто ей опять было 16, и она снова кралась по этим узким коридорам, подслушивая, не творится ли чего непристойного за какой-то из дверей.

— О великий Эн, она умирает. И простите, что я без приглашения, но...

Жрец выбежал, ничего не сказав и не закрыв дверь. Его большое могучее тело разрывало собою пространство бесконечных коридоров. И не прошло и пары минут, как он ворвался в келью Ашеры.

Он сел рядом, она посмотрела на него глазами, полными тоски и боли. Такие глаза обычно были у священных коров, которых забивали в честь богини Иштар, когда молот был уже занесен над их мордой.

— Прости меня. Я и тебя убил. Глупый, маленький барашек. Я хотел тебя оберегать, не получилось. Ты меня связывала с ней, с Эльмештум.

— Пожалуйста, пусть наша дочь растет при тебе в храме. А потом отпусти ее на волю. Назови ее Эльмештум.

— Не могу. Боги покарают храм за это.

— Назови. И... Тихо. Посмотри в окно. Вон осталась только одна звезда. Светает. Я хочу спеть тебе напоследок. О том, как я люблю тебя. И пройдет много лет и веков, мы встретимся. И я все так же буду любить тебя.

Муж, назначенный мне Энлилем,
Дай окажу тебе я ласку,
В опочивальне твоей медовой,
Буду радовать сердце твое навсегда...

Оборвалась песня Ашеры криком младенца. И в эту минуту в келью вернулась повитуха. Эн стоял на коленях, в руках у него кричал красный комок.

— Это мальчик. А она умерла.

Повитуха перерезала пуповину, обработала и помыла ребенка, завернула его в тогу Ашеры, передала жрецу. И через какое-то время, протянула пузырек с прозрачной жидкостью.

— Смажьте ему губы, вот.

Эн не шелохнулся, он молчал.

— Я сделаю это сама. Дайте младенца.

Он передал ей младенца и вышел из комнаты. Выходя, он приказал:

— После того, как закончишь с младенцем, подготовь тело Ашеры к похоронам.

Жрице очень хотелось спросить Элайю, зачем он хочет отправить младенца на тот свет, ведь можно было бы просто его отдать кому-то на воспитание. Но она не задавала этого вопроса, она вообще привыкла не болтать лишнего и не лезть не в свое дело.

А Элайя шел и думал, что теперь пророчество богов о том, что его убьет собственный сын, которое он услышал накануне смерти Эльмештум, не сбудется, потому что единственный его сын, только родившись, умерщвлен, а больше таких ошибок он не допустит. Когда он услышал пророчество, то не придавал ему значения. Но позже, узнав о беременности Ашеры, вспомнил его. Живот Ашеры рос, а тревога Элайи становилась сильнее. Он не мог допустить своей смерти. Его смерть означала бы не только его личный конец, но и конец той жизни в Шумере, которой было много тысяч лет.

Повитуха держала младенца в руках, укачивала его, чтобы он не плакал, думала о том, что с вечера осталось козье молоко и надо бы покормить малыша. Посмотрела на уже мертвое тело Ашеры. И, как будто та могла ее услышать, говорила вслух.

— У моей младшей сестры нет детей. Я отнесу им его, ночью никто не заметит. А они скажут людям, что подкинули. Такое иногда бывает. Муж ее — уважаемый человек, у него посудная мастерская, гончар он. Мальчику у них хорошо будет. Никто ничего не узнает. И эн будет доволен, и ребенок жив. Никто никогда не узнает, чей это ребенок. Никто не должен знать.

Но сомнения все же мучили ее, ведь она нарушала шумерские законы и, что еще хуже, волю верховного жреца. Что же теперь будет? Ей хотелось быть верной служительницей своего эна. Но иногда она делала что-то, о чем он не знал, тогда, когда в ней просыпалась сила и воля. К тому же, она прожила в храме всю свою жизнь, и неплохо разбиралась в том, когда нужно взять ситуацию в свои руки. Ей было 14 лет, когда Элайю, будущего жреца, а тогда 7-летнего мальчика привезли из дворца.

После недолгих сомнений она решила, что отнесет новорожденного к своей сестре, а жрецу ничего не скажет. Она умела держать язык за зубами и скрывать чужие тайны.

Она помолилась, закрыла покойнице глаза и тихо выбралась из храма.

Ночь была жаркой и тихой. Пели ночные птицы. Младенец посапывал, завернутый в материнскую тогу, наевшись козьего молока.

Повитуха торопилась в дом, этот дом она знала с детства, поскольку там родилась.

У нее были ключи от двери от внешнего и внутреннего двора дома. Дверца с улицы вела в сени, где стояла ситула, небольшой сосуд без ручки, в которой была вода для омовения ног. Здесь же хранился хозяйственный инвентарь. Отсюда, наискосок от уличной, другая дверь вела на внутренний дворик, который, как и сени, был вымощен обожженным кирпичом. На двери у выхода из сеней висел оберег от злых духов — головка демона. Он висел тут и во времена ее детства.

Тихо она прокралась сначала в людскую, помещение для рабов и мальчиков-подмастерьев, а потом через спящие тела в кухню. В кухне был врыт в землю очаг и кирпичная плита, в которой даже в темноте виднелись углубления для раскаленных углей. В детстве она любила наблюдать, как тлеют угольки и мечтать о дальних странах и волшебных существах. Мебелью служили низкие столы и стулья с высокими спинками. На полу стояла домашняя посуда, изготовленная на заказ, из глины, камня, меди и бронзы. Были также корзины и коробка, сделанные из тростника и древесины. Прежде, чем покинуть помещение, она прошла в дальний угол к семейному мавзолею, где были похоронены ее предки, в том числе и ее отец, поклонилась и выставила вперед в вытянутых руках младенца, как будто показывая его кому-то. Она прошептала короткую молитву, в которой просила предков принять мальчика в свою семью и быть к нему благосклонными. После этого она поднялась на второй этаж и постучала в одну из дверей. Дверь очень быстро открыли. Женщина вошла внутрь. Полы и стены комнаты были по-

крыты тростниковыми циновками, также на стенах висели шерстяные ковры, а на полу красовались мягкие половики из шкур.

— Я принесла вам ребенка. Позаботьтесь о нем. И не говорите никому, что это я принесла, скажите, что подкинули ночью. Я не могу вам сказать, чей это ребенок. Об этом лучше молчать, иначе боги покарают меня.

ГЛАВА 5

Петр проснулся поздним утром от шума подъезжающей машины. Спал он с открытым окном. Так создавалось ощущение, словно он на природе: трещали сверчки, шевелил листву ветер и иногда лаяли собаки из соседних дворов. Это было даже лучше, чем засыпать в квартире под звуки, которые издавала колонка-робот.

Пару раз он даже просыпался ночью, чтобы сделать звук тише, бормотал сквозь сон: «Алиса, тише», — но тише не становилось. Петр вспоминал, что он не в Городе, а в Деревне, и опять засыпал.

В дом вошли трое: Элеонора, Андрей и мужчина в зрелом возрасте, которого Петр не знал. Мужчина был высокого роста, с когда-то правильными чертами лица, с большими зелеными глазами и легкой седой бородкой. По характерным чертам было видно, что он периодически не прочь выпить. У тех, кто злоупотребляет алкоголем, есть общее: легкое пожелтение вокруг глаз, покраснения лица, отечность под глазами, сухая кожа, особенно на руках. Но, видимо, он был не запойным: руки не тряслись, нос не деформировался и был нормального цвета. Впрочем, даже возраст и алкоголь не забрали его статности и благородного взгляда. В молодости мужчина, наверное, очень впечатлял своей внешностью. А по манере держаться можно было узнать в нем человека интеллектуального труда.

— Привет, друг! Ты еще спишь? Не похоже на тебя, — прокричал Андрей, заходя в дом.

— Тут спится хорошо, — ответил Петр и поднялся с кровати.

— И спиться тоже, — посмеялась Эллочка. — А мы тебе сюрприз привезли... живой.

Петр натянул майку и шорты, потянулся. Посмотрел на вошедшего мужчину.

— Виктор, — представился тот.

— Петр, — протянул руку для приветствия молодой человек.

В комнате повисла тишина.

— А чего вы не позвонили? — обратился он к Эллочке и Андрею. — Я бы хоть что-то к чаю купил.

— Да мы, в общем, не собирались, все спонтанно вышло. А к чаю мы сейчас на машине сгоняем. Эллочка, поехали со мной, чтобы я не пропустил магазин, — сказал Андрей. — А ты, как обычно, козинаки будешь? — обратился он к другу.

— Можно и козинаки, если они там продаются. И чаю листового купи, а то мне этот из пакетиков уже надоел, я был вчера в магазине и забыл.

Андрей с Эллочкой ушли. Петр спросил мужчину:

— А вы по какому делу? Дом посмотреть? Элеонора говорила, что продавать его собираются. Тут хорошо. Вам понравится.

— Нет. Я не по поводу дома приехал. — ответил мужчина. — Я к тебе.

Петр удивленно на него взглянул, задавая немой вопрос: зачем я вам?

— Дело в том, что я твой отец. И я тот человек в сером балахоне, который сидел в углу в библиотеке, когда ты разговаривал со Служителем в ПМЖ во время комы. Еще я приходил в больницу, следил, чтобы для твоего тела было сделано все, что нужно, дабы поддержать его в хорошем состоянии, чтобы, когда твоя душа вернулась, у тебя было меньше проблем. По-моему, мы справились, да?

— Да, — машинально согласился Петр и добавил, — вы же шаман, так сказал Человек в Коричневом капюшоне, которого вы назвали Служителем.

— Да, есть такое дело, и мой отец, и мой дед были шаманами. И ты тоже. Я давно за тобой наблюдаю. Сейчас тебе нужна моя помощь. Инициация прошла, но что-то пошло не так после. Твои вибрации не совсем похожи на вибрации белого шамана. Но и на вибрации черного они не похожи. И в ПМЖ точка сборки не поменялась. Что-то пошло не по плану, и вот я здесь, чтобы помочь тебе стать на этот путь, поддержать твои первые шаги.

— Я, честно говоря, ничего не понимаю в том, что вы говорите. И почему вы не дождались, пока я вернусь в Город?

— У нас не так уж много времени до твоего главного испытания.

— Какого испытания? — удивленно спросил Петр. — Про испытание мне никто не рассказывал.

— Испытание состоит в том, что тебе придется познакомиться с нижним миром и дать ему отпор. Это испытание проходят все белые шаманы.

Он несколько секунд помолчал, потом продолжил:

— Наше тело несовершенно. Покажи, где здесь туалет, всю дорогу терпел.

— Конечно, только здесь туалет на улице. Пойдемте, я вас провожу.

Они вышли из дома, через двор подошли к саду. Слева от входа в сад, за деревьями на земле обреченно торчала коробка с дыркой в полу — деревенская уборная. Виктор направился к желанной цели, а Петр гулял по саду, прикидывая, что следующим здесь лучше сделать, чтобы его привести в хоть какой-то порядок. Потрудиться предстояло прилично, и вряд ли он успеет все сделать до своего отъезда, но, например, обработать деревья от вредителей или выкосить еще какую-то порцию сорняков он мог вполне.

Его мысли прервал Виктор, быстро сделавший свои телесные дела:

— Когда твоя мать забеременела, мы еще какое-то время жили вместе. Но уже перед самыми родами она ушла от меня. Сбежала в один день, забрав свои вещи. Я ее искал после этого. Город большой, я не знал, где она жила, откуда она. В общем, не нашел я. Уже гораздо позже, тебе, наверное, тогда лет 7 было, я случайно столкнулся с ней на улице. Но она только бросила, что не хочет, чтобы я с тобой общался. И что она сказала тебе, что я умер. На мои вопросы, почему она ушла, ответила, что поняла, что меня не любит и я ей не нужен, а жить из-за ребенка — это глупо. Дабы я не уговаривал ее, ушла по-тихому. Я очень любил твою мать. Долго не мог вообще на женщин после смотреть. Но потом как-то все стерлось. Да и в роддоме, где я работаю, много женщин. Как-то начал я постепенно отношения с ними вести разного характера. Но до сих пор не женился. Ты мой единственный ребенок, Петр. Я очень рад, что сейчас мы встретились.

Виктор попытался обнять Петра. Но тот инстинктивно отстранился.

— Вы простите. Я все понимаю, и никаких претензий к вам не имею. Но обнимать вас не могу. Мне вообще сложно дается контакт с чужими людьми. А вы хоть и являетесь моим биологическим отцом, но я вас не знаю. Да и к тому же, вы мой отец только по вашим словами, мы это с вами еще не проверяли. Правда, я также понимаю, что вам нет смысла мне врать, поэтому верю. Но сыновних чувств обещать не могу.

Петр сорвал с дерева вишню, потер ее о футболку и надкусил.

— Вишня познания? — пошутил Виктор.

— Там вообще-то яблоко было, — Петр отправляет ее в рот, кривится, а потом выплевывает. — Кислая.

Когда они вернулись в дом, Эллочка уже заваривала чай,

а Андрей заботливо раскладывал сладости по тарелочкам. В кухне Михаил возился с газовой печкой.

— О, давно в этой хате столько людей не было. Прямо праздник какой-то. — сказал он, приветствуя Виктора и Петра.

— Эллочка, ты же помнишь, что сегодня день Деревни? Народные гуляния намечаются. Вы все как раз приехали, развлечетесь. У нас тут обычно весело, музыканты приезжают из города. В этот раз вроде будет Александр Н. Стар. Хрен его знает, кто это, но наш глава администрации постарался, говорит знаменитый рокер какой-то, правильный, неправильным сейчас не дают выступать.

— О, движняк, я ни разу не был на деревенском празднике! Эллочка, давай останемся! — Андрей просящим взглядом посмотрел на девушку, сложив ладони в молящемся жесте.

— Андрей, я же тебе говорила, что у меня куча работы. Я не могу остаться, а ехать на автобусе с пересадками мне вообще не улыбается. Давай как-нибудь в следующий раз. — сопротивлялась Элеонора.

— Праздник Деревни только раз в году. А в этом у нас еще юбилей — 150 лет со дня ее официального основания. Так-то тут и раньше люди жили. Оставайтесь, завтра поедете. — поддержал просьбу Андрея Михаил.

Они все сидели за столом и пили чай, Михаил долго не решался задать вопрос дочери, но потом все таки спросил:

— Дочь, а вы это, вместе с Андреем? Вы пара?

— Папа, какая тебе разница? Андрей просто мой друг. — Эллочка явно не хотела разговаривать с отцом на эту тему.

— Жаль. — отец расстроено помешивал ложечкой чай. — А че? Симпатичный парень. И машина у него неплохая. Видно, что бедствовать не будете, если поженитесь.

Андрей с удовольствием наблюдал за общением папы и дочери. Она раскрывалась для него с новой стороны. Ему,

конечно, не понравилось, что она сказала Михаилу, будто они просто друзья. Но он не стал опровергать ее слова. Однако потом обязательно спросит ее: «Это так теперь называется?»

— Да, машина неплохая, — согласился Андрей. — Honda Civic Type R. Огонь! Не самый дорогой автомобиль, конечно, но зачем нам эти мерседесовские понты? А эта супер! Красивая, агрессивная, горячая! Как ваша дочь!

Михаил посмотрел на него с вызовом.

— Вы видели, как она выглядит? — продолжал Андрей. — Обвес по периметру кузова, расширенные арки колес, три «ствола» выхлопного тракта по центру бампера и затемненная оптика.

— Ну и как ездит? — уже больше с интересом, чем с вызовом, спросил Михаил.

— Зашибись она ездит! У нее четырехцилиндровый мотор с 16-ю клапанами и турбокомпрессором, который генерирует 320 «коней» при 6500 об/минуту и 400 Нм вращающего момента при 2500—4500 об/минуту. С места до 100 км/ч моя пантера «катапультируется» по истечению 5.8 секунды. Стритрейсеры каждый раз облизываются, когда я на ней приезжаю.

— А кто это, стритрейсеры, как их там? — споткнулся о незнакомое слово Михаил.

— Уличные гонщики. По ночам на городской площади собираемся с ребятами и гоняем. — ответил Андрей.

— А я тоже на своей ласточке гоняю. Она у меня с полпинка разгоняется. Видел, Волгу мою? Да она твою Хонду порвет.

— Да ну, это корыто? В каком-то фантастическом фильме, но не в жизни.

Остальные пили чай и без интереса слушали их разговор. Эллочка вообще залипла в телефон, читая новости.

— А че? Давай покатаемся? Вот и выясним, кто кого. Моя ласточка против твоей пантеры.

— Папа, может, не надо? — протянула Элеонора.

— А давайте! — Андрей был воодушевлен этой мыслью. Гонки по деревне — это что-то новенькое. Он любил новый опыт.

Они вышли на улицу. Две машины стояли рядом: белая Хонда Цивик Андрея и серебристый Газ-24 Михаила. Андрей подошел к корыту своего оппонента, пощупал высокую антенну на правом крыле.

— О, никогда таких на машине не видел.

— А это для мощного радиоборудования. Тут непростые люди ездили в этой машине в советское время.

Оба мужчины сели по своим коням, гордо посмотрев друг на друга. Михаил завелся не сразу, но после долгих уговоров и приличной дозы мата Волга тронулась. Крутя ручку, которая открывала окно, отец Элочки крикнул Андрею:

— Вон видишь то дерево, — указал на большой развесистый тополь вдалеке. — До него примерно 400 метров. В той стороне никто не живет, так что наше соревнование будет чистым. Поехали.

Обе машины довольно резко стартовали, к удивлению Андрея. Сначала Волга отставала, но через несколько секунд обогнала Хонду и вырвалась вперед. Дорога явно не была похожа на асфальт, к которому привык Андрей. Он, конечно, и в Городе местами полный швах, но это асфальт. По проселочной, ухабистой дороге молодой человек еще на такой скорости не ездил. Но азарт уже захватил его в свои объятья. На долю секунды его внимание с дороги перешло на внутреннее: «Да как же так?». Давит на газ еще сильнее. Еще поднажать.

Свист в ушах от скорости и — мощный удар! Он аж подскочил, хорошо хоть ремнем безопасности был пристегнут. Машина попала в яму и колесо выбило. Передняя часть Хонды лежала на земле.

— Вот б**ь, — выругался водитель.

Михаил доехал до дерева и только там увидел, что Хонда Андрея пострадала от встречи с неровностями деревенской дороги.

Подъехав, Михаил с явным удовлетворением, кинул молодому человеку:

— О**енно покатались, стритрейсер, епт. Поехал я в мастерскую за ребятами, на тягаче вывезут тебя и посмотрят, что там.

Приехавший на тягаче мастер сказал, что тут работы минимум на неделю и завтра Андрей не сможет уехать на своей машине. А также что будут только китайские запчасти, потому что японские уже не поставляют. Чтобы их заказать, нужно долго ждать и придут они втридорога.

— Санкции. Что поделаешь. — обреченно констатировал мастер, а потом добавил, посмотрев в сторону Хонды. — Скоро вообще будешь ездить на китайских тазиках или нашей новой Ладе без гидроусилителя. Так что ты, парень, береги машину.

Поверженный в неравном бою с деревенской дорогой автомобиль на тягаче отвезли в мастерскую местного Кулибина, а Андрей, казалось бы, совершенно не расстроившись поломке машины, сказал:

— Ну вот, теперь точно попадем на праздник Деревни.

И добавил:

— Слушайте, Михаил, а как это вы меня умудрились на этом корыте обогнать?

— Не обижай мою ласточку! Это не корыто, а волга-догонялка. Внешне она не отличается от обычной волги, но внутри у нее мощный мотор в триста лошадиных сил. Эти машины специально выпускались для КГБ. Она могла за несколько секунд развить скорость в пару сотен километров в час. А еще у нее раньше была секретная аппаратура. Но когда машина ко мне попала, аппаратуру уже сняли. Это в начале девяностых было. А подарил мне ее городской бандит. Его уже поди и в живых нет. Он тогда со своей беремен-

ной жинкой приехал к родственникам. Была зима, все снегом занесло. А ей рожать приспичило. За мной послали. Я, конечно, не врач, а ветеринар. И до того дня и после ни разу у женщин роды не принимал. Но у коров — обычное дело. В колхозе работал. Ну вот и принял я роды. Все получилось хорошо. А он мне потом эту вон волгу пригнал в благодарность. Это была моя первая машина. До сих пор катаюсь. Берегу ее. Я так по делам на копейке своей езжу, за сеном там, ну или на огород за речкой. На этой только по праздникам.

Ближе к вечеру друзья вместе с Виктором отправились на праздник. Туда же подошел и Михаил. Начинался вечер скучно и малообещающе. Похоже, только Андрей воспринимал все с восторгом, происходящее ему было в новинку.

Видно было, что к этому дню деревенские жители готовились заранее, с большой энергией и основательно. На центральной улице, около дома культуры, украшенного разноцветными шарами, развернулась ярмарка, где сельчане продавали самодельные товары: кто выпечку, кто вязаные салфетки, а кто утварь из дерева. Запах шашлыка, свежей выпечки сводил Андрея с ума, он заметил, что впервые за долгое время хочет есть, не после травы, а просто так. Из динамиков слышалась попса 90-х про «ясный мой свет, ты напиши мне» и «белые розы», видимо, диджеем была завклубом, молодость которой проходила в это время. Особенно нравились Андрею лица людей, счастливые и беззаботные, по настоящему оставившие свои повседневные дела, коров, сено и чистку навоза.

Конечно же, на праздник были приглашены почетные гости: глава района, депутат областной Думы (целых два), директор местной агрофирмы, начальник отдела культуры района. Приехали даже корреспонденты районного канала.

Но самым важным гостем был Александр Н. Стар с группой «Вау-банк». Его ждали больше всего. Прежде гостей из Москвы такого уровня здесь живьем никогда не видыва-

ли. Но, похоже, спецоперация и новая реальность вносили свои коррективы. Поговаривали, что для укрепления духа и поддержки глубинного народа столичные артисты отправлялись по разнарядке на концерты по маленьким городам и деревням, так они зарабатывали очки перед властями, ставя себе метку правильного патриота. За особые заслуги отправляли на «освобожденные» территории Соседней Страны.

Пока Александр Н. Стар готовился, выступали коллективы из соседних деревень и поселений.

Открывал вечер глава администрации, который, несомненно, был любимцем местных (они его выбрали, да, в деревнях пока можно выбрать главу администрации) и не любил много говорить. Поэтому просто пожелал процветания жителям деревни.

Высокие гости из района были более многословными и выглядели неуместно в костюмах и вечерних платьях. Многие из них пытались скрыть свое произношение и фрикативное «г», но им это удавалось через раз.

Петр слушал их и думал, почему сельские жители, которые уехали из деревни, даже если из деревни они перебрались в совсем маленький районный центр на 40 тысяч жителей, так усиленно пытаются скрыть свое происхождение? Как будто им стыдно быть рожденными в деревне. У нас есть даже выражение такое «деревенщина» и «можно бабу вывезти из деревни, но деревню из бабы никогда». Это все такой дешевый цинизм. Громче всех орут на «понаехали тут» те, кто сам «понаехал», но раньше.

Петр думал о том, что когда пришла революция в 17-м и деревенские начали уходить в город, потому что в деревнях есть было нечего, несмотря на обилие ресурсов и земли, вот тогда начался этот процесс унижения деревенских жителей. И первыми, кто унижал их, были сами бывшие соседи, которые из крестьян превратились в рабочих. Отголосок этого проявляется в женщинах и мужчинах, которые пыта-

ются скрыть свое фрикативное «г», потому что по правилам русского литературного произношения нужно было произносить «г» как взрывной.

Эти ставшие городскими большими дядями и тетями на местном уровне рассказывали о том, как прекрасна деревня и как богата она талантами, как они гордятся земляками и все в этом роде. Но звучало неискренне, это звучало так, что ставило границу, видную и понятную каждому, границу между теми, кто уехал и теми, кто остался. А вот о патриотизме к большой Родине, о том, что в это непростое время мы должны все сплотиться и поддерживать наших воинов и вождей они говорили вполне искренне, хотя и также заученными, чужими фразами.

После выступлений районных шишек с рассказом об истории Деревни на сцену вышел местный краевед. После него планировалось состязание для молодежи. А пока вновь показывали окрестные виды на больших экранах, поставленных на сцене перед Домом культуры.

— Это наш глава администрации выбил эти два больших телевизора, где сейчас Деревню показывают. — с гордостью отмечал Михаил, обращаясь к Виктору и пытаясь сделать акцент на том, что они тут не льком шиты и не в лаптях ходят. — Он у нас вообще мужик ого-го! Болеить за родину малую и че самое главное, не пьющий. Тут мало таких. А ты, Витя, пьешь?

— Бывает, — отвечал его собеседник, — у нас как в роддоме не пить? Если не пить, так и с ума можно сойти: то помрет кто, то 24 часа родить не может. Страшно бывает. А хряпнешь рюмашку, так тебе и сам черт не страшен. Помогает!

— Да и не говори, я вот сам иногда могу. Так-то я вообще не пью, полгода могу не пить и даже год. А потом, как нажрешь до чертиков, что ногами вперед чуть ли не выносят. Плохо мне на следующий день — умираю. Кажется, сдохну. И потом год могу не пить. Ага. Ну а иногда, редко правда,

как найдет на меня че, так опять нажреть. То ж Верка, мать Элкина, и ушла от меня, в город подалась. В райцентр. Мужик у нее там появился. Ну а мне как, мужику, одному жить? Мне в хозяйстве баба нужна. Корову подоить, исть приготовить. Ну и с бабой, оно легче как-то. Галка, нынешняя моя, тоже лаиться, как собака, если пью. Но оно редко бываить, поэтому не сильно. Ейный бывший муж вообще от пьянки подох, замерз зимой, пьяный шел и замерз. А бил ее как! Синяя вся ходила. Поэтому со мной Галке нормально. Я не бью. Я добрый. А Элка, она уже не в меня пошла. Вредная зараза! В мать! Ейной породы.

Михаил достал из пакета, который принес с собой, бутылку прозрачной жидкости, две рюмки.

— Ну че, давай за знакомство! Вижу, хороший ты мужик.

— Водка?

— Обижаешь! На хрен мне эта водка? Стоит, зараза, дорого, а качество плохое. Наш самогон, местный, соседка варить, добавлять туда фруктов и корки апельсиновые. Красота получается. Ну попробуй.

Михаил разлил самогон по рюмкам, мужчины чокнулись и выпили, не закусывая.

— Первую можно и не закусывать. А потом лучше с закуской. Щас пойду у девок шанежек куплю — отлично под выпивку!

На сцену вышел местный краевед и начал свой рассказ.

— Наша Деревня раскинулась на ровном песчаном месте, по обоим берегам реки, причем большая ее часть находится на левой стороне. Деревня была основана по положению Военного Совета на месте бывшей Слободы. Слобода была основана в 80-е годы 18 века войсковым старшиной Бобриковым. Он родился в семье известного войскового старшины. На службе находился с 1775 г. Свой расцвет Деревня переживала на рубеже 19—20 веков и в начале 20 века. Так, например, только в 1897 году здесь родилось 30 мальчиков и 35 девочек, а всего детей до 16 лет насчитывалось

778 (их них 381 мальчиков и 397 девочек). Расцвет Деревни был связан с тем, что через нее проходил Столичный тракт. По всему юрту имелись богатые залежи каменного угля и антрацита, железной и марганцевой руд, известняка, лучших сортов плитового и строительного камней, которые шли на сооружение мостовых и тротуаров городов. После революции все изменилось. И Деревня перестала быть значимым местом.

Михаил и Виктор уже выпили две трети бутылки самогона, закусывая шанежками и другими вкусностями, которые им дали просто так, потому что как не покормить дорого гостя и уважаемого в деревне человека, который почти каждому дому помогал в тот или иной сложный момент с животинной: если корова не могла отелиться — звали Михаила, дохли кролики — звали Михаила, собаки чумкой болеют — тоже звали его. Животные для деревенских жителей были не просто дополнением их домашнего интерьера, в них и была их жизнь.

— Витя, давай еще выпьем, — наливая в стопку самогон, настаивал Михаил, — мы же с тобой почти коллеги. А что ты думаешь по поводу происходящего с миром? Вот дочь моя говорить, что нам всем пиздец. Она умная девка, конечно, но все равно дура. А наш глава администрации говорить, что Россию ждет великое будущее, главное показать этому коллективному Западу кузькину мать. Ты вот человек умный, скажи, что ты думаешь.

Обычно, когда люди изрядно выпьют, они обсуждают интимные темы и политику, в теперешнее время политику обсуждают все, даже в трезвом виде. Виктор старался не вести диалоги о политике, ибо ему не хотелось влиять ни на чье мнение, а зачем кому-то навязывать свое, он тоже не понимал. Помимо того, что он служил миру в качестве шамана, в обычной жизни он был врачом, акушером-гинекологом, работал в роддоме и каждый день имел дело с жизнью и смертью. Его пациенты не спрашивали его, а каких

ты политических взглядов? А что ты думаешь по поводу коллективного Запада? Одни были еще слишком малы, чтобы думать об этом, они вообще не могли думать в полном смысле этого слова, а другим было явно не до политики. Сложно о ней думать, когда тебя разрывает изнутри что-то настойчивое, требующее жизни, лезущее на белый свет. Даже если над твоей головой летят самолеты и падают бомбы. Но Виктор как человек думающий анализировал информацию, которая ему была доступна, и делал свои выводы.

То ли сказалось выпитое, то ли ему хотелось поделиться своими мыслями, но он не стал переводить тему и выдал все так, как обдумывал в своей голове.

— Я не политик и даже не социолог, Миша. Но я читаю новостные каналы в разных источниках. К тому же я неплохо знаю историю. Так вот что я тебе скажу. Реальные механизмы работы мира не такие, какими кажутся. Нет хороших и плохих в общепринятом смысле. Каждая группа действует в своих интересах. Причём публично заявленные причины не совпадают с реальными основаниями для поступков данных групп. Политики говорят одно, делают другое, думают третье. В современном мире это эффективный способ «мутить воду» в условиях радикальной информационной прозрачности и невозможности скрыть внешние проявления каких-либо манипуляций. К примеру, нельзя скрыть прохождение колонны танков, но вот «замутить» причину этого прохождения — вполне. Причём именно через подачу огромного количества разнонаправленных сигналов, переизбытка новостей. Среди них может быть и правда, но она будет эффективна закрыта «шумом».

У Виктора проявлялась одна черта, когда он выпивал: он говорил, как будто читал лекцию. Это объяснялось тем, что обычно, когда он что-то обдумывал, он писал в своей голове книгу, которая никогда не будет издана.

— Подожди, я ничего не понял. Я так вижу: пиндосы нас ненавидят и используют Соседнюю Страну, чтобы нас до-

стать. Но мы им отвечаем. Это не война с Соседней Страной, это война с коллективным Западом. Я вот только боюсь, как бы не началась Третья мировая. Мне и тикать, если че, нельзя. Куда я от своего хозяйства? Коров же с собой не потянешь.

— А она уже идет, Третья мировая. Но это не та война, в которой воевали наши отцы и деды во время Второй мировой. Большие фронтальные войны уходят в прошлое. Их место занимают гибридные войны, которые ведутся не для какой-то определенной победы и не до какого-то победного конца. Отличительная часть гибридных войн: основные сражения происходят в умах, новостях, сюжетах-объяснениях, тестовых вбросах, фейках, пропагандистах. Это время «множества правд». Поэтому для нас, обывателей, они могут вспыхивать и заканчиваться довольно неожиданно.

— Ты че, тоже не патриот, не пойму я че-то? А как же наша великая Русь? Мы за что боремся? — Михаил начал кипятииться, ему явно не очень нравилось то, что говорил Виктор.

— Я патриот и люблю свою страну, как и ты. Я просто хотел сказать, что нынешняя война, как и другие будущие войны, а будет еще не одна...

— Откуда ты знаешь, что не одна? — прервал его Михаил.

— Наоборот, мы сейчас боремся за мир во всем мире. Ты что, ясновидящий?

— Нет. Это просто анализ происходящего. — Виктор редко говорил о своем шаманском даре, но часть того, что он говорил — это действительно выводы из того, что он видел в мировой библиотеке в Пространстве Между Жизнями.

Бутылка была уже допита. А Виктор продолжал:

— Войны сегодня — это всего лишь еще один инструмент передела сфер влияния, сбрасывания социальной напряженности, развития экономики. А также это способ пометить себя как «свой — чужой», заработать дополнительные политические очки. Все это на фоне постепенной инфантилизации населения и роста бытового благосостояния, особенно в го-

родах. Все это стимулирует диванные войска и конформность. Большинство из нас боятся потерять то, что есть, даже коров.

— Это ты на меня бочку катишь, говоря про коров? Это я-то конформист и диванные войска? Да ты поживи в деревне с мое.

Михаил вышел из себя, поднялся и агрессивно посмотрел на Виктора, закатывая рукава праздничной рубашки. Подбежала Элеонора.

— Папа, ты опять пьешь. Виктор, с ним нельзя пить. Он, когда пьет, становится не очень адекватным. Пойдем уже домой, — закричала она на него.

— Не беспокойся Элеонора, все нормально. — сказал Виктор. — Я помогу тебе его довести до дома. Да и сам пойду уже в тот дом, что ты нам с Петром любезно предоставила. Мне пора спать. Я тоже малость выпил.

Он посмотрел своими зелеными глазами в глаза Михаила, что-то прошептал, и тот совсем успокоился.

— Как вы это сделали? — спросила Элеонора. — Одним взглядом. Обычно, он пока с ног не свалится, не успокоится.

— Да это не сложно. Сложно младенцев с того света доставать. — ответил он Эллочке, а потом обратился к Михаилу.

— Ну что, Миша пойдем? По дороге поговорим.

— А теперь спортивный конкурс — перетягивание каната. — раздался голос ведущей из микрофона. — Зрелые против молодежи, отцы против детей. Давайте посмотрим, кто сильнее.

— О, давайте останемся. Посмотрим, кто сильнее, мы, мужики, или вы, пацаны! — весело поддержал Михаил. Хмель немного вышел из него, и он довольно ровно стоял на ногах.

Приготовили толстый канат. Молодые парни собрались с одного конца каната, мужчины постарше — с другого. Михаил взял Виктора за руку и потащил к канату.

— Пошли, Витя, покажем этим пацанам, что есть еще порох в пороховницах!

— А что, давай, — согласился тот.

— Я тоже, пожалуй, поучаствую, только с другой стороны, — подхватил Андрей и стал на сторону деревенской молодежи.

Соревнование началось. Верх брала то одна, то другая сторона. Постепенно тянущих канат становилось больше с обеих сторон. Все кричали, подначивали друг друга. И все же перевес сил был на стороне мужчин постарше. «Прям архаика против модерна», — прокомментировал Эллочка и присоединилась к модерну по ту сторону каната, где был Андрей и другие парни. Выпитые сто грамм самогона придали ей уверенности, хотя девушкой она была там единственной. Но победа все же плавно перетекала на сторону архаики. Петр сидел и наблюдал за этим. Андрей кричал ему: «Иди сюда, че ты там сидишь, эээх, поднажмем». Петру интереснее было смотреть за битвой, чем участвовать в ней. Но то ли настойчивые приглашения друга, то ли скука заставили его встать и принять участие в перетягивании каната на стороне молодежи. Петр взялся за канат, встав позади Элеоноры, уперся ногами в землю, потянул на себя, дернул со всей силы, почувствовав еще силу других людей. Еще несколько рывков. И канат был на их стороне.

— И победа достается молодым! — подытожила ведущая. — В подарок вам набор самодельного шоколада от нашего спонсора, кондитера Марии. Возьмите.

Рослый парень, в котором Петр узнал того самого здоровяка, выпивающего с другом и подругой Ленкой возле магазина вчера, взял корзину с шоколадом, спустился ко всем и предложил выпить за победу!

Михаил и Виктор собрались уходить с праздника, так как уже изрядно набрались. Михаил предложил Виктору заночевать у него, поскольку в доме у его матери всего два спальных места.

— Эти двое, моя дочь и ее хахель, вместе лягут, скорее всего. Ну и сынок твой там. А тебе не на полу же ютиться. А у меня большой дом, там четыре комнаты. Ну и можно беседу продолжить.

Они ушли. А молодежь сидела за общим столом и выпивала.

— А вы, городские, не такие уж и слабаки, как я думал. Давайте выпьем за знакомство. Ну, Эллочка, за твоих друзей! — сказал здоровяк. — А помнишь, как я мальцом от тебя отхватывал за то, что у твоей бабки Прасковьи яблоки воровал? Ух, я ее боялся в детстве, твою Эллочку. — это он уже Андрею.

— Она уже 14-летней девахой была, а мне было 8 лет. А сиськи у нее уже тогда были, ого-го. Я засматривался. Смотри, чувак, — он обратился к Андрею, — обидишь ее, будешь иметь дело со мной.

— Да ее обидишь, — рассмеялся Андрей, — она сама кого хочешь может с одной левой уделать.

— Это точно, — согласился здоровяк.

Они пили, закусывали. Андрей старался самогон незаметно выливать, потому что просто отказаться здесь не получалось. Начиналось «ты меня уважаешь». А он вообще алкоголь не любил, алкоголь делал голову тяжелой, а чувства притупленными. Когда ему хотелось немного оторваться от реальности, он курил траву. Более тяжелые наркотики он пробовал и одно время даже зачистил. Но понял, что вещества начинают им управлять, поэтому перестал употреблять их. Анаша же в его жизни осталась, потому как была единственным, что не подавляло его волю.

Петр сидел рядом с молодым человеком, которого он чуть не убил в альтернативной реальности, тот иногда посматривал на него, как будто пытался узнать и не мог.

— Слушай, где мы с тобой могли видеться? — наконец спросил он.

— Вчера я выходил из магазина, а ты с твоим другом — Петр указал на здоровяка, — и его девушкой пили пиво, у мотоцикла, припаркованного рядом с магазином.

— А, да. Ты тот чувак, которого хотела заклеить Ленка, чтобы Санек приревновал. А то я смотрю рожа знакомая. У тебя память хорошая. Один раз видел и уже запомнил.

«Еще бы», — подумал Петр, — знал бы ты, чувак, что на самом деле произошло там у магазина, ты бы тоже запомнил».

— Ну давай за нас и за мир во всем мире! — сказал художавый парень.

Они чокнулись, выпили. И тут со сцены раздался радостный голос ведущей.

— Друзья, наконец-то. Сейчас на сцену выйдет Александр Н. Стар и его группа «Вау — банд». Рок-группа с большой историей. Настоящие знаменитости и борцы за правду!

На сцену вышел престарелый рокер, немного залежавшийся в пыльном сундуке времени, и его музыканты. Они тряхнули гитарами, как стариной, колонки засвистели и народ тоже. Такое представление, конечно же, не могло начаться без вступительного слова. И Александр Н. Стар, немного похожий на клоуна, с которого стерли косметику, а выражение лица стереть забыли, патетически начал. Сейчас все звезды, которые не попали в опалу, начинают патетически, по законам нового времени.

Я одним из первых поддержал наше освободительное движение в Соседней Стране! И все время рассказываю со сцены, что несмотря на то, что мы с соседнестранцами братья, им нельзя простить их предательства, того, что они прогнулись под коллективный Запад. У нас, странных народов, особая миссия. И Запад боится нас. Поэтому они хотят разделить братские народы и победить так. Это змея, которую соседнестранцы пригрели на своей груди. И она сейчас показала себя во всей красе. Они не правы. Мне очень жаль, что мои братья соседнестранцы продались за дешевые по-

дачки. Но мы, странцы, не продаемся! И сейчас нам нужна внятная идеология, потому что, когда идет борьба за правду, мы все должны для себя понять, на какой мы стороне, на стороне света или на стороне тьмы. Мы с вами на стороне света, на стороне освободительного движения!

— Фу, параша, — крикнула Эллочка, — очередной проповандон! Как же вы достали, пособники убийц! Когда же вы уже угомонитесь, жополизы хреновы!

Она поднялась на сцену, плюнула демонстративно под ноги Александру Н. Стару и убежала. Все произошло настолько быстро, что никто не успел предотвратить этот несанкционированный выпад в сторону уважаемого гостя. Андрей побежал за ней.

А Петр остался. Не то чтобы ему было интересно послушать очередное творение ура-патриота, но он подумал, что Элеоноре и Андрею нужно побыть вдвоем. Песня, которую затянул Александр Н. Стар была так себе. Она протягивала абсолютно понятные идеи о спасении братского народа, даже если цена будет большой для всех. Слушать ее было мерзко: из-за текста, из-за того, что такая философия попахивала тухлятиной, из-за того, что рокеры и попса поменялись местами.

Мой брат Иван стоит перед мной,
Нажал он на курок, стреляет.
А помнишь, Ваня, как мы с тобой,
В кораблики играли?
И бой идет, мой брат передо мной,
заставила его война,
Я тоже должен, я перед тобой,
Но ты не прав.
Забыл ты, Ваня, вместе мы с тобой,
У бабушки гусей гоняли по двору,
Воспитаны и вскормлены одной
Мы матерью. Я это не сотру.
И около реки с тобою мы росли,

И ты, и я.
Ну как же так, хочу тебя спросить,
Ты стал мне враг.
Но я-то помню, я тебя спасу,
Ты не просил,
Но я же знаю, я тебя прошу,
Мой бог, дай сил!
Идут бои, мой брат передо мной,
Заставила его война,
Я тоже должен, я перед тобой,
Но ты не прав.
В тебя вселился черный змей,
Шипит в тебе,
Ты предал мать, ты предал жизнь,
Ты как во сне.
Пригрел змею ты на своей груди,
Мой брат Иван.
Но лучше я убью тебя, прости,
Но ты не прав.
Спасу я душеньку твою
мой милый брат,
А мать простит, она поймет,
Что прав.
Стоим с тобой по обе стороны реки,
Пора уж змея мне убить, пора.

Похоже, многим понравилась песня. Люди одобрительно кивали, и говорили, что да, нам, простым людям, что делить? И надо спасать своих братьев.

«Нет, — подумал Петр — Мы видим, как вы спасаете. Спасаете города Соседней Страны от заводов, жителей, домов, машин». Сейчас Петр чувствовал что-то похожее на испанский стыд, на который, как шутили, тоже наложили санкции. Вроде бы и не он сочинил эту песню, не он исполнял со сцены, не он напал. Но ведь он здесь, смотрит на того, кто говорит о правде и спасении души через насилие. Он тоже часть этого.

Петру очень хорошо знакомо было вот это спасательство без спроса, когда кто-то лучше тебя знает, что тебе надо. Спасательство — это и есть агрессия, но агрессия, которая прикрывается ложью добра и любви. Любовь — это свобода. А спасатели лишают спасаемых свободы. И если спасаемые сопротивляются, то все средства хороши. Можно и убить, если что, хотя бы душу спасти. Агрессия под маской любви!

А Андрей бежал за Эллочкой по пересеченной местности. Уже темнело, видимость становилась плохой, Андрей боялся потерять из виду ее силуэт.

Впереди была речка. Эллочка подбежала к ней, на несколько секунд остановилась. Чуть не упала, так как была уже изрядно выпившая. «Блин, она же говорила, что плохо плавает», — подумал Андрей. Через речку был перекинут самодельный мост, гнилой и ненадежный, и Эллочка намеревалась его перейти. Но, дойдя до середины, поскользнулась и упала в реку. Она боролась с водой, которая поглощала ее, а потом выплевывала. Сильное течение сносило ее. Она сопротивлялась, но река была сильнее. И она сдалась. Просто закрыла глаза, перестала барахтаться. «Какая глупая смерть», — пронеслось в ее голове. Еще несколько секунд, и вода заполнит ее легкие. Сопротивляться бесполезно.

Но тут она почувствовала, что кто-то, держа ее за руку, поднял над водой, ухватив за талию. Они поплыли к берегу. В эту секунду Элеонора потеряла сознание. Очнувшись уже на другой стороне реки от того, что кто-то делал ей искусственное дыхание и больно нажимал на ее грудную клетку. Вода прыснула изо рта Элочки, она закашлялась.

— Ну ты дура, Селиверстова, — это был Андрей. — Какое хрена ты поперлась через этот ушатанный мост?

Она молчала.

— Ты хоть понимаешь, что могла умереть?

Она ничего не говорила.

— Ладно, ты в состоянии идти? Надо возвращаться.

— Я не хочу никуда идти. Я не хочу никого видеть.

Она почти протрезвела.

— А куда ты бежала?

— Я не знаю. Я просто бежала, от всего, что сейчас происходит. Как будто от этого можно убежать. Но я чувствовала, что мне надо на другую сторону.

— У тебя получилось. Мы на другой стороне, — улыбнулся Андрей.

— Да, благодаря тебе, — она впервые с нежностью посмотрела на него. — Может, мы посидим здесь, пока не обсохнем? Или пока полностью не стемнеет. Не хочу идти по деревне с прилипшим к телу платьем.

— Давай посидим. — согласился Андрей. — Он смотрел на нее с любовью и даже боялся думать, что было бы, если бы она утонула. — Я теперь внимательно буду за тобой следить. Мне совсем не хочется потерять тебя.

— Андрей, я не могу с тобой быть, я вообще не могу быть с мужчинами. Все, что между нами было, это всего лишь секс, ну и дружба. Ты хороший парень.

— Почему ты не можешь быть со мной?

— Я женщин люблю. Не хотела тебе говорить, но теперь, наверное, самое время.

— Ты думаешь, я не догадывался? Я не просто догадывался, я это знал. Или, вернее, так скажем, ты раньше встречалась только с девушками. Пока не встретила меня.

— Ты был всего лишь экспериментом. Новым опытом. Но я не хочу так с тобой поступать. Поэтому ты должен знать правду.

— А я ее и так знаю. Я вообще уже все про тебя знаю. Я знаю имена всех, с кем ты встречалась, где ты училась, какие у тебя были оценки, сколько раз тебя задерживала полиция и какая у тебя задолженность по налогам. Я собрал о тебе всю информацию, которую только смог. Единственное, чего я не пойму, так это почему ты боишься отношений.

— Я не боюсь их. Просто мне они не нужны. Я люблю свободу. Да и какая тебе разница. Меня не возбуждают мужчины. Правда, с тобой было по-другому.

— Да, по-другому. Тело не может врать. Я знаю, ты тоже любишь меня, твое тело мне об этом рассказало. Я это ни с чем не перепутаю. Ты боишься мужчин. Но со мной ты в полной безопасности.

Он потянулся к ней, чтобы поцеловать. Но тут ее стошнило, потом еще раз. Видимо, выходило выпитое. Он держал ее волосы, чтобы она не измазала их блевотой. А она думала, что это самый милый жест с его стороны, который только он мог сделать.

— Ты знаешь. Когда мне было 3 месяца, мне делали операцию. — освободив желудок, начала говорить Элеонора. — Я не могу помнить, конечно, этого. Но мама говорит, что зафиксировали клиническую смерть. У меня был брат-близнец, сиамский близнец. Мы были сращены в области правой руки. Она была у нас одна на двоих. Нам делали операцию, она вроде бы должна была быть не очень опасной. Но он умер на операционном столе. А я нет. Но была клиническая смерть. И я готова дать голову на отсечение, что ту картину, которая потом меня долго преследовала во снах, я в первый раз увидела там. Во время клинической смерти. Я видела себя ребенком, вокруг которого был светящийся шар, я лежала на операционном столе, в крови. А надо мной склонились люди в коричневых балахонах с капюшонами. Пока ониковырялись в моих внутренностях, шар пульсировал и менял цвет. Рядом были такие же дети. И это была не больница. Это была лаборатория. Над нами проводили эксперименты. Что-то вставляли, вшивали. С тех пор я чувствую себя уродом, а правую руку вообще не чувствую своей. Меня не покидает ощущение глобального эксперимента. Мы все какие-то подопытные хомяки, как те, что были в самодельной лаборатории Петра. Едим корм и не обращаем внимание на то, что мы в этой жизни, как в клетке. За пределами клет-

ки точно что-то есть. В общем, каждый человек напоминает мне такого хомяка. Я все больше чувствую себя хомяком. А еще мне сложно быть с женщиной. Каждый раз это напоминает мне о том, что я живу, потому что мой брат умер.

— Я и эту историю про брата тоже знал. Все, что записано в детские медицинские карты, легко достать при помощи профессиональных сыщиков и какого-то количества денег.

— Ты что, шпионил за мной? — ей это явно не нравилось.

— Не шпионил. Узнавал информацию.

— Ты всегда так делал, когда у тебя появлялись девушки?

— Нет. Только если у меня были серьезные намерения.

Да, кстати, я хотел спросить, ты выйдешь за меня замуж?

— Нет, — отрезала она и засмеялась.

— Я так и думал. — улыбнулся Андрей. — Знаешь, в тот момент, когда ты с моста упала в воду, у меня в голове пронеслась картинка, которую я видел, когда мне было 10 лет. Я тогда не смог спасти маму. Я не пытался. Я просто убежал, потому что мне стало страшно. С тех пор, если мне страшно, я делаю то, чего боюсь. Тогда я боялся воды, потом я пошел на плавание. Я боялся скорости — я стал гонять. Я боялся отношений — я стал их заводить.

— А что случилось с твоей мамой? — спросила Эллочка.

— Она утонула в реке, я видел это, но от страха просто убежал. А когда я прибежал уже с людьми, ее не было. Ее тело нашли чуть дальше того места, где она утонула — унесло течение.

Он не плакал, а у Элочки наворачивались слёзы на глаза. Она обняла его, он приблизил свое лицо к ее, чтобы поцеловать.

— Фу, Андрей, я же 15 минут назад блевала.

— Ну и пусть.

Их поцелуй был долгим, жарким и страстным. А после поцелуя их ждало сплетение тел: мужского и женского —

в порыве вырваться из клетки жизни. Во время оргазма люди немного умирают, а потом воскресают для новой, уже немного измененной, жизни.

ГЛАВА 6

Петр встал на рассвете, чтобы успеть поработать в саду до жары. Хорошо, что он вчера пил совсем немного. Друзья спали на полу, укрывшись одним одеялом. Милота.

Через пару часов его занятия по прополке травы прервал Виктор, который напомнил Петру, что сегодня уже нужно начинать обучение шаманским практикам. И первое, что он ему покажет — шаманское колесо, символ круга жизни. Для ритуала он взял с собой небольшой походный бубен.

— А как же специальные шаманские наряды, разные цапки, когти медведя и все прочее? — спросил Петр.

— Это не обязательно для городских шаманов. Важнее понимать саму суть того, что ты делаешь и уметь общаться с духами. Позднее я научу тебя разным ритуалам. А сегодня будем работать с колесом.

— Прямо тут? — поинтересовался Петр.

— В принципе, городской шаман может работать в любых условиях, даже в парке или в офисе. Но все же лучше начать с более безлюдного места, которое мало посещается людьми, чтобы не путались энергопотоки. За Деревней балка есть. Отправимся туда. Пешком. Идти всего минут 40—50. Прогуляемся, я пока тебе расскажу, что мы будем делать и для чего это все. Ты ел что-нибудь?

— Только успел чаю попить. — ответил Петр.

— Ну и не надо. В голодном состоянии чище обряды получаются. Возьмем с собой воду, этого хватит.

— А ты хорошо знаешь дорогу?

— Шаман всегда дорогу найдет. Ну а если честно, все уже загуллил, — Виктор рассмеялся.

Половину пути они шли молча. Воздух плавился, Петру казалось все ненатурально зыбким и одновременно жестко-картонным. Его не покидала мысль, что он в какой-то искусственной реальности, а настоящая была где-то далеко, в другом пространстве-времени, от которого его отделяло несколько миллионов световых лет. Как будто все началось на другой Земле. На Земле ли? А сюда его забросили по ошибке. Последнюю фразу он, наверное, пробормотал вслух, потому что Виктор сказал, как бы продолжая его мысль:

— Вселенная не допускает ошибок, но она может проводить эксперименты. Мы не ведаем всей ее мудрости.

— Да уж, — процедил Петр и спросил. — А где ты бубны берешь, их же не продают в обычных музыкальных магазинах?

— Ну почему же? В некоторых продают, вот этот, с которым мы с тобой будем сегодня работать, мой походный, я купил в как раз-таки в обычном музыкальном магазине. Он меня позвал лет 10 назад. Во сне приснился, и рассказал, где его искать. Пришлось в другой город за 400 км ехать за ним. Но зато у меня теперь удобный помощник, который не занимает много места.

Из обычного пластикового пакета торчал небольшой бубен, сантиметров 40 в диаметре. Он был сделан из кожи козули и имел звонкий высокий тон.

— Он маленький, легкий, основные вибрации можно из него извлечь. — продолжил Виктор, обрадованный тем, что Петр с ним заговорил. — Правда, когда нужно пройти куда-то поглубже, он не справляется. Но с повседневными вопросами помогает отлично.

— Сейчас шаманизм является синонимом слова «шарлатанство». Как ты с этим борешься?

— А никак. Зачем мне бороться? В миру я врач, у меня профессия есть. А кому надо, и так ко мне придет как к шаману. Есть вещи, которые не видны обычным глазом.

— А что ты можешь? Как это все вообще работает? Как при помощи каких-то духов можно вылечить болезнь, например?

— Шаман, молодой человек, — это прежде всего целитель связей разного рода, маленьких и больших, человеческих и божественных, связей ума и тела, человека и природы и так далее. Мы не меняем людей, мы меняем эти связи. Те, что высохли, наполняем силой, те, что текут не туда, направляем в нужную сторону. Меняются не люди, меняются связи. Бывают в жизни ситуации, когда нужно связи не перестроить, а закрыть. Перестать туда давать свою энергию. Как у тебя с Офелией.

Петр посмотрел на него с немым вопросом. Мол, откуда ты про нее знаешь? Но спросил другое.

— А что с Офелией?

— Люди встречаются не единожды, люди могут встречаться много раз, в разных жизнях, пока не выполнят свой контракт. Вы с ней выполнили ту часть контракта, которая у вас была совместной. Отпусти ее, сынок.

Виктор посмотрел на Петра, пытаясь найти в его лице хоть какие-то эмоции. И, кажется, нашел. В глазах Петра он увидел отголоски тоски.

— Чем больше ты думаешь о ней, тем больше мешаешь себе идти вперед в выполнении своего контракта. Ей ты тоже мешаешь.

Петр с грустью сказал:

— Как будто это так просто. Человек не кукла. Тут куклу не выбросишь, а человека тем более.

— Да. Однако через преодоление мы растем. Но у тебя еще какие-то странности. Я много изучал в библиотеке ПМЖ (Пространстве Между Жизнями) контракты разных людей. А твой так и не нашел, как ни пытался. Видимо, он находится в отделе «Совершенно секретно». Это, конечно, усложняет мою помощь тебе. Но ты-то сам можешь почувствовать свой контракт при должных навыках. Понять его

тебе помогут воспоминания жизни в Шумере, потому что свидетельства жиней между Шумером и нынешней эпохой я вообще не чувствую. Обычно души людей чаще воплощаются.

— Ты и про Шумер знаешь? — удивился Петр.

— А как же, я же с тобой там не зря в библиотеке сидел.

Деревенские домики были позади, а Виктор и Петр уже шли по тропинке в поле, которая привела их к балке. Они нашли удобную поляну, где и расположились для проведения обряда. То тут, то там им встречались меловые песчаники в виде камней, некоторые из них доходили до 2—3 метров. Внизу, на правом склоне лога, имелись глыбы с остатками окаменевших деревьев. А сама поляна была усыпана цветами и луговой растительностью. Особенно привлекали к себе внимание красные маки. Красивое место. Петр не удержался и сделал несколько снимков на телефон. Виктор продолжал свой рассказ, который Петр слушал в полуха. Его больше занимало пение птиц и полевые цветы, некоторые он раньше видел только в книгах по ботанике.

— Шаманы полагают, что матрицей, определяющей структуру человеческого существа, являются не гены, а световое энергетическое поле, обволакивающее и организующее наше физическое тело. Именно поэтому мы можем говорить о том, что прошлые жизни влияют на нынешние.

— Виктор, посмотрите, мак! — Петр протянул ярко-красный цветок на длинном тонком стебле шаману.

Именно такой был в волосах Офелии, когда у них был первый секс с Петром. И именно такой цветок он видел во сне у женщины, которую принесли в жертву в Шумере.

— Знаки. Они связывают ткань времен. — сказал Виктор, рассматривая мак. — О, да тут их много. Правильное место мы с тобой выбрали. Знаки связывают прошлое, настоящее и будущее. И ритуал, который мы сейчас проведем, нужен для того, чтобы связать твои прошлые жизни, настоящие

и будущие. Хотя мне не нравится слово «прошлые», есть в этом линейность. А в божественном космосе нет прошлого, нет будущего. Возможно, мы живем параллельные жизни, возможно, еще как-то. Это науке не известно. Я предпочитаю говорить «другие жизни». Время такое дело, сынок, без наблюдателя его нет. И это энергетическое поле существовало с начала времен, и оно будет существовать вечно, переводя наше тело из одной жизни в другую. Оно определяет форму нашего тела, предопределяет то, с какими людьми мы будем встречаться, а также все кризисы и возможности на нашем пути. Другими словами, это поле задает то, что мы называем путешествием души. К сожалению, у большинства из нас сияние поля затемняется страданиями и перенесенными эмоциональными травмами. Поэтому важно отпустить травмы прошлого. Этот цветок знает как, он нам поможет.

Он положил мак на землю рядом с бубном и продолжил приготовления, создавая из подручных материалов круг, который должен был стать основой ритуала. Палкой на земле, мягкой и рыхлой, он нарисовал окружность диаметром три метра, внутри большого круга мелкими камнями выложил маленький.

— Это твой центр. Он символически будет изображать твой контракт.

— Контракт? — переспросил Петр.

— Ну цель появления твоей души в земном теле. Когда душа забывает ее, приходят разные знаки. Если и это не помогает, то к человеку подсылают духов, могут начаться болезни. Ну а в крайнем случае, если у души какой-то особенный контракт и она его забывает, посылают Служителей.

— По типу Человека в коричневом капюшоне?

— Да, он Служитель.

Шаман зажег костер в маленьком круге, огороженном камнями. На сектора большого круга он положил камни, принесенные с собой: белый положил в северной части кру-

га, в южной — красный, на востоке — желтый, на западе — черный, горный хрусталь, рубин, янтарь и агат.

— Север символизирует силу и духовную чистоту, его стихия — воздух. Юг приносит исцеление, активность, развитие идей, динамичные чувства и эмоции, и ему соответствует стихия огня. На востоке восходит солнце, поэтому восток связан с просветлением, ясностью, озарением, способностью понять то, что скрыто. Его стихия — вода. На западе — зрелость и вознаграждение, завершение и мир материальный, стихия — земля. — объяснил Виктор.

Он продолжал посвящать Петра в особенности ритуала. Говорил о том, что работа, которую им предстоит проделать, требует достаточно высокой степени эмоциональной и духовной восприимчивости. Что нужно собраться, сконцентрироваться в точке своего центра. Петр уже научился понимать значение прошлых историй, живущих в нем. Не зря же он до этого полгода ходил к психотерапевту. С прошлыми жизнями, похоже, было то же самое, только масштаб и мазки побольше. Он понимал головой, что истории, живущие в нем, истории, которые он проживает, не есть его подлинное я, оно должно быть гораздо шире. Подобно тому, как нельзя приравнивать гончара к сумме горшков, которые он слепил. Но он никак не мог заставить себя прочувствовать это. Что-то внутри него сопротивлялось обряду. От костра шел странный, дурманящий запах, этот запах не нравился Петру.

Виктор тоже чувствовал это сопротивление Петра и постоянно повторял:

— Сосредоточься, не уходи от себя, посмотри на свой центр, смотри на костер.

Петр смотрел и ничего не видел. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Звуки ударов в бубен становились все громче и громче. На счет девять он стал таким громким, почти невыносимым. Усилием воли Петр оставался стоять на месте перед огнем, жар которого обжигал его лицо.

— Выдохни, с силой выдохни, всю пустоту из себя выдохни и не останавливайся, пока я не ударю девять раз. — кричал шаман.

А бубен все звучал и звучал. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. И теперь снова.

— Смотри на огонь, сосредоточься на дыхании. Вдох и выдох, считай до девяти.

Таких подходов было ровно девять. Петр начинал ощущать головокружение и только то, что он считал внутри себя от одного до девяти и обратно, оставляло его в реальности. Бубен был сильнее его. Молодому человеку казалось, что он теряет сознание. И вот как будто кто-то подхватил его и поднял над землей, но одновременно с этим он видел все мелкие детали на поляне в балке. Особенно приковывал к себе взгляд контраст черной земли и красных маков, они переплетались, сливались друг с другом, создавая причудливый рисунок красной крови на черной земле. Битва, где воины погибали, отдавая свою жизнь за чью-то победу. Под землей Петр видел разных жучков, червячков, которые копошились в своем насекомом царстве. Корни трав, кустарников и могучих деревьев оплетали весь подземный мир, создавая сеть сообщающихся между собой живых исполинов. Деревья ожили, они словно рассказывали Петру какую-то историю о себе. Но больше всего его внимание привлекла среднего размера липа, в какой-то момент он стал этой липой. Человек почувствовал себя внутри дерева, деревом, он рос из земли и тянулся к солнцу. И уже будучи деревом Петр слышал где-то далеко голос шамана, поющего песню под звуки звенящего бубна.

Я обращаюсь к великому духу леса и
И пою песню духам севера, востока, юга
и запада.
Окружите меня светом,
Помогите сбросить свое прошлое, как весной

Лес сбрасывает снег, чтобы с радостью идти по земле.

Укажите мне путь свободы и мира.

Держите меня в своих объятьях.

Покажите мне путь преодоления смерти

Во славу матери-земли и отца-неба.

— А теперь перед тобой — слышал Петр издали голос шамана, — появится охранник времени, того пространства, которое мы называем временем. Он похож на человека с головой птицы. Посмотри ему в глаза, попроси помочь пройти дальше. Объясни, чего хочешь, пусть знает о твоих целях. Ты пришел сюда, чтобы освободиться от оков твоих ложных я, от оков твоих прошлых жизней.

Петр не видел человека с головой птицы, он увидел перед собой молодого воина древних времен, тот протягивал ему амулет, на котором была нарисована рыба.

Бубен бил все сильнее. И Петр почувствовал, как его резко что-то выбросило на землю, он физически почувствовал этот удар о твердое. Он упал. Лежа, посмотрел на костер и увидел в нем смеющееся лицо Георгия.

— «Я больше не могу. Хватит». — прокричал он.

Когда Виктор убрал следы обряда: потушил костер, засыпал его землей, сложил драгоценные камни в коробку, стер сектора — он поблагодарил духа этого места и спросил Петра:

— Что ты видел?

— Я видел землю с жучками, чувствовал себя деревом, а потом какого-то воина в древних одеждах. Он показывал мне амулет с рыбой.

— Больше ничего?

— Больше ничего. — повторил Петр. Ему не хотелось рассказывать шаману о лице смеющегося Георгия.

— Ладно, попей водички и пойдем. Завтра продолжим. Но мне нужно понять, почему ты не видел охранника времени и почему тебя выбросило из транса. Сдается мне, что-то тут нечисто.

Обратно они шли другой дорогой. Виктор сказал, что они не завершили ритуал, поэтому закрывать его нельзя. И если они пойдут домой той же дорогой, что пришли, духам это не понравится.

Через 15 минут пути они натолкнулись на археологические раскопки. Территория примерно в 500 квадратных метров была огорожена лентой. Рядом стоял вагончик, выполняющий роль временной сторожки. К ним подбежала собака, помесь дворняги и овчарки, громко залаяв. На ее лай вышел мужчина.

— Что вам тут нужно? — спросил он.

— Мы просто шли мимо. — ответил Петр.

— Там дальше дороги нет, возвращайтесь назад в Деревню так же, как вы пришли. Тут охраняемая территория. Сюда нельзя.

— А что тут? — поинтересовался Виктор.

— Что не видите? Раскопки. Археологические. Временно приостановлены, государственный музей раньше тут копал. Потом им деньги государство перестало давать, раскопки встали. Щас есть дела поважнее, чем история. Оружие и военные самолеты дорого стоят.

— А вы что тут делаете тогда? — поинтересовался Петр.

— Охраняю. Чтобы не разрушали тут. Тем более скоро опять раскопки продолжатся. Меценат появился. На свои деньги будет копать. Ему разрешение музей дал.

Петр почувствовал, как в его кармане завибрировал телефон. Достал, увидел, что это Виктор, посмотрел на него, тот сделал жест, мол, прочти. В сообщении было написано: «У мужика на брелке висит древний амулет с изображением рыбы. Такой ты видел в транс?» Петр кинул взгляд на связку ключей охранника и обомлел, именно этот предмет он видел не далее чем час назад во время обряда.

— Какой у вас красивый брелок, — обратился Виктор к охраннику, — старый, наверное.

Охранник немного замешкался.

— А вам какое дело? Это я тут нашел.

— А вы знаете, что это преступление — воровать предметы с места раскопок? — продолжал наступать шаман, смотря в упор в глаза охраннику.

— Да я че, он тут просто валялся.

— Продай его нам. — подключился Петр.

— Да ну, вы чего? Я не могу. Я не знал, что так нельзя. Убирайтесь отсюда. У меня ружье в сторожке. Убирайтесь.

Виктор взял Петра за руку и сказал, что они уже уходят. Но чтобы все остались при своих, охранник разрешит им побродить по территории. Они ничего брать не будут, только посмотрят, потому что они историки, и им это очень интересно. В свою очередь они никому не расскажут, что он присвоил вещь из раскопок. Охранник нехотя согласился.

— Да тут раскопка курганов, Петя — восхищенно прокомментировал Виктор, когда они подошли ближе.

Курганы — это не просто кучи земли, насыпанные над могилой. Курганы не насыпали, их возводили. Эти курганы когда-то были сложены из дерновых вальков — так часто делали в скифо-сарматской культуре. Под курганом могла располагаться не одна могила, а много, в некоторых находили больше сотни. В этом, скорее всего, судя по размерам, было не так много. Под курганом можно найти не только погребения, но и поминальные комплексы, культовые сооружения и площадки, где совершались разные ритуалы. Помимо функции погребально-поминального комплекса для многих культур, особенно степных, курган являлся отличным географическим ориентиром, маркером территорий. Мы до сих пор говорим: «Здесь могилы наших предков, значит, это наша земля».

Видно было, что копали вручную, лопатами, чтобы не только не упустить что-то важное, но и не повредить погребенное под землей. В нескольких местах был забит колышек, нулевой рэпер, который указывал на центр кургана. Никаких предметов, ни тем более костей или других

останков древних людей, они не обнаружили. Но место показалось Петру знакомым, хотя он раньше здесь никогда не был.

Они обошли полураскопанные курганы со всех сторон. Петр пытался понять, где он уже видел подобное, а Виктор сел на краю ямы и, закрыв глаза, что-то шептал.

— Петр, — сказал он, — это место явно имеет отношение к тому обряду, что мы сегодня проводили и что сорвался по непонятным мне причинам. Мы должны заполучить у этого мужчины вещь, которую он носит на брелке. Она нам поможет продвинуться дальше. Сейчас вернемся домой, попробуем подробнее узнать об этом месте и вещичке с рыбой. Придем сюда позже, когда будет больше информации. К тому же у меня с собой нет денег, надо вернуться сюда с ними. Он продаст.

— Хорошо, — ответил Петр.

Ему тоже было интересно, что все это значит. Уходя, Виктор спросил охранника:

— А за сколько бы ты продал вещицу с изображением рыбы на брелке?

— Ни за сколько. Я не знал, что она чего-то стоит. Уже позвонил главному. Он пришлет завтра людей из музея, я им отдам. Обещали премию выписать.

— Вот черт, — выругался Петр про себя.

Виктор сохранял невозмутимое выражение лица.

— Ну ладно. Спасибо, что показали раскопки. Было интересно.

По дороге отец с сыном разговаривали о курганах, о ямной культуре, о скифо-сарматских завоеваниях и пытались понять, как вещица с рыбой, явно другой культурной эпохи могла сюда попасть. Но чтобы что-то понять, им нужно было узнать о ней подробнее. А интернет по описанию ничего не выдавал. Возможно, если бы они ее сфотографировали и загрузили в сеть, то нашли бы что-то подобное. Но такой возможности у них не было.

Когда они добрались до дома, там был только Андрей, а Эллочка ушла в гости к своей бывшей однокласснице. Андрей по описаниям Петра зарисовал амулет. Но и по рисунку они ничего не нашли в интернете. Вернувшаяся Элеонора застала бурную дискуссию о том, что это мог быть за амулет и откуда он взялся. Она мельком взглянула на набросок Андрея. На нем был нарисован силуэт человека с бородой, на человека была надета рыба, словно плащ.

— Не знала, что ты у меня еще и художник. А что это за штука? Я видела подобную в одной из книг в нашей библиотеке, еще когда собиралась поступать на исторический факультет. Я тогда пропадала в этом книжном храме, изучая древние эпохи. Потом передумала и поступила на журналистику.

— А что это была за книга? — поинтересовался Виктор.

— Да я не помню уже. Какая-то старая 60-х годов прошлого века. Недалеко от Деревни курганы копали. А один из археологов написал потом по этим материалам книгу и подарил экземпляр нашей сельской библиотеке. Зачем вам это?

Петр и Виктор рассказали ей о своем небольшом приключении.

— О, интересно. Люблю всякие загадки, — резюмировала девушка. — Не знаю, сохранилась ли она еще. Но можно пойти посмотреть. Правда, сегодня суббота. А по субботам библиотека не работает, надо ждать понедельника.

— Боюсь, что в понедельник будет поздно. Надо попасть туда сегодня. — сказал Петр с жаром.

— Я не знаю, кто там работает и как у них сейчас все устроено. Но раньше, когда я была ребенком и почти единственным посетителем библиотеки, можно было просто прийти к тете Тане, которая в то время заведовала ею, и попросить ключ. Мне она его давала без проблем. Я папе позвоню, спрошу, кто там сейчас работает.

Эллочка позвонила отцу, узнала, что он свеж и бодр, что было удивительно, учитывая то, сколько он вчера выпил. Он также сказал, что библиотекой по-прежнему заведует тетя Таня. Но лучше дочери самой к ней сходить, чем по телефону договариваться.

Тетя Таня Эллочку узнала и дала ключ, ей было приятно, что хоть кто-то заинтересовался библиотечными книгами.

Молодые люди втроем отправились на поиски. Им предстояла непростая задача. Виктор остался дома. Ему необходимо было отдохнуть — в первый раз шаманский транс забрал у него столько сил. И об этом ему тоже нужно было подумать.

Здание библиотеки находилось возле старой заброшенной церкви, которая в советские времена была переделана под Дом культуры, но после постройки нового здания, безвкусной кирпичной коробки, старый ДК пустовал и ветшал. Библиотека тоже находилась не в лучшем состоянии. Построили ее в 50-е годы прошлого века, с тех пор в ней ничего не менялось, только иногда стены красили в серый цвет, который на фоне буйства зеленой травы и кустарников, растущих неподалеку, выглядел совсем уныло. Здание заросло сорняками, и только тонкая тропинка, усыпанная песком, выдавала то, что сюда иногда ходят. Иначе можно было подумать, что библиотека — это заброшенная постройка. Все было изношено и требовало капитального ремонта.

Внутри библиотека выглядела несколько менее уныло, но видно было, что ею особенно не занимаются и люди сюда ходят редко. Компьютера тут и в помине не было, интернета тоже. Создавалось ощущение печального увядания. Пол был сделан из обычных деревянных досок, покрытых коричневой краской, во многих местах уже облезшей. Зато росли цветы в горшках, живые комнатные цветы. Основное помещение библиотеки было поделено на три зоны: зона, где стоял стол библиотекаря, рядом ящики с каталогами, зона с партами для чтения (всего было четыре парты) и стел-

лажи с книгами. Также в библиотеке имелось подсобное помещение, заваленное какими-то тряпками и хозяйственной утварью.

Друзья не нашли здесь ни туалета, ни умывальника. На вопрос Петра, а куда же читатели и сама библиотекарь ходят по нужде, Эллочка ответила, что раньше ходили в туалет в доме культуры, а сейчас не знает.

Молодые люди прошлись вдоль стендов, оценивая предстоящую работу. Новых книг было очень мало. Основной фонд — советские издания. Только на одном стенде, самом маленьком, они увидели книги, которые были датированы 90-ми годами прошлого века и издания начала двухтысячных. Эти книги, в большей своей массе, были подарены библиотеке самими жителями Деревни.

— Да, — подытожил Петр, — видно, что гости здесь бывают не часто.

— Конечно, — отозвался Андрей, — слабая инфраструктура, дороги рядом с библиотекой в разбитом состоянии, ветхость рядом стоящих зданий, незаметность здания с главной улицы, нет интернета и компьютеров, внутри помещения ничего не организовано, чтобы создавать приятную атмосферу. Здесь прям так и веет депресняком. Все это создает неприятный имидж библиотеки. И еще: спрос и предложение не совпадают.

— Добавь сюда отсутствие интереса и поддержки властей на районном и областном уровнях. Удивительно, что она вообще работает. — подхватила Элеонора.

Андрей посмотрел на цветы.

— Видимо, все держится на энтузиазме библиотекариши. Им бы PR-компанию устроить, да дизайнера пригласить. Тут бы отбоя от жителей не было.

— Боюсь, этим никто заниматься не будет. Тут у людей до сих пор газ не проведен, дровами да углем топят. Какие уж библиотеки? — с вызовом в голосе подытожила де-вушка.

Петр и Элеонора начали исследование шкафа с исторической литературой, а Андрей ходил и рассматривал все остальное.

Многие из книг были старые, в потертых переплетах. Страницы у них пожелтели от времени, а запах печатной краски, смешавшийся с пылью, давал тот неповторимый флер, который есть у старой литературы советского периода, десятилетиями стоящей на полках. Терпкий, слегка с кислинкой запах, который ни с чем не перепутаешь. Старые книги в руки брать трепетно и немного волнительно. И когда начинаешь их листать, рассматривать черно-белые картинки, погружаешься в какое-то созерцательное состояние, немного тоскливое, но, с другой стороны, приправленное ощущением, будто нашел клад. В некоторых книгах молодые люди обнаружили самодельные закладки, сделанные из старых поздравительных открыток. А в некоторых читатели и вовсе просто загибали страницы. Элеоноре не нравилось, когда она видела, как люди загибают страницы книги. Испортить книгу — это все равно, что обидеть беззащитного котенка, который доверился тебе и полностью в твоей власти. На полях некоторых книг были сделаны заметки, на одних карандашом, на других — ручкой, шариковой, а кое-где и перьевой. Заметки на полях так не бесили, наоборот, Элеонора любила их читать — ей казалось, что она приоткрывает завесу тайны чужой жизни. Чужие тайны всегда интересны.

— О, посмотрите, что я нашел! — раздался радостный возглас Андрея.

Друзья подумали, что он обнаружил нужную им книгу археолога. Но нет. В его руках был старый экземпляр об устройстве автомобилей. На обложке значилось «Автомобили: АЗ 965А „Запорожец“, Москвич 408, Зил 111».

— Надо бы попросить у библиотечарши мне ее продать. Круто же, а?

— А может ты нам поможешь, а то мы тут так до завтрашнего утра просидим. — отреагировал Петр.

— Так-с, Элеонора, давай вспоминать, какого цвета была обложка? Как книга называлась, ну хоть одно слово?

— Да не помню я. Давай уже искать. Мы по истории всю полку прошли. Нет тут ее.

В этот момент они услышали звук захлопывающейся двери.

— Кто-то из читателей пожаловал. Неужели. — откомментировал Андрей и пошел посмотреть, кто там.

Но никого не было.

— Наверное, ветер закрыл дверь. — предположил Андрей.

— Нет. Я закрывала ее, когда мы вошли. Не помню правда, запирала ли я ее на ключ. Странно.

Они прошли по небольшой комнате библиотеки. Но нигде никого, кроме них, не было.

— Показалось, — сказал Петр.

— Но мы все втроем слышали этот звук, — настаивала Элеонора, — не могло же нам всем вместе показаться. Странно это. Ладно, давайте дальше искать.

— Вы ищите, я за водичкой в магазин схожу, пить хочется. Чего вам купить: кока-колу или минералку? — сказал Андрей.

— Нет в магазине кока-колы, я когда был, спрашивал. Ушли заводы, санкции, ты забыл? Кваса купи и минералочки.

Андрей положил книгу о старых автомобилях на стол, чтобы взять с собой, когда они пойдут отдавать ключ. И заметил, что на столе лежит еще одна книга с потертой обложкой, на которой был нарисован курган. «Амазонки и скифосарматская культура», — прочитал он на корешке.

Открыл ее. В предисловии значилось, что книга была написана профессором Федором Ивановым, на основе материалов раскопок, проводимых близ реки, на территории, примыкающей к Деревне. Начал листать и наткнулся на изображение того самого амулета, который ему описы-

вал Петр. Взял книгу в руку, подошел к друзьям, перебирающим очередную стопку старых изданий, и, хитро улыбаясь, сказал Петру:

— Петя, танцуй.

— Чего ты опять придумал? С тобой не заскучаешь, — отреагировала Эллочка.

Петр посмотрел на него. Глаза Андрея загадочно улыбались.

— Ты что-то нашел? — спросил Петр.

Андрей протянул Петру книгу, открыв ее на той странице, где нашел изображение амулета в виде человека, на которого надета большая рыба.

— Эту рыбу ты видел у того охранника? Оно?

— Точно оно! До чего ж ты везучий, Андрюшка!

Петр взял книгу в руки и начал читать.

— Вслух читай, всем же интересно, — потребовала Элеонора.

— В III — II тысячелетиях до нашей эры на смену неолиту пришел медно-каменный век. В это время на территории Восточной Европы происходит выделение пастушеских, земледельческих и охотничьих племен. В степях расселились пастушьи племена, и скотоводство здесь преобладало, но в речных долинах и поймах развилось земледелие. При раскопках, которые мы проводили с 1961-го по 1964 гг в низовье Реки, нами было обнаружено особое поселение, которое во многом отличалось от всех других, найденных в этих краях. Помимо обнаруженных нами медных орудий и большого количества орудий из камня, были выкопаны несколько странных для этого времени и места предметов, скорее характерных для шумеро-аккадской культуры: женский браслет из серебра, по размерам, скорее всего носившийся на щиколотке, медный меч, рукоятка которого была выполнена в виде рыбьей чешуи, а также предмет, который скорее всего выполнял функцию амулета. К сожалению, потом он потерялся, так как учет не был проведен должным образом.

Но мы успели заснять его на фотоаппарат. Большая загадка, как эти предметы попали на территорию степей, поскольку по всем признакам они принадлежат совершенно другой культуре, культуре, которая относится к шумеро-аккадскому периоду.

— Возможно, местное население торговало с шумерами. Но это пока не было подтверждено никакими другими историческими данными. Подробности взаимоотношений шумеро-аккадцев с народами, населявшими местные степи, нам еще предстоит узнать. Все эти вещи были найдены в курганах, ставших наследием ямной культуры, развивающейся здесь с эпохи позднего медного века. В поселении, найденном в низовье Реки, скорее всего жило воинственное племя. По многим признакам главной формой социальной организации здесь был матриархат. И есть большие основания предполагать, что именно здесь жили амазонки, совершавшие многочисленные набеги на соседние территории и явившиеся тем звеном, которое породило киммерийцев. В более поздние века киммерийцы вели опустошительные набеги на рабовладельческие страны Ближнего Востока и Малой Азии.

— Книгу берем с собой, изучаем дома. Чувствую нас ждет интересный и увлекательный вечер! — остановила чтение Элеонора.

Друзья заперли дверь библиотеки, оставив ее одну в ожидании новых читателей. Сокровищница воспоминаний и отживающего времени, заключенная в тысячах бумажных книг. Многие говорят о том, что дни книги сочтены, особенно бумажной. Из-за технологического процесса, всеобщей компьютеризации и повсеместного интернета, гаджетов и мобильных телефонов книжная жизнь переходит туда. Электронные книги, виртуальное пространство. Запах типографской краски, шелест страниц остаются за кадром. Старые, забытые книги. Книги меняются, но неизменным остается то, что они — лакмусовая бумажка культуры. Они

всегда первыми реагируют на изменения в обществе. Меняется общество — меняются книги. Некоторые лежат на полках 60 лет, пока кто-то не встретится с реальностью, корни которой теряются в прошлом. А есть такие, которые ждут своего часа и 4000 лет.

Бескрайние бугристые степи до горизонта, где-то в них теряется проселочная дорога, по которой возможно ехать только в сухую погоду, когда земля твердая, как сейчас. На дороге трясется старая копейка, внутри которой трое друзей, окна открыты, так как жарко. Кондиционера в машине нет, да и ручки, которыми нужно крутить стекло, чтобы опустить его или поднять, сломаны. В машине громко играет музыка. На удивление здесь стоит современная магнитола с блютузом. Магнитола орет песню про то, «что всем нам конец» от группы со странным названием «ПолОтца».

По телевизору болтают, что всем им конец,
Интернет вещает, что конец уже нам.
Предатели крысы бегут за кордец,
Запад тупые, гом**еки — срам.
В соседней стране нацисты, отстой.
Горцы молодцы, их князь — герой.
белосранцы хоть и мутят, усатая кокетка —
свой,
Но все накроется атомной п**дой.
Мы дружной толпою диваны толчем
И огненный гриб нам с тобой ни по чем.
А-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а

Макдональдс параша, жри и точка — ура
Кока-кола дрянь, квас навсегда,
Картошечка с салом и борщик — зэр гут.
А арбайт махт фрай, хоть Гитлер капут.
Вот жопа, дружок, а сальцо-то не наше
И борщ тоже вроде — ну значит параша.
А дед кгбшный, что в бункер засел,
По ходу он тоже на жопу присел.
Летят самолеты и танки горят,
А нам на все это, ребята, на**ать.
Мы дружной толпою диваны толчем
И огненный гриб нам с тобой ни по чем.
А-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
Нам уже никем не стать мы обречены
И железный занавес нам яйца прищемил.
Но зато мы все, мамкины дrouchны,
Поэтому нам все санкции до глубокой п**ды.
Мы дружной толпою диваны толчем
И огненный гриб нам с тобой ни по чем.
А-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а
А, а, а, а-а, а-а-а-а

— Где ты эту хрень накопал? — спрашивает Эллочка.

— А тебе не нравится? — вопросом на вопрос отвечает Андрей. — А тебе, Петр, как?

— Да я как-то о другом думаю. Правильно ли я рассчитал дозы всех ингредиентов, на глаз это делать сложно. На-

деюсь, что это снотворное нам все же не придется применять.

— Ты про бутылочку, что в бардачке? — уточнил Андрей. — Вот ты мозг!

— Слушайте, это вообще ужасно. Вы не будете усыплять охранника! — сопротивляется Эллочка.

— Только в крайнем случае, — почти соглашается Петр, — мне бы тоже этого не очень хотелось.

— В любом случае не будете, ни в крайнем, ни в каком. Вы собираетесь украсть чужую вещь, применив насилие. Это как вообще? Чем вы отличаетесь тогда от тех, против которых я борюсь? — эмоционально продолжает девушка.

— Ну слушай, — не унимается Петр, — эту вещицу он тоже украл. К тому же нам нужнее, у нас есть веские причины. Даже сам шаман разрешил.

— При всем уважении к Виктору, я вынуждена признать, что и у него этика хромает. Да и вообще, что это за отговорки: нам нужнее, он сам вор. Вы что робины гуды? Нельзя нарушать законы, а потом выходить на площадь и митинговать против нарушения.

— Так я и не митингую, — ответил Петр. — А если продолжать твои мысли, то вообще-то такое не только в нашей стране делается. Посмотри на лидеров западных стран. Разве не двулично с их стороны ездить и фоткаться с президентом Соседней Страны, поставлять ему оружие, а потом покупать у Страны газ, на деньги от которого Страна продолжит бомбить Соседнюю Страну?

Эллочка пару минут молчала, а потом резюмировала с уже раскрасневшимся лицом:

— Не надо разговаривать в духе: «они мудачки, значит, и нам можно». У меня такое ощущение, что сейчас идет мировое соревнование, кто больший мудак!

— Да хватит вам орать! — Андрей тоже перешел на повышенный тон. — Не отвлекайте меня. Я и так еле еду

на этом корыте. Сейчас сама, Эллочка, сядешь за руль и поведешь. Что ты у отца его Волгу не попросила?

— Я просила, но он сказал, что шариться по полям он нам ее не даст, и может предложить только эту копейку.

Они подъехали к сторожке около раскопок, Петр достал из бардачка деньги и пузырек с жидкостью. Молодые люди вышли, Элеонора осталась сидеть в машине.

— Короче, я в этом не участвую. Идите без меня.

Пузырек со снотворной жидкостью, завернутый в тканевую салфетку, Петр демонстративно бросил на переднее сидение. Элеонора так же нарочито вперила свой взгляд в экран мобильного телефона, делая вид, что она читает что-то значимое и увлекательное, давая таким образом понять, что она с ними не пойдет.

Андрей и Петр зашли в сторожку. Еще минут 10 Эллочка сидела, прислушиваясь к каждому звуку, исходящему оттуда. Сначала она слышала лай собаки, а потом дверь закрыли, и стало тихо.

Внутри сторожки происходил торг.

— Сколько ты хочешь за эту вещицу? — спросил охранника Петр.

— Ты тупой что ли? Я тебе вчера сказал, что я ее не продаю. Она принадлежит государству. И начальник пришлет в понедельник за нею своих людей.

— Пятьдесят тысяч, — спокойно сказал Андрей, — отсчитывая купюры на глазах охранника.

Тот смотрел с интересом, но согласия все же не дал.

— Слушай, — продолжил Андрей, — мы тебе и больше заплатим, скажи сколько. Только одна загвоздка, мне нужно съездить в Город за остальными деньгами. Давай так, мы тебе сейчас дадим 50 тысяч, оставим что-то из своих вещей, чтобы ты точно был уверен, что мы вернемся. Ты отдаешь нам амулет. А уже в понедельник, на крайняк во вторник, получаешь остальное. Сколько?

Глаза охранника забегали, но он стоял на своем.

— Не отдам. Идите отсюда. Расходились тут. Пошли вон. Друзья не сдвинулись с места.

— Ну все! Вы меня достали. — процедил мужчина.

Он вытащил из под стола охотничий карабин и взял на мушку сначала Петра, потом Андрея, переводя ее от одного к другому. Зарядил ружье.

— Уходите по добру по здорову. Пристрелю. Я сейчас шефу позвоню. Он мне дал личный номер на случай всяких эксцессов. Стоять.

Держит ружье в одной руке, пытается другой нажимать кнопки в телефоне.

— Может, вам свой дать позвонить? С кнопочного телефона неудобно. Не думал, что ими еще пользуются, — попытался пошутить Петр.

— А ты мне зубы не заговаривай. Найдут на вас управу. Господин Гергий всех вас на место поставит.

— Кто? — переспросил Андрей.

— Георгий Чаквиани.

— Что? — удивился Андрей. — Папа?

Услышанная собственная фамилия так удивила и одновременно придала смелости, что он попытался выбить ружье у охранника. Но тот был не из пугливых. Он отбросил Андрея к стене и выстрелил над его головой. Дробь разлетелась и разбила банку с малосольными огурцами, которая стояла на полке. Осколки стекла разлетелись по комнате. Друзья пригнулись, закрыв голову руками, чтобы защититься от случайного осколка.

— Лежать, суки. — в бешенстве орал охранник. — Пристрелю.

Собака истошно лаяла. Он пятился спиной к двери сторожки, держа под прицелом Андрея и Петра.

И тут друзья увидели, как резко открылась дверь, на охранника напрыгнули, сунув ему в нос тканевый платок, елозя им по всему лицу мужчины. От неожиданности он опустил ружье на пол. Но перед этим автоматически на-

жал на курок. Выстрел. Охранник попытался вырваться, но человек, запрыгнувший ему на спину, не отпускал хватку и висел на нем, пока тело мужчины не обмякло, и он не упал на пол.

— С вами все нормально? — спросила Элеонора, глядя на друзей, валяющихся на полу.

Это она уложила охранника.

— Да, — сказал Петр, — только осколком от банки немного порезался.

— А что, это ты так на йоге научилась? — спросил Андрей, вставая с пола.

На вопрос, что же заставило Элеонору изменить своим взглядам и усыпить охранника, она ответила, что услышала крики и выстрелы. И что ей еще оставалось, не могла же она бросить их в беде.

— Вести можешь?

Элеонора кинула ключи Андрею.

— Да. — Андрей потирал голову, которой он ударился об стену, когда падал на пол.

Петр в это время обшарил охранника, но амулета не нашел.

В углу забросанный какими-то тряпками стоял сейф с кодовым замком. Эллочка подошла к нему, с силой ударила по дверце, он открылся, поскольку был не заперт. Петр только присвистнул. Внутри сейфа лежал амулет, который она достала и протянула молодому человеку.

— Я все понял. Больше не буду тебя злить. — сказал Андрей.

— Вот теперь нам точно придется уезжать отсюда в Город. Тут оставаться небезопасно, — озвучил Петр то, о чем уже подумали и Андрей, и Элеонора.

Проверил, дышит ли охранник. Охранник дышал.

— Все с ним будет хорошо. Через пару часов уже проснется, но нам отсюда надо сматываться, вычислить нас будет проще простого.

Втроем они выбежали из сторожки, сели в машину. Она никак не заводилась. Небо заволокло черными тучами, хотя еще 15 минут назад было ясно и солнечно.

— Надо быстрее ехать отсюда, — сказала Эллочка, — сейчас размочит всю дорогу, и мы завязнем.

Через заднее стекло машины Петр смотрел на курганы. От этой вскопанной земли веяло тоской. На несколько секунд ему показалось, что он увидел силуэт молодой женщины, небольшого роста, но крепкой. Лица Петр не разглядел, но увидел, что она была в красочной одежде, а на ноге блестел медный браслет.

Машина заклокотала и тронулась.

Женщина смотрела вслед. Петр повернулся к друзьям, чтобы сказать им об этом. Но когда опять посмотрел в сторону курганов, там уже никого не было.

— Петр, видимо, ты переволновался. Поэтому и чудится всякое разное. А рассказы про проклятия курганов — это всего лишь сказки.

Петр смотрел на медленно удаляющиеся полураскопанные курганы. Он ощущал тревогу и одновременно ловил такое чувство, что все правильно сделал.

Вода крупными каплями, сначала редкими и скудными, потом частыми и с градом, проливалась на сухую степь.

Дождь лил, машина ехала, друзья молчали.

ГЛАВА 7

Утром в понедельник друзья вместе с Виктором возвращались в Город. Договорились, что Михаил отвезет их до ближайшей станции, где они сядут на электричку.

Но перед тем, как ехать, предстояло заняться одним важным делом — ритуалом-погружением, из-за которого они и попали в переделку с охранником. Ритуал шаман называл «единством внутреннего и внешнего». Камлал он на берегу Реки, там где Петр провел первую ночь в Деревне.

Шаман нарисовал круг, разделив его на четыре сектора и внутри — центр в виде маленького круга, куда он положил амулет с человеком-рыбой, который молодые люди забрали у охранника.

Как и в прошлый раз, когда он проводил этот обряд на поляне в балке, на каждый из секторов Виктор положил камень: желтый на востоке, красный на юге, черный на западе и белый на севере. Сектор весны, сектор лета, сектор осени и сектор зимы. В желтый сектор он попросил сесть Андрея, в красный — Элеонору, в черный сел сам с бубном, а в белом был Петр.

В этом ритуале важно было всех троих друзей отправить в параллельное пространство, пространство духа, чтобы ткань проявленного и непроявленного соединилась. Колесо являлось своего рода прокладкой, промежуточным звеном между земным миром и миром небесным. Петр не знал, попадут ли они в ПМЖ, но ему было безумно интересно получить этот опыт.

Шаман обратился к молодым людям, пока они были при памяти и не вошли в транс.

— Колесо — это карта, которая проявляет основополагающие законы и структуры нашего Земного мира. Это мост, соединяющий настоящее и прошлое. Колесо — это связующее звено. И сегодня вы, собрав вместе свою суть, проявленную и непроявленную, приведете его в действие. Помогут вам в этом воспоминания. Воспоминания о том, что явилось движущей силой всего происходящего сейчас в яви и нави, что случилось многие тысячелетия назад и что колесо раскручивает до сих пор.

Виктор начал бить в бубен, сначала тихо, потом все сильнее и сильнее. Звук отражался от воды и создавал тонкий, но мощный резонанс, проникая в тела Петра, Андрея и Элочки, растворяя их в среде времен.

— Вы ищете нечто, что разбудит вас для новой, осмысленной жизни, что позволит повернуть время вспять. Это нечто, в чем вы увидите суть вашего существования.

Амулет с изображением человека-рыбы заиграл четырьмя цветами: желтым, красным, черным и белым, ослепляя своим светом.

Люди словно становились водой, растворяясь в окружающем пространстве и времени, утекали куда-то далеко, возможно, в другие вселенные.

— Какие цвета вокруг? Как выглядит земля под ногами? На что вы опираетесь? Какие присутствуют запахи? И, наконец, кто встречает вас у врат этого мира?

Друзья стояли перед высокими коваными воротами, запертыми изнутри на большой увесистый замок. Перед воротами на той стороне стоял Человек в коричневом капюшоне.

— Приветствую, я ждал вас, — он открыл ворота и впустил путешественников.

Они шли по какому-то саду, но так как вокруг было темно, разглядеть детали не удавалось. Цикады убаюкивали своими трелями. Вдалеке показался силуэт здания.

Когда они оказались рядом, Человек в коричневом капюшоне поклонился и ушел. А по ступеням уже спускался другой человек, в балахоне. На свету стало видно, что балахон был такого же кроя, что и у человека в коричневом капюшоне, только темно-синего цвета.

— Я один из Хранителей запасника Пространства Между Жизнями. И я проведу вас к тому экспонату, ради которого вы сюда пришли. Мы, музейные Хранители, ведем учет всех экспонатов, которые по разным причинам не входят в основной фонд библиотеки, и отвечаем за их сохранность. Вещи здесь по вашим земным меркам могут храниться тысячами и даже миллионами лет.

Пока друзья шли по зданию хранилища, они встретились еще с несколькими людьми в синих балахонах с капюшонами.

— И много вас? — спросил Петр.

— Да, Смотрителей, которые носят коричневые балахоны, больше. Но и нас немало. Поддерживать экспонаты в надлежащем виде — это, конечно, не такая нервная работа, как наблюдать за живыми людьми, направлять их, посылать знаки. Но все же это тоже требует некоторых усилий. А еще нами ведется научно-исследовательская деятельность: нужно экспонат изучить, чтобы переформатировать его в голографический вид. Надо проверить, не произошло ли ошибки, когда его отправили к нам, т.е. понять, откуда он, зачем и как к нам поступил.

— Как интересно! А почему Смотритель не пошел с нами? — поинтересовался Андрей.

— В фонды не пускают никого, кроме Хранителей и нуждающихся душ, что бывает крайне редко. Обычно пользуются библиотекой. Ну и Большим, конечно, свободный доступ.

— А что именно вы здесь храните? — Элеонора.

— Мне велено показать вам только одну комнату в Историческом Отделе Хранилища. Я за него как раз и отвечаю. Остальную информацию выдавать запретили. Даже то, что вы здесь, и вам доверено посмотреть одно из пространств Исторического Отдела — уже удивительно.

На лифте они спустились в Хранилище. Человек в синем капюшоне оставил друзей одних, сказав, что в нужный момент он опять появится, чтобы проводить их к воротам.

Внутри комнаты был приглушенный свет и довольно прохладно. Везде стояли старинные сундуки с разными надписями и рисунками.

— А что дальше делать-то? — спросил Андрей.

— Подожди, давай подумаем. Что объединяет все эти сундуки? — сказала Элеонора.

— Ну они деревянные, на них что-то написано. На разных языках. На некоторых вообще не буквы, а непонятно что, — рассуждал Андрей.

Петр ходил по комнате, забитой сундуками, и пытался понять, в какой логике они расположены.

Уже через несколько минут он громко сказал друзьям:

— Смотрите. Вот сундук в углу, на нем рыба нарисована и что-то написано, наверное. Тут клинышки.

— Это шумерская клинопись, если я правильно вспоминаю картинки, которые я видела в книгах по истории Древнего мира. Хотя я могу ошибаться. — произнесла Элеонора, подходя к сундуку, около которого остановился Петр.

— Только вот как его открыть? Тут даже замка нет! — сказал Петр, ощупывая сундук со всех сторон.

— А на других сундуках другие животные нарисованы, гляньте какой бык мощный, — Андрею, как обычно, было все любопытно.

Элочка ощупывала сундук, одновременно оглядывая его со всех сторон.

— Так. Тут точно есть крышка, значит он открывается. Звук глухой — она простукивала сундук сверху, снизу, с боков.

Сундук был сделан из кедра, доски его тщательно обработаны умелым мастером и подогнаны друг к другу так, что создавалось впечатление монолитной конструкции. Обит он был металлическими медными полосами, которые образовывали клетки, соединяясь между собой. Знаки клинописи перемежались с рисунками рыбы в разных ракурсах.

Элеонора приложила ладонь с торца и в задумчивости оставила ее на несколько секунд. Комната осветилась. Девушка убрала руку — свет погас. Приложила еще раз — свет опять появился. На сундуке проступил не один, а три отпечатка ладоней.

— Петр, погляди, — она указала ему на отпечатки, — приложи руку.

Петр приложил. Это место начало переливаться светом.

— Эй, Андрей, иди сюда, — позвала она молодого человека, который замороженно смотрел на происходящее.

Когда и Андрей приложил свою руку, что-то щелкнуло и крышка открылась.

На дне сундука лежали глиняные таблички, на них были выцарапаны знаки, похожие на те, что украшали сундук с наружной стороны.

Петр взял их в руки.

«История воина Дуду, последнего из рода правителей Загессы и первого правителя Страны Великой Степи».

— Ты что, по-шумерски читаешь? — удивился Андрей.

— Не замечал за собой раньше таких способностей. Но, похоже, читаю.

Из середины верхней таблички исходил свет, который создавал разноцветную радугу. Еще через какое-то время друзья увидели голограмму, на которой стали появляться разные картинки. Слова или надписи передавались в голову молодых людей, как будто в ушах у них были наушники.

На полу округлой хижины с каменными стенами и ост-роконечным соломенным потолком сидел мальчик- подро-сток. У его ног располагался гончарный круг, на котором он неуклюже пытался лепить горшки. Раздосадованное лицо мальчика свидетельствовало о том, что выходило не очень. Он злился, бросал, но потом начинал заново. Когда в комна-ту вошел пожилой не очень трезвый мужчина в простом ба-лахоне из льна, он услышал как мальчик выругался, за что мужчина тут же отвесил ему увесистый подзатыльник.

— Дуду, выродок, опять ты портишь материалы! — про-ревел мужчина. — У тебя все валится из рук. Ты или лентяй, или глупец, который не может справиться даже с такой эле-ментарной работой!

Мальчик еле сдерживал слезы, в которых были смешаны злость и отчаяние.

— Отец, я не предназначен богами для этой работы.

Слезы подростка и его слова еще больше разозлили от-ца, так что он закричал:

— Рыдать вздумал? Я каждый день жалею, что твоя по-койная мать решилась взять тебя, дармоед!

Размахнувшись, он попытался еще раз ударить Дуду, но тот извернулся, с силой толкнул мужчину и пулей выле-тел из хижины.

Весь в слезах он бежал мимо рынка, наполненного па-латками уличных торговцев. Споткнулся, упал, не заметив корзину с фруктами, перевернул ее. Тут же к нему подбежал хозяин корзины, начал ругаться. Торговец обратился к шед-шему по своим делам сборщик податей:

— Господин, накажи этого мальчишку. Он испортил мне товар. Я исправно плачу налоги. Пусть его отец мне заплатит.

Сборщик податей оттолкнул его с презрением:

— Вы, шумеры, мерзкий народ, вечно всем недовольны. Мне некогда разбираться с такой мелочью.

Дуду, улучив момент, побежал дальше. Краем уха он слышал, как возле одной из палаток ругались покупатель и продавец.

Покупатель разгоряченно:

— Да ты же обсчитал меня, хитрец! Думал, я не замечу? А я так скажу — тебе, вместе с твоим аккадским племенем, лучше убраться отсюда подобру-поздорову!

Другие горожане проходили мимо палатки, одобрительно посмеиваясь и поддерживая покупателя.

И вот уже мальчик сидел один за городом, думая о том, что же ему делать дальше. Домой возвращаться нельзя, отец убьет его за такую дерзость. Остаться здесь, где его могут загрызть дикие животные, небезопасно. Он вспомнил, что когда убегал, то не успел снять поясную сумку, в которой обычно носил кусочек хлеба, на случай, если проголодается, и приспособления для разведения огня, чтобы не терять их, когда нужно зажечь печь, чтобы обжечь горшки, сделанные его отцом и работниками. Дуду распалил костер, вытащил из сумки маленький кусочек хлеба, съел его, высыпал крошки на ладонь, пытаясь их слизать.

Греясь у костра, он думал о том, что нужно сходить в храм, чтобы помолиться богам и попросить для себя лучшей доли, чем доля горшечника.

Вой волков заставил его засыпать костер и вернуться в город.

Ноги сами несли его в храм, подойдя к которому, он немного помедлил, раздумывая о том, не накажут ли боги за плохое поведение и достоин ли он того, чтобы что-то у них просить. Но, когда перед входом в святилище он увидел гипсовую статуэтку бога войны Нинурту, в нем прибавилось уверенности.

По стенам вокруг скользили тени от горящих свечей, а мальчик самозабвенно общался с Нинуртой и не услышал, как к нему тихо подошла немолодая женщина и села рядом. Это была жрица храма, одетая, как и подобает жрицам, в бе-

лую тогу до пят, обрамленную вышивкой из нитей, сделанных из шерсти молодых барашков.

— Кто ты, мальчик? Откуда ты пришел и где твои родители? — спросила она ласково.

Дуду, не ожидая увидеть другого человека, резко повернулся в сторону жрицы. Он был похож на затравленного волчонка.

— Мое имя Дуду. Мать моя Бити, но она умерла семь лет назад, а отца зовут Лишкур. Я сбежал из дома. Отец хотел приспособить меня к гончарному делу, но я совершенно ничего не смыслю в этих дурацких горшках. Меня намного больше привлекают настоящие дела: военное ремесло и сама война!

Жрица встала, подошла к окну храма, откуда видна была шумерская ночь. Немного помолчав, развернулась к Дуду и произнесла задумчиво:

— Вот оно как, я узнала тебя... А ведь в твоих словах больше смысла, чем ты можешь себе представить... Знаешь ли ты, Дуду, что ты из воинского рода, а твоему настоящему отцу пришлось стать воином, хотя он изначально выбирал другой путь?

Дуду ошарашено смотрит на жрицу:

— Да что ты такое говоришь?

— Неужели ты сам никогда не чувствовал, что твой отец тебе не родной? Может быть, именно потому, что он достойный человек и вырастил тебя, как своего сына. И о тебе должен кто-то заботиться. Так что возвращайся домой.

Дуду машет головой:

— Нет. Я ненавижу Лишкура!

Храмовая жрица продолжила ровным тоном:

— Он не заслуживает к себе такого отношения, Дуду. Я не удивлена, что тебя манит военное дело, хотя едва ли ты действительно станешь воином. Ведь для всех ты сын горшечника. Но если ты будешь много работать, то однажды заработаешь достаточно денег, чтобы пойти учиться воен-

ному искусству. Да, и не забывай: тебе потребуется очень дорогое военное обмундирование.

Дуду развернулся. В смятении чувств громко, почти переходя на крик:

— Часто я чувствовал, что я воин, я рожден воином. Я готов на многое ради достижения своей мечты. И уж отсутствие денег меня точно не остановит! Тем более теперь, когда я наконец-таки понял, кто я.

Жрица взяла за плечи разволновавшегося подростка, пытаюсь его успокоить, и повела к выходу из храма.

— Упорные люди вроде тебя действительно могут многого добиться. Грядет эпоха перемен, открывающая большие возможности для тех, кто готов ими воспользоваться. Но сейчас лучше вернуться домой к семье, мой мальчик.

Но Дуду не мог оставаться в доме горшечника. Нужно бежать из дома, куда-нибудь. Может, поступить в прислужники к какому-то воину?

Для начала он хотел попрощаться с мачехой, эта женщина последние семь лет заменила ему мать и была добра к нему. Когда он зашел в хижину, она толкла в миске какие-то травы. Рядом стояла люлька, в которой спал ее малыш. Увидев Дуду, прошептала, чтобы не разбудить ребенка:

— Ты вернулся?

— Не совсем, мама, я пришел, чтобы с тобой попрощаться. А что это за запах?

— Я готовлю лекарство для твоего отца. Надеюсь, оно сможет унять его боль. — продолжает еще тише. — А тебе лучше бежать отсюда как можно скорее. Отец очень зол после того, как ты толкнул его, и он неудачно упал, сломав руку. Говорит, что продаст тебя в рабство аккадцам!

Дуду обнял мачеху, она сунула ему в руку узел с едой и немного денег. Мальчик положил деньги в сумку, привязал узел к поясу и вышел из хижины.

Переночевать ему было негде, а оставаться дома он больше не мог.

Уснул он на окраине города Урук, в траве у дороги. Уже под утро, когда солнце только занималось, он проснулся от какой-то возни в кустах неподалеку. Почувствовав, что голова его лежит на земле, он поднялся. Мальчик помнил, что засыпал на своей походной сумке, которую собрала ему его мачеха, положив туда деньги. Сумки рядом не оказалось, она валялась возле кустов, но была пустой.

Выбежав на дорогу, Дуду увидел быстро удаляющийся силуэт мужчины. Юноша побежал за ним, и так как он всегда выигрывал мальчишеские соревнования на скорость и выносливость, вора он догнал без труда.

Вор, одетый в воинское снаряжение, остановился, бросил украденные вещи на землю и вытащил меч. Но ударом кулака Дуду успел сбить противника с ног. Тот упал на землю, выронив меч, который мальчик тут же схватил и, прежде чем противник поднялся, нанес ему смертельный удар.

Озираясь по сторонам, Дуду вытащил из карманов вора свои деньги, еду тот уже успел съесть. Он также снял с поверженного противника воинское облачение. Оно ему пришлось впору, поскольку, хоть ему и исполнилось всего 14 лет, но ростом он был как средний мужчина и от природы обладал мощным телосложением.

Куда ему идти, Дуду не представлял: в город возвращаться нет смысла, там его знают, начнут расспрашивать, откуда у него меч и воинское снаряжение. Кинут в тюрьму за убийство. Но а что ему оставалось делать? Если бы он не убил этого человека, тот бы убил его. Судя по снаряжению, это был аккадец, а в городе даже за вредительство аккадецев, которые занимали почти все важные должности, могли не просто посадить в тюрьму, но и казнить. Что уж говорить об убийстве с последующим ограблением?

Погруженный в свои мысли, он шел по обочине широкой дороги, ведущей из Урука в Ниппур. Меч волочился по земле, сил не хватало, и очень хотелось есть.

Примерно через час пути Дуду упал и потерял сознание.

Сколько он так пролежал, неизвестно, но пришел он в себя от того, что кто-то тряс его за плечо и поливал водой.

Мальчик открыл глаза. Перед ним стоял аккадский воину-лучник. Войско лучников считалось элитой армии Шарумкена Великого. На нем была юбка-каунакес красного цвета, а за спиной лук и колчан со стрелами.

— Эй, парень, ты жив? — спросил мужчина.

— Да... Где я, кто ты? — ответил ему мальчик.

— Я воин великого царя Шарумкена, наш лагерь на привале неподалеку. Случайно увидел тебя, лежащего у дороги, и вот решил помочь. Негоже бросать воинов на смерть вот так.

— Благодарю тебя, но что же произошло? Я совсем ничего не помню.

Дуду все прекрасно помнил, но решил от греха подальше делать вид, что он потерял память. К тому же он подумал прибавить себе пару весен, чтобы его как ребенка не отправили домой и не прознали, что воинская одежда не его.

— Пойдем, я отведу тебя. Тебе явно стоит подкрепиться, а то выглядишь-то не очень.

Дуду и мужчина-воин дошли до лагеря, который стоял неподалеку. Там Дуду получил еду, питье и немного отдохнул.

Узнав, что к ним прибыл молодой воин, который потерял сознание на дороге, в шатер, где тот спал, зашел командир военной группы. В Дуду он признал вполне годного по физическим данным кандидата в их армию, но ему показалось, что он очень молод.

— Сколько тебе лет? — спросил военачальник молодого человека, когда тот проснулся.

— 18, мой господин.

— Хапар говорит, что нашел тебя у дороги, и ты ничего не помнишь. Жаль, что ты потерял память — на вид-то ты вполне силен! Да и твоя одежда свидетельствует, что ты воин нашей, аккадской армии. У тебя есть все физические

данные для того, чтобы служить в нашем войске лучников. Давай посмотрим, как ты стреляешь.

Дуду очень хотелось присоединиться к армии лучников. И он так ненавидел своего отца, который был шумерцем, что готов был воевать на стороне аккадцев, которые уже более десяти лет правят во многих шумерских городах и своим семитским племенем потеснили истинных людей, черноголовых (так называли себя сами шумеры). Но из настоящего лука он стрелять не пробовал, хотя упражнялся из самодельного, который смастерил себе втайне от отца и прятал под полом, где хранили вещи покойных предков.

— Я не уверен, что был лучником. Но я хочу попробовать. И буду служить верой и правдой великому Шарумкenu.

Первые выстрелы Дуду не очень давались, но он довольно быстро приуверился к настоящему боевому оружию и уже через несколько попыток управлялся с ним вполне сносно и даже поражал тренировочные цели.

Под одобряющие и явно заинтересованные возгласы других мужчин он показывал себя в прямом столкновении. Благодаря своей физической силе и выносливости он справлялся очень хорошо, лихо отбивая атаки соперников и нанося удары в ответ.

— Да, парень, из тебя выйдет толк. — прокомментировал увиденное военачальник. — Оставайся служить великому Шарумкenu в моем войске.

Дуду остался в армии аккадских лучников, которая была гордостью великого Шарумкена. Это была грозная сила, превосходящая многих противников и в защите, и в нападении. Лучники мастерски пользовались не только обычными луками, некоторые из них располагали составными луками, выигрывающими по точности и дальности в у всех других. Помимо луков они владели оружием ближнего боя, таким как топоры, булавы, кинжалы, в использовании которых им тоже не было равных. Сам Шарумкен отбирал лучших из лучших в армию лучников. Он щедро

одаривал их наградами и властью, и взамен они сделали его тем великим царем, который остался в истории даже тысячелетия спустя. Они были практически непобедимы, и многие армии, видя их в бою, бросали оружие и убегали, зная, что аккадские лучники все равно возьмут верх. Именно войско лучников позволило Шарумкену одержать победу над шумерской армией. Ко всему прочему их было гораздо легче и дешевле тренировать, чем колесничих или тяжелую пехоту. Что позволило царю сделать свою армию самой многочисленной на Ближнем Востоке.

Одной из любимых тактик аккадского войска была навесная стрельба, когда многочисленные стрелы атаковали градом по кривой дуге неповоротливые шумерские фаланги и колесницы, минуя ряд щитоносцев. А когда это заставляло шумерские войска обращаться в бегство, лучники в рассыпном строю преследовали противника, поражая бегущих с поля боя шумерских воинов в спину.

Город за городом сдавались Шарумкену и его войску. В 24-м веке до н.э. он объединил под своей властью все Южное Двуречье.

Главная битва аккадского воина Дуду шумерского происхождения, которое он скрывал ото всех до конца своих дней, битва, которая изменила не только его жизнь, но и историю Шумера, состоялась через 10 лет после поступления в армию лучников Аккада.

Накануне этой битвы Шарумкен дал особый приказ: убить последнего из рода Загесси. Он уже уничтожил царя Лугальзагесси, у которого не было детей. И теперь во главе войска встал его брат, Элайя, который раньше был главным жрецом Урука, но повел в бой своих соотечественников. Шарумкен ни разу не встречался с Элайей, но боялся его. Причиной этого было то, что как-то в юности, когда Шарумкен был еще сыном простого виноградаря, одна ведунья предсказала ему, что станет он великим правителем, и раскинет его империя с севера на юг и с востока на запад, и будет

слыть он самым великим воином, которого только знал мир. Но придет время, и он бесславно умрет, сраженный последним из рода царей черноголовых. Шарумкен верил в вещи сны, знаки и предсказания.

И вот день главной битвы настал. Пустынная местность заполнилась воинами двух армий.

Дуду находился во втором ряду среди тех, кто наносил непосредственные удары противнику. Он дрался как зверь, и не было ему равных. Сначала он стрелял из лука, делая это очень умело. Пожалуй, он был одним из самых метких лучников аккадской армии. Но все же стрельба из лука несколько ограничивала и не давала войти в раж. Нужно было сконцентрироваться, а для этого требовался полнейший внутренний покой и отсутствие эмоций. Тогда в ход шел его кинжал, который подарил ему военачальник после его первого сражения. С тех пор это был талисман Дуду, не раз спасавший его и сохранявший ему жизнь. В гуще толпы он колот и резал, и в этот момент не принадлежал себе. Война — это единственное, что он мог. И он не задавал себе вопросов, зачем это ему и почему он здесь. Это был его путь.

На этот раз схватка с шумерами во главе с Элайей оказалась недолгой, а потери аккадцев были невелики. Шумеры же, потерпев неудачу, в большей своей массе обратились в бегство, бросив копья и щиты. Но большинство сбежавших постигла незавидная участь: они были убиты в спину выстрелами из лука. Когда противник был почти повержен, на передний фланг выбежал Шарумкен, заметив по отличительным царским знакам предводителя шумеров, Элайю. Он лично хотел его убить. Но тот оказался хитрее. Отвлекающим маневром он выбил из руки аккадского царя меч.

— Умри, аккадская собака, — прокричал Элайя, занося меч над Шарумкеном.

Но ему не удалось осуществить свое намерение, так как могучий воин подбежал к нему сзади и проткнул мечом. Это был Дуду.

Элайя упал, перед смертью посмотрев в лицо воина, в котором он узнал свое лицо в молодости. Поверженный жрец-предводитель прохрипел и умер, прошептав перед смертью на шумерском: «Значит, она пощадила тебя. Сбылось пророчество. Умер Шумер, умер старый мир».

Дуду все понял, он отлично знал шумерский, который был его родным языком. Он посмотрел в зеленые глаза жреца в военном обмундировании и узнал в них свои.

«Твой отец из рода великих воинов», — вспомнил он слова храмовой жрицы, которые услышал той ночью 10 лет назад, когда его жизнь круто поменялась.

Он догадался. Но он не жалел. Он хотел чтобы Шумер умер, и вместе с ним умерло бы его прошлое. Он вскинул руку с кинжалом вверх и прокричал:

— Битва окончена, великий царь одержал очередную победу, враг повержен и обращен в бегство! Да здравствует новое царство Шарумкена!

Аккадское войско ликовало.

— Как твое имя, смелый воин? — спросил царь Аккада.

— Дуду, ваше величество! — произнес тот с гордостью.

Шарумкен снял со своей шеи амулет, на котором был изображен человек-рыба Думузи и протянул Дуду.

— Пусть это сохранит тебе жизнь в следующем бою. Когда-то давно, когда я был еще обычным сыном виноградаря, я встретил странного человека, одетого в коричневый балахон с капюшоном. Он дал мне этот предмет и сказал: «Пусть это будет твоим талисманом. С сегодняшнего дня тебе будет сопутствовать удача во всем. Но когда придет время, через много лет, тебе нужно будет передать этот амулет воину, который спасет тебя в твоей главной битве. Ты узнаешь его». Сегодня настал такой день, а ты и есть тот воин, которому я должен передать это послание из прошлого.

Воин принял амулет, поцеловал его, стал на колени перед Шарумкеном и произнес:

— Я ваш преданный раб, мой господин!

На несколько секунд Дуду потерял бдительность, и один из несбежавших шумерских воинов подбежал к нему сзади с мечом, чтобы убить. Реакция Дуду была молниеносна, он обернулся и воткнул в грудь нападавшего свой меч.

Дверь открылась, и голографическая картинка свернулась в точку. Глиняные таблички перестали светиться.

— Похоже, недоработочка вышла. — сказал вошедший человек в синем балахоне. — Таблички не все, значит, были переведены в голографический вид. Надо заняться этим. А вам пора. Я провожу вас.

Он провел друзей до крыльца Хранилища, где их ждал Человек в коричневом капюшоне, который сопровождал их до ворот. Когда души людей Земли растворились в другом пространстве, Человек в коричневом капюшоне вернулся ко входу в Хранилище, где Хранитель увлеченно, с полной сосредоточенностью листал страницы на приборе «Слепки души».

— Все прошло хорошо? — спросил Человек в коричневом капюшоне.

— Да, в общем-то, без эксцессов. Дал им посмотреть ровно до того момента, на котором вы велели остановиться. Они не задавали лишних вопросов. И я не буду.

— Но вы можете задать, если хотите.

Человек в синем капюшоне немного «мялся», как будто не знал, как задать вопрос. Потом достал прибор, который считывает «слепок души», начал листать на нем виртуальные страницы.

— Может, это не мое дело. Но наши приборы автоматически считывают слепки души со входящих в хранилище. Так вот, с одной душой что-то не то. Вот у двоих всё как обычно. На приборе появилось их нынешнее земное имя, их контракт, связи в прошлых воплощениях. А у третьего нет.

— У кого из них? — спросил Человек в коричневом капюшоне.

— У того, кто сейчас имеет облик мужчины повыше со светлыми волосами и зелеными глазами. — Он показал увеличенную фотографию Петра на приборе, похожем на планшет.

— А что с ним не так?

— Тут все пусто. Я сначала подумал, что прибор сломался, но с теми двумя нормально все. Проверил несколько раз, прибор исправен.

— Это странно, — задумчиво протянул Человек в коричневом капюшоне, всматриваясь в пробелы напротив фотографии Петра. — Большие ничего об этом не говорили. Надо спросить у них. Возможно, это связано с тем заданием, для выполнения которого я затеял спецоперацию. Я с таким уже встречался несколько раз, так как давно работаю с Землей.

— Хорошо, просто хотел вам сказать об этом. До свидания! Если что, я всегда к вашим услугам.

Человек в синем капюшоне, поднимался по ступеням ко входу в Хранилище, бормоча себе под нос:

— Вот это дела. Надо еще раз приборы проверить. Что там должна быть за душа, которая смогла обмануть сканер? Первый раз с таким встречаюсь.

А друзья в это время обнаружили себя лежащими на берегу заиленной Реки, каждый на своем секторе.

Виктор бил в бубен. Все тише и тише. И наконец бубен затих.

— Вот это мы фильм посмотрели! — были первые слова Андрея. — Круто. А еще будет? Ни в одном ЗД-кинотеатре такого не увидишь! Вы что-нибудь нам объясните?

— Не сейчас. У нас еще будет время, пока мы будем ехать на электричке в Город.

Вокзал был довольно чистым, но Петра не покидало ощущение, что он попал в прошлое, которое он видел на картинках.

Виктор и трое молодых людей стояли на перроне железнодорожного вокзала маленького провинциального городишки, похожего на тысячи других на просторах нашей страны. С момента распада Союзной Страны прошло уже больше 30-ти лет, а на этом вокзале ничего не поменялось. На одной из стен была выложена мозаика с изображением рабочего и колхозницы, во многих местах уже поотваливались большие куски.

«Почему, — подумал Петр, — на картинах прошлого Союзной Страны рабочий — мужчина, а колхозница — женщина? Почему не колхозник и рабочая?» В этом ему виделось какое-то странное сравнение деревни с женщиной, города с мужчиной. Грубого и неотесанного города с уставшей и надрывной деревней.

На одной из колонн он увидел советский флаг с серпом и молотом, а рядом нарисованную черной краской букву N. Странное сочетание. Буква N также грозно смотрела на людей с плаката, на котором был изображен мужчина в военной форме, и кричала: «На наших».

— Лучше бы забор на вокзале починили, — прокомментировала Эллочка.

Ровно в 12.45 подошла электричка, окрашенная в зеленый цвет, с красными полосами по бокам, мощная и неповоротливая, с круглой мордой и длинным хвостом.

Внутри деревянные сидения, протертые, как старые дедушкины штаны. На полу пыльно, кое-где валялись бумажки из под конфет, в проходе — пустая пластиковая бутылка. Сидения были грязными, и понятно, почему. На одной из лавочек воцарилась на двух местах толстая женщина, закинув ноги с обувью на сиденье напротив. Так делала

не только она. Тут это было обычным явлением. Поэтому Эллочка брезгливо протерла места, где они собирались расположиться, влажными салфетками.

Пока они ехали, Петр смотрел в окно, мысленно соединяясь с бескрайними полями, засеянные злаками, кукурузой, горохом и подсолнечником.

А Виктор рассказывал, как наука может объяснить то, где друзья вчера побывали.

— Вы вчера были в ПМЖ, это, собственно говоря, другой мир, не Вселенная, а именно мир.

— Он что, существует с нами параллельно? — любопытствовал Андрей.

— «Параллельно» — не совсем удачное здесь слово. Вы про теорию струн слышали?

— Да, что-то читала, — отозвалась Эллочка, — но в общем не особо поняла, кроме того, что эту теорию нельзя доказать, но и опровергнуть ее тоже нельзя.

— Да, но из доступных на сегодняшний день объяснений Пространства Между Жизнями — эта, на мой взгляд, наиболее подходящая. — продолжил Виктор. — Хотя, наверное, мозгом понять это невозможно. Но я стараюсь. Все сущее, вероятно, делится в такой иерархии: макромир, молекулы, атомы, субатомный уровень (электроны, протоны, нейтроны), кварки. А есть еще струны. Сечение струн примерно равно 10 в минус 33 степени метра.

— Иными словами, они капец какие маленькие! — отреагировал Андрей.

— Да, пока их не удастся увидеть ни самих по себе, ни даже их проявление в экспериментах из-за ограничения регистрирующей техники. У ученых еще все впереди. А мы, шаманы, уже давно научились этому.

— Вам, наверное, грибы помогают, — пошутил Петр.

Все рассмеялись.

— Грибы сами по себе не помогают, но могут поспособствовать. Дело не в грибах, а в умении впадать в определен-

ное состояние сознания, когда видно другие реальности. Буддисты называют это нирваной, шаманы трипом.

— О, смотрите, Большая Река! — сказала Эллочка, показывая в окно! — Да, она намного больше Реки.

По полупустому вагону проплыла, как баржа, контролер.

На следующей станции зашла совсем ветхая бабуля, села на лавку и почти сразу же уснула. Через 15 минут контролер разбудила ее и попросила предъявить посадочный талон.

— Предъявите билетик, бабуля, не задерживайте.

Та ответила, смотря в упор.

— Мне 93 года, я не буду платить.

— А мне 53, и у меня работа — проверять билеты. Показывайте или я вас высажу на следующей станции.

— Я к внукам еду, нельзя мне на следующей станции.

— Где ваш билет?! — заводилась контролер.

— Я ветеран труда, у меня бесплатный проезд.

— Показывайте свое ветеранское удостоверение или талон на посадку, а то я вызову полицию! — не унималась контролер.

Бабуля копошится в сумке и с досадой в голосе сообщает:

— Нету. Видимо, дома забыла.

Люди начали оборачиваться. Но все молчали.

— Слушайте, давайте мы за нее заплатим, — вмешалась Эллочка.

— Нет. Так нельзя. Билеты нужно покупать заранее, здесь нельзя заплатить. — отрезала женщина с задних рядов.

Эллочка все же сует деньги контролеру.

— Ты че дура? На электричках не ездила? — заорала тетка. — Говорят же тебе, нельзя на месте платить. Ты мне сейчас взятку предлагаешь, а я, между прочим, государством уполномочена за порядком следить. Убери свои деньги.

— Ну надо же как-то эту ситуацию решить. Нельзя же вот так. — не унималась Элеонора. — Ну она же старенькая. Как вам не стыдно!

— А ты кто такая, что мне рассказываешь о стыде?! Сиди и молчи, я работаю! Это моя работа — билеты проверять! А то сейчас и тебя в полицию отправлю за то, что мешаешь!

— Дорогая мадемуазель, — подхватила бабуля, — ну нельзя же так нервничать на работе. У вас, наверное, давление по вечерам 180/120.

Тетка с согласием кивнула. А бабуля продолжила:

— Так вот, я вам сейчас покажу удостоверение ветерана труда. Оказывается оно было у меня в кармане рубашки. Там черным по белому написано, что проезд на электричках у меня бесплатный. А вы извинитесь перед девушкой, да и передо мной тоже стоило бы.

— За что? — удивилась тетка.

— Ее вы дурой обозвали, полицией пугали, на меня тоже кричали. Не годится так на рабочем месте себя вести. Да и нервам спокойнее, если вы потише вести себя будете.

Старушка достала из кармана удостоверение, показала контролерше и добавила:

— А георгиевскую ленточку, которую ты скрутила в виде буквы N и прилепила себя на грудь, сними, не позорься. Твой дед не за то воевал!

— Да ну вас! Умные все какие! — психанула контролер и ушла в другой вагон.

Поезд проезжал через поле, на котором креативный комбайнер решил проявить творчество и патриотизм в одном флаконе, выстригая из пшеницы символы N.

— Это так президент одной страны решил прославить президента другой. — громко откомментировала 93-летняя старушка увиденное за окном. — Всю войну ему посвятил.

На старушку посматривали, перешептываясь.

А Виктор, как аудиокнига, прослушивание которой остановили, а потом опять возобновили, продолжил:

— Так вот, друзья, струны одномерны, имеют только свойство длины, причем это не константа, а предел, стремя-

щийся к бесконечности. Струны тянутся из ниоткуда в никуда и повсюду одновременно.

— Ну допустим, — подхватил Андрей, — как это объясняет то кино, в котором мы поучаствовали?

— Ну смотри. В некоторых местах пучки струн как бы запутываются, сплетаясь в узлы. Это места потенциально очень больших энергий и плотности, что может провоцировать взрывы, вроде Большого взрыва, который и образует миры. Вот мы едем в электричке и являемся частью нашего мира, с законами, гравитацией, $E = mc^2$, и так далее. Вы были в другом мире, в котором другие законы. Эти миры могут пересекаться. Нужно только уметь это обнаруживать. Взрывы создают Вселенные-пузыри, которые рождаются, живут и схлопываются обратно. В этих Вселенных появляется понятие времени, которое напрямую связано с их искривлением из-за гравитации объектов внутри. Этот момент не так легко понять чувственно. Как гроздья винограда, короче.

Электричка замедлилась.

— О, гуси, гляньте их сколько! — Петр неплохо знал теорию струн. А вот гусей он видел крайне редко.

— Насколько эти Вселенные похожи друг на друга — никто не знает, — подхватил Петр лекцию Виктора, — так как нам доступна для наблюдения только 1 из них. Угадай, какая? Ничего не ясно: возможно ли это вообще в принципе, как в других Вселенных идет время, какие вещества там есть, какая там субатомная и атомная структура. Непонятно от слова «СОВСЕМ»!

— Еще раз произнесешь «от слова совсем», я тебе врежу. — сказала Элеонора — Это не только безграмотно, но и просто отвратительно, не пойму, почему это выражение стало таким модным. Закончить фразу вот этим «от слова совсем» сегодня просто вирус какой-то. А про наблюдателя интересно. Кто он, этот наблюдатель? Может, это и есть Бог?

Поезд ехал по рельсам, мимо него навстречу летел другой, внутри поездов сидели люди, ели, пили, разговаривали и наблюдали.

ГЛАВА 8

В Городе стартовал Международный Экономический Форум. Ожидалось много гостей. Георгий долго добивался того, чтобы этот форум проводили именно в его Городе. Это стоило ему не только миллиардов, заботливо отправленных в карманы чиновников разного ранга, но и большого умения общаться с людьми. В конце концов все делали то, что он хотел — Георгий обладал огромным даром убеждения. Конечно, затраты на проведение подобных мероприятий никогда не окупались, но и не для того эти форумы были предназначены. В прошлые годы они затевались, чтобы завести знакомства, которые могут принести новые большие деньги или подтвердить старые связи, дабы не оказаться в немилости у Светлоликого (так называли главу государства за глаза, чтобы не упоминать его имя всуе) или его близкого окружения.

Этот форум отличался от предыдущих и собран был по привычке, чтобы присутствующие сильные мира сего и те, кто хотел ему принадлежать, друг перед другом могли сделать вид, что все идет по плану и они достигают своих целей. Только никто ничьих целей не понимал.

Помимо двух основных дней, в которые планировалось не только провести важное пленарное заседание под руководством самого Светлоликого, но и заключить миллиардные контракты с парой южных стран и одной восточной (само собой разумеется, не они нам, а мы им — в счет политической поддержки), был запланирован день-знаком-

ство, чтобы гости смогли в непринужденной обстановке выпить дорогого шампанского и выгулять свои туфли и сумки от известных брендов.

Если ты в состоянии выложить почти миллион за входной билет, то уж выглядеть нужно соответственно. Или имеешь папу, а на худой конец (хотя, может быть, и не на худой) папика, который тебя проведет с собой. Тогда ты просто обязана продемонстрировать свой статус сумочкой от Louis Vuitton, Furla или от Saint Laurent. А сумочка, она, как известно, не просто предмет гардероба, она демонстрирует, насколько крута твоя вагина, об этом еще старина Фрейд говорил. Мол, «посмотрите, какая у меня огромная вагина, туда все помещается, я хозяйственная», или «а у меня маленькая и аккуратненькая, но очень строгая», «а у меня пестрая и яркая».

И правда, не может же такой приличный человек, как руководитель известного и патриотичного банка, вести под руку дешевую вагину «No name». Он же не какой-то там комбайнер из Деревни, у которого жена с холщовой сумкой за хлебом ходит.

Андрей, которого отец заявил как участника и на которого возлагал большие надежды как на символ молодого поколения, соединяющего в себе истинный патриотизм и новаторство строящегося миропорядка, обратил внимание не только на сумки, но и на высокие каблуки, в которых он видел символ женской агрессии. Чем длиннее шпилька, тем больше скрытой агрессии у женщины на тот мужской мир, перед которым она не может ее открыто продемонстрировать. Кроссовки гораздо удобнее. Но, похоже, здесь было не место удобству. Такого количества женских шпилек, уродующих ноги и превращающих женщин в русалок, Андрей никогда не видел.

Но все же и сюда пробрались несознательные элементы в женском облики, а может, это была осознанная провокация, которую, кажется, кроме него никто не заметил. На ка-

кой-то женщине он заметил кроссовки, на одном из которых была половинка флага Соседней Страны, а на другом — вторая половинка.

Мужчинам же осталась небольшая дизайнерская радость — понтоваться своими запонками. И тут Георгий был на высоте, его запонки попали во все модные газеты и журналы Страны, потому что сделаны они были из какого-то особого наноматериала, и по всей округности на них красовалась буква N.

Форум был нарочито пышен, мнимо технологичен и дурновкусен.

Символом всего этого стал робот «Машенька», сконструированный на одном из заводов высоких технологий. Правда, начинка «Машеньки» была частично восточная, частично западная — словом, вражеская, но зато имя было русское и дизайн тоже. Это была белокурая девушка «шарманте» в розовом платье в горошек, с бюстом 5-го размера и силиконовыми пухлыми губами. Похожих кукол Андрей видел на сайтах, торгующих порно-товарами, вот только они, не в пример Машеньке, не подрабатывали в буфете.

Вообще буфетчиц Андрей представлял себе по-другому: это скорее женщина лет 50-ти с мощной спиной и пышными не только грудями, но и всеми остальными частями тела. Робот Машенька, в отличие от стандартной буфетчицы, которая недовольно орет «следующий», «не задерживайте», «вас много, а я одна», приветствовала гостей мило и даже немного заигрывающе, делала им комплименты, покачивая ручками в белых перчатках.

Гораздо больше, чем Машенька, Андрея привлекла танцующая «Соль», изображающая ту самую коробку с цветком, которую знает каждый странец. Раньше это могла быть «Соль», а могла быть «Сіль», но с некоторого времени пользоваться «Сілью» стало непатриотично. «Соль» тоже была роботом: она махала ручками, танцевала и производила различные движения. Также она предлагала сыграть в вик-

торину на тему истории Родины, и ответившим на несложные вопросы из школьного курса за 7-й класс давала в подарок упаковку настоящей соли. Петр поучаствовал в такой, за что был награжден пачкой незаменимого на кухне продукта.

На форум съехались люди с разных регионов страны. С зарубежными гостями было не так густо, некоторые из восточных и южных стран прислали не первых, и даже не вторых, а третьих лиц, вроде министров транспорта и заместителей глав по образованию. Другие выступали только онлайн на большом экране. Представителей Запада не было ни в каком виде. Хотя Светлолицкий много раз подчеркивал, что мы ни от кого не закрываемся, это они ставят железный занавес, лишь бы он им чего не прищемил.

Ну и какая разница, что Запада не было? Кому они интересны со своими вонючим инвестициями? Зато был глава недавно признанной (правда, мало кем) Соседней Народной Республики, готовящейся входить в состав Страны, Иван Душилин, который в своем дорогом костюме был похож на бобра, выловленного на запруде и без спроса переодетого. Он и открыл форум, выстрелив из пушки и подписав с главой области соседней территории меморандум о сотрудничестве. Андрею больше всего запомнилось то, что он очень вдохновенно рассказывал, как и когда лучше расстрелять иностранных наемников армии Соседней Страны.

Еще одним высоким гостем, вернее гостями, были представители Нового Восточного Государства, которое вроде бы еще было запрещено, что не помешало приглашению их на форум. Они не очень охотно общались с прессой и чувствовали себя неуютно. Видно было, что это их первое в жизни мероприятие подобного уровня. Они были похожи на девушек из бедного дворянства 19-го века, которых позвали по непонятным им причинам на столичный бал. Танцевать они не умели, а их наряды, прекрасные в своей среде, вызвали умиление и ощущение чего-то неуместного.

Шуткам журналистов не было конца, что, разумеется, не очень хорошо. Сотрудник посольства Восточного Государства говорил на ломаном международном языке с явным раздражением («мы приехали для бизнеса») и демонстрировал свой портфель, мол «там не оружие, там деньги». И добавлял: «Вопросы бизнес — да. Нет политика».

И если бы у Андрея спросили, о чем были эти два с половиной дня, он бы ответил: о сюрреализме и пире во время чумы.

Президент, как всегда, говорил о новых принципах странной экономики, о том, что война и санкции тут не при чем. И мы строим многополярный мир. Это была самая долгая речь из всех, и, в общем-то, не очень содержательная.

Главный Большой Страны На Востоке с экрана делился конфуцианской мудростью и о говорил том, что Большая Страна на Востоке и Страна выдержат те испытания, которые приносит им судьба.

Пленарное заседание длилось четыре часа, но уже после третьего часа люди начали уходить из зала.

Ключевым для Андрея моментом, конечно, была его собственная речь, написанная отцовским секретарем и досконально самим Георгием проверенная. Она должна была стать настоящим фурором, флагманом движения корабля российского общества.

Андрей долго сопротивлялся, но сдался, потому что отец пригрозил лишить его материального обеспечения. Слаб человек. Что не сделаешь ради безлимитной карточки и доступа ко всему, что нужно: еде, жилью, интернету?

Андрей надеялся, что Эллочка и Петр не увидят его выступления на форуме, но он ошибался. Эллочка слушала каждое слово, прилипнув к телевизору и матерясь, а Петр не так внимательно, но основную мысль понял. И весьма удивился: он не ожидал от друга такой прыти в защите странной армии

Андрей начал как-то неуверенно и сконфуженно, как будто вспоминая каждое слово.

— В общем-то экономический форум не предполагает того, о чем я хочу сказать, но мы понимаем, что социально-политические условия всегда влияют на то, что происходит в экономике, и я как человек, имеющий экономическое образование и практику в одном из передовых научно-исследовательских институтов страны, хочу все же поднять эту тему. Я знаю, нас смотрит много людей. И моя речь обращена к тем, кто не понимает важности происходящего по ту линию фронта.

На него с удивлением посмотрели. Андрей понял, что оговорился и исправился.

— Ой, простите, на нашей линии фронта, где идут настоящие бои и где наши страные солдаты защищают нашу Родину, чтобы мы с вами могли спокойно есть, спать и развивать нашу экономику. Я хочу, чтобы мои соотечественники, особенно те, кто смотрит на эту войну как на ошибку, или, что еще хуже, как на вредительство своему народу, наконец поняли, что это не так. Что это единственная из возможных мер, которую и предпринял наш президент. И если бы не это, то не было бы сейчас никакого экономического форума, да и Города в том виде, в котором он сейчас есть, не было бы.

Андрей понимал, что говорит без пафоса, как того просил отец, но ему сложно было выдавать из себя фальшивые эмоции. Он посмотрел на отца, тот одобрительно кивнул.

— Я хочу рассказать о том, что понимаю я как представитель молодого поколения, которое будет развивать нашу страну, делая ее великой и мощной!

Эллочка, сидя в квартире перед компьютером, который в прямом эфире вещал происходящее на форуме, просто не могла поверить своим ушам.

— Вы живете в своих домах, в своих квартирах. Хорошо спите по ночам. А параллельно с вашим благополучием совершается спецоперация. Специальная операция, осуществляемая для вас и ради вас! Вы можете наслаждаться своим

утренним кофе или общением с детьми только потому, что наша доблестная армия по приказу Верховного Главнокомандующего ударила на опережение! Если бы этого опережения не было, сейчас бы наши, а не города Соседней Страны были разрушены. Если бандиты, которые называют себя армией Соседней Страны, не шадят даже свой народ, бьют по жилым домам, школам и больницам, то пощадили ли бы они вас, странных людей, которых они ненавидят? Если бы странная армия не ударила на опережение, то народ Соседней Народной Республики вырезали бы за несколько суток, а потом бы пришел черед регионов нашей Страны, и нашего Города в частности.

— Господи, что он несет! — произнесла Эллочка. — Чем его там обкурили?

Она хотела выключить телевизор, но решила послушать, что он еще скажет.

А Андрей продолжал рассказывать выученный им текст. Можно было подглядывать в листочек, это облегчало задание.

— Доподлинно известно, что бригада «Азак», которая якобы защищала Приморский Промышленный Город, была натренирована не на его защиту, а на нападение на наш Город в феврале. А в марте должна была быть начата зачистка других городов Страны. И все это делалось для того, чтобы развернуть базы коллективного Запада на территории Страны, чтобы погубить ее. Мы всегда им стояли поперек горла. Нас надо было уничтожить. Но это не получилось у Гитлера в 41-м, не получится и у западных лидеров в 20?? -м.

Андрея физически начинало подташнивать от того, что он говорил. Но он из последних сил продолжал.

— И самое страшное — это ядерная атака, которая готовилась по плану наших бывших западных друзей, который хотели нас уничтожить в 90-х, но у них ничего не вышло. И все благодаря нашему президенту, который вовремя взял верный курс для нашей державы. Все так называемые либе-

ралы, которые не понимают, что они могут что-то говорить и вообще живы, потому что руководство страны их спасло! И они, расслабляясь сейчас в своих заграницах, клянут нашего президента и наши власти, не понимая, что их жизнь не их заслуга, а заслуга нашего мудрого и сильного, не боящегося пойти против всех, лидера.

В зале одобрительно кивали. А Андрей, видя, что ему нужно рассказывать еще больше половины текста, начинал терять силы. Ему физически становилось плохо. С каждым словом он как будто отдавал каплю своей крови. И этих капель собралось столько, что он начал понимать, что теряет сознание. Не договорив свою патетическую речь, молодой человек упал в обморок.

Ведущая форума, некрасивая, но явно довольная собой дама средних лет, похожая на ошипанную птицу, сидящую на шесте и нахохлившуюся от мороза, быстро нашлась и откомментировала случившееся тонким неприятным голосом:

— У нашего дорогого гостя, Андрея Чавиани, так много чувств, что он буквально лишился их! Вот такие нынче эмоциональные молодые люди! А теперь мы продолжим. И на сцену для интервью выйдет известный певец, шоумен, которого вы все знаете и обожаете. Но сегодня он выступит в качестве инвестора будущего масштабного строительного объекта, в котором будет реализоваться правительственная программа по воспитанию молодежи «Поколение N».

Камера показывала гостей и ведущую, пока Андрея не унесли со сцены.

В это время Петр решил прибраться в квартире Андрея, который любезно пригласил его к себе пожить. Уборка — это как очищение мозгов, поэтому Петр проводил ее редко, но основательно.

Когда он протирал книжную полку, на которой вместо книг стояли разные глиняные статуэтки, полка не выдержала такой любви к чистоте, и то ли под весом фигурок, то ли потому, что саморезы, на которых она держалась, были плохо прикручены, упала. Статуэтки упали, при соприкосновении с полом потеряв свои конечности, а Петр громко выругался. Нужно было прицепить полку обратно. Он набрал Андрея, чтобы спросить, где у него лежат инструменты. Но тот трубку не взял, так как выступал с речью в прямом эфире на форуме и выключил свой мобильный.

Полку нельзя было оставить висеть на одном саморезе, поэтому Петр снял ее со стены и начал искать инструменты. Интересно, есть ли у Андрея дрель? Сам Петр обычно держал инструменты в кладовке, поэтому предположил, что у друга они тоже там. Дрели в кладовке Петр не нашел, но нашел кое-что поинтересней. Вначале он даже не понял, что это за коллекция женских вещей. Но, рассматривая их, до него кое-что начало доходить.

В кладовке он нашел большой ящик, который стоял на нижнем ярусе и занимал пространство размером с письменный стол. Плюс квартир новых планировок в том, что там можно устроить большие кладовые, не то что в пятиэтажке, в которой жил Петр с мамой. Там вся кладовка такого размера, как тут нижний ярус.

В ящике были сложены коробочки, на крышке каждой из которых красовалась фотография той или иной обнаженной женщины. Внутри коробочек лежали женские вещи: заколки, трусы, губная помада, клатч и другие аксессуары. Петр открывал коробочки, рассматривал, и недоумевал, что это вообще такое.

Примерно на пятой до него начало доходить, что это вещи женщин, с которыми спал Андрей. Петр подглядывал за чужой интимной жизнью, делая это почти автоматически, не задавая себе вопросов, насколько это этично.

Он ахнул, когда среди многочисленных коробок нашел фото обнаженной Офелии. Его Офелии! Он машинально мял в руке засохший красный мак и бюстгальтер-минимайзер 5-го размера. Это точно были вещи Офелии, сомнений быть не могло. Ее он видел именно в этом бюстгальтере, когда они в первый раз занимались сексом. Он запомнил этот уродливый телесно-коричневый цвет и полное отсутствие каких-то украшений или рюшей. Офелия потом говорила, что красивое белье не бывает удобным. А ей красоты хватает и на работе. В обычной жизни она предпочитает удобство.

Петр еще раз попробовал позвонить Андрею, но тот по-прежнему не брал трубку. «Черт, надо, чтобы он мне это все объяснил! Он по ходу немного того! И Офелия! Он и с ней спал! Как она могла? Как он мог?» — мысли роем крутились у него в голове. Ему было очень неприятно обнаружить эту сторону друга. Не только потому, что тот спал с женщиной, которая мало того, что была любовницей его товарища, но и встречалась с его отцом! А Офелия? Хороша же! О мертвых нельзя говорить плохо, да и бог ей судья! Но зачем?

Саморезы он так и не нашел.

Не дозвонившись Андрею, подумал, а не позвонить ли Эллочке. Рассказывать о своей находке он ей не собирался, но у него появилась потребность с кем-то поговорить сейчас. Он ей позвонил, она взяла трубку, но сказала, что некогда, и что сама перезвонит Петру, как освободится.

— Пилик, пилик — пришло сообщение на телефон.

«Ваши анализы из лаборатории «Gen-» готовы. Вы можете просмотреть их на своей почте».

Петр уже и забыл, что незадолго до того, как Офелия умерла, он сдавал генетические анализы, как и все из их отдела. Не ожидая ничего особенного, он открыл почту, перешел в личный кабинет и не поверил своим глазам. В разделе «Ваше происхождение» он увидел весьма странную вещь.

То, что касается происхождения по маме, было вполне предсказуемым. На страничке с картинками и с линиями миграций предков он прочел небольшой текст.

Вы произошли от женщин из Закавказья. Ваша гаплогруппа (группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками (обычно — однонуклеотидный полиморфизм) по женской линии H4a. Гаплогруппа возникла во время последнего Ледникового максимума. Древнейшие образцы останков представителей этой гаплогруппы в Европе были найдены в пещере Пальиччи (Италия). Это свидетельствует о том, что представители данной гаплогруппы мигрировали в Европу во времена Граветтской культуры в период активной миграции первобытных людей из Средней Азии в Европу. Предполагается, что предками представителей гаплогруппы HV были охотники-собиратели, однако она также встречается в образцах останков земледельцев времен неолита на Ближнем Востоке (Сирия) и в Европе. Также с умеренной частотой данная гаплогруппа распространена среди останков представителей культуры Линейно-ленточной керамики и Трипольской культуры. В настоящее время гаплогруппа HV встречается с частотами от 4% до 9% в большинстве стран Ближнего Востока. Самая высокая частота наблюдается в Ираке и Курдистане (9%), а также среди даргинцев (9%) Дагестана, на северо-востоке Кавказа.

У вас две гаплогруппы по отцу: I2a1b и J2a1.

Ваша гаплогруппа по отцу I2a1b.

Гаплогруппа I очень древняя. Она образовалась более 40 тысяч лет назад в Европе или в Малой Азии. Примерно 27 тысяч лет назад гаплогруппа I разошлась на I2 и I1. Обитала она там довольно долго, пока Европу не начала завоевывать культура колоколовидных кубков (гаплогруппа R1b), которая активно заселяла Европу. После прихода с Пиреней носителей гаплогруппы R1b, остатки I1 и I2, тех, кому уда-

лось выжить, бежали в разные стороны и окончательно разделились. И бутылочное горлышко восстановления популяции проходили по отдельности. Это означает, что выжили немногие, и выжившим пришлось начинать свои ДНК-линии заново. Гаплогруппа I2a из Европы исчезла, как и почти все гаплогруппы «Старой Европы», при быстром заселении Европы эрбинами (гаплогруппы R1b). Кто бежал, оказались на Русской равнине, в Малой Азии, на Балканах, Дунае. Общий предок современных носителей гаплогруппы I2a жил всего 2200 лет назад, в конце прошлой эры. Это был общий предок современных славян гаплогруппы I2a. Конечно, через несколько веков численность их увеличилась, они образовали первое славянское государство, которое и возникло на Дунае. О них, видимо, и писала «Повесть временных лет», ведущая происхождение славян с Балкан. Однако носители I2a составляют не более 17% современных славян. А среди этнических русских их порядка 11%. Базовый гаплотип I2 называют по названию Динарских Альп в Адриатике — «динарским субкладом». Здесь находятся территории наибольшей частоты носителей данного субклада. Видимо, это был регион прохождения бутылочного горлышка субклада I2. Ясно, что сегодня I2a — это типичная южнославянская группа.

В разделе происхождения по отцу числилась еще одна статья.

Ваша гаплогруппа по отцу J2a1-M1727.

Гаплогруппа J2 зародилась примерно 18000 лет назад на Ближнем Востоке и затем распространилась на Балканы и в район Средиземноморья. В центральную и восточную Европу представители гаплогруппы J2 могли прибыть с одной из нескольких миграционных волн из Анатолии, частично с греками, древними македонцами (предками сегодняшних македонцев) финикийцами. Примерно половина всех J2 не принадлежат ни к одной из известных подгрупп, и они классифицируются как J2*.

А пока для таких J2* предполагается, что их давние предки по мужской линии являлись частью неолитической культуры Плодородного Полумесяца приблизительно 8000 лет назад. Так как фермеры имели излишки продовольствия, в их семьях было больше детей, чем у их соседей-охотников. Большое количество населения подразумевало нужду в расширении земли для обработки. Таким образом постепенно, в течение столетий, фермеры продвигались, занимая всё новые территории.

Петр прочитал все еще раз. Получается у него что, два отца? Может это какая-то ошибка? Завтра он, конечно, сам пойдет в отдел обработки информации и все узнает. А пока он листал дальше страницы сайта.

Раздел ваши родственники.

Первым на этой странице был Андрей Чавиани, который значился как «возможно, дядя или двоюродный брат». Петр посмотрел научные данные: 14 процентов общих генов, 1200 общих сантиморганид. В отличие от двух отцов, научно это можно еще как-то объяснить. Хотя, насколько он знал, у родителей Андрея не было братьев. Но Y-хромосома с разными гаплотипами — это не то чтобы странно, это вообще не понятно как возможно. В любом случае, если в тестах нет никакой ошибки, они с Андреем близкие родственники и, скорее всего, с его отцом. Это стоит с ним обсудить. Но для начала надо поговорить с мамой и наконец вытрясти из нее правду.

Он набрал маму. Та сразу взяла трубку:

— Сынок, я ждала, когда ты позвонишь. У тебя все нормально?

— Да, мама. Но нам нужно решить вопрос о моем отце. Я должен узнать всю правду. Буду через 30 минут.

Он положил трубку, взял сумку с собранными вещами и вышел.

Андрею хотел дозвониться не только Петр, но и Эллочка. Она должна была высказать все, что думает о его речи на экономическом форуме! Но он не брал трубку. И тогда она написала длинное письмо в Telegram.

«Социально-политические условия, несомненно, влияют на то, что происходит в экономике. И ты, Андрюша, как человек имеющий экономическое образование и красный диплом должен понимать, какие, хотя бы приблизительно. Важности происходящего действительно многие не понимают. Но это потому, что мы привыкли жить по принципу «моя хата с краю». Нас приучали целых 70 лет, потом был небольшой перерыв, который сделал только хуже. И вот последние 20 лет продолжили традиции старой программы, где ты маленький человек, который не творит историю, а подчиняется ей.

А теперь по фактам.

Утром, на рассвете, без объявления войны одно государство вторглось на территорию другого, пока все спали. И начало бомбить города. Когда кто-то нападает на кого-то — это не защита, это агрессия. И да, ты прав, это не было ошибкой. Это было четко спланированное коварное разрушающее решение, направленное на уничтожение жителей не только одной страны, но и другой, которой властный и жестокий лидер управляет. Один лидер, один народ. Ты прав, что это была единственная возможная мера для фюрера (fuhren — вести, руководить по-немецки), так как без войны его власть постепенно бы сошла на нет. Старой власти перед смертью нужно много крови. И за ценой она не постоит. Цена — это не только отправленная в мусорную трубу экономика, так как связи с другими странами нарушены, ведь никто не хочет сотрудничать с сумасшедшим фюрером. Другие государства образуют альянсы против такого лидера. Это еще многие смерти молодых мужчин, которые никогда не создадут свои семьи

и не родят детей. Старики-лидеры завидуют молодым мужчинам. Их надо бросить в котел войны, потому что молодость — это то, что ненавидит старый лидер. Это то, что он не купит ни за какие деньги!

Сначала жители нападавшей страны полностью поддерживали своего лидера, потому что война до них доходила только в письмах с фронта, а экономика держалась на прошлых запасах. И только собственные разрушенные города заставят их понять, кем был их фюрер. Когда им показывали фотографии зверств, они не верили. Они говорили, наши солдаты не могли такого сделать. Это все неправда. А пока ведется война, фюрер подкармливает народ байками о том, что у них особая судьба! И они самый чистый и лучший народ, который приведет мир к Богу и лучшим временам! А других надо денацифицировать, так как нет такой нации с точки зрения истории. Основная черта фашизма — это чистка. Нужно зачищать города, нации от неправильных. Зачищать — это значит сажать и убивать.

А воины по приказу главнокомандующего приходили в чужие города и рассказывали там, что они освобождают их от их неправильной власти. Кто не соглашался, тех жестоко наказывали.

А еще фюрер рассказывал в подробностях, что на его страну бы напали и перечислял различные города и говорил, что его разведка перехватила данные. И его города потом действительно разрушили. Но не потому что изначально планировали, а потому что отражали агрессию.

Я надеюсь, ты понял о каком фюрере и каком государстве я говорю? Но если ты плохо учился в школе, я тебе подскажу. Я рассказывала о Германии 40-х и об их фюрере Гитлере. А ты о чем подумал?

Все совпадения абсолютно случайны.»

Андрей прочтет это сообщение немного позже. А пока он валялся в отключке на заднем сидении автомобиля своего отца, куда его заботливо перенес охранник.

Андрей очнулся, когда машина тронулась. На вопрос, что случилось и где он, тот ответил, что Андрей упал в обморок.

— А зачем ты меня в машину свою притащил? — спросил Андрей.

— А что я тебя должен был оставить на форуме и дать тем самым повод журналистам скомпрометировать меня? Кстати, в твоей речи были небольшие ошибки, да и хлопнулся ты не вовремя. Ты опять начал что-то принимать?

— Нет, папа, просто устал и душно там было. Куда мы едем?

— В мой научно-исследовательский институт. Есть пара дел.

Когда они прибыли в научно-исследовательский институт «Gen-~~██~~», то отправились не в кабинет отца, а в одну из лабораторий, где их ждала Ольга, заведующая отделом по борьбе с вирусами. Ей было около 45 лет и выглядела она довольно неплохо, белый халат был ей к лицу.

— Вы все приготовили? — спросил Георгий.

— Да, документы в порядке. Проверьте их, и я их запечатаю. — ответила Ольга.

— Мне понадобится около часа, чтобы все тщательно пересмотреть.

— Конечно, я пока подготовлю все для завтрашних экспериментов.

— Не стоит, завтра возьмите себе отгул. Сходите куда-то с семьей, вы и так работаете сверхурочно, а я ценю преданных сотрудников.

Ольга мило улыбнулась. Георгий взял бумаги и поднялся в свой кабинет вместе с Андреем.

Кабинет Георгия был тяжелым и мощным. Каждый его элемент говорил о богатстве и основательности хозяина. И насколько были современными другие помещения института, настолько старомоден был его кабинет. Мебель из натурального дерева, дополненная вставками из кожи, хроми-

рованной стали и стекла. Все в темно-коричневых и черных тонах. Длинный письменный стол в форме буквы Т, во главе стола большое кожаное массивное кресло на деревянных ножках, а не привычное офисное крутящееся. По бокам стулья, обитые текстилем с гобеленовой вышивкой. В комнате также стояли стеллажи с книгами, подобранными по цвету и размеру.

На стенах не было ни одной картины, не стояло безделушек и фотографий близких. Все было дорого, мощно и функционально.

Отец и сын сидели в кабинете. Один проверял документы, а другой со скучающим видом ковырялся в телефоне.

— Так, все в порядке, — наконец сказал Георгий и продолжил смотря на Андрея. — У меня к тебе есть одно дело.

— Что опять? Я уже сделал одно. Неужели снова? — недовольно парировал Андрей.

— В общем, мне нужно передать чемоданчик с документами в надежные руки. Человек будет ждать тебя на Ничемнепримечательной улице. Ему нужно будет это отдать.

— А что там? — поинтересовался Андрей.

— Там ничего, просто многоквартирный дом.

— Я имею в виду, что за документы.

— Это не имеет значения.

— Документы настолько важные, что их нужно будет передать ночью на какой-то там Ничемнепримечательной улице? Пошли водителя, пусть отвезет.

— Это очень важные документы. Я не могу их доверить охраннику. Раньше для меня это делала Офелия, я ее посылал на разные задания подобного рода. Ее актерский дар очень помогал. Она могла бы стать великолепным разведчиком, — Георгий засмеялся.

— Можно я посмотрю тогда их, эти документы? — спросил Андрей.

Ему было не то чтобы интересно, что они из себя представляют, но сам факт секретности возбуждал любопытство.

— Там научные исследования и разработанные в нашем институте формулы одного вирусного заболевания и противовирусной сыворотки от него. Ты же понимаешь, что мой центр занимается не только коронавирусом и гриппом и помогает музеям исследовать их экспонаты. Мы делаем гораздо более важные вещи.

Андрей уставился на него, ожидая продолжения рассказа.

— Ты как мой единственный наследник, наверное, должен знать, что здесь происходит, потому что, если со мной что-то случится, то мои дела придется продолжать тебе. Нельзя допустить, чтобы этот институт с его разработками попал в чужие руки.

— Я весь внимание, — Андрей сделал нарочито серьезное выражение лица.

— Только давай вот без этих ужимок, хорошо? Вообще не до того сейчас. Так вот. Я начну издали. Мы здесь разрабатываем технологии биооружия и биозащиты. Но это звучит так мощно, на самом деле, мы исследуем вирусы и противовирусные препараты изобретаем, используя технологию Крисп. Но тебе сейчас лучше об этом Ольга расскажет.

Они спустились в лабораторию. Ольга по-прежнему ждала их, пересчитывая какие-то пробирки, некоторые из которых она откладывала в ящик для стерилизации.

— Тут все просто, — начала женщина, — мы исследуем вирусы и геномодифицируем их, также создаем для них защиты, вакцины. Основа подхода в антивирусной защите бактерий. Бактерии находят вирусы и борются с ними. Есть такой инструмент — генетические ножницы, так называют технологию CRISPR-Cas9, которая позволяет вносить разрывы в ДНК. Такие разрывы могут быть и случайными, а можно их вызвать химическими мутагенами или радиоактивным излучением. Ножницы получают инструкцию, как найти конкретный ген, направляются туда и от-

резают участок генома. Далее система восстановления клетки «заделывает» образовавшуюся дыру. Другая возможность — встраивание чужого гена. Это может быть ген, который заставит дрожжевые клетки производить инсулин или заменит поврежденный ген у человека. Все последующие изобретения есть вариации этого метода, обусловленные необходимостью проведения манипуляций во все более сложных геномах. Наиболее сложным в природе является геном человека, включающий миллиарды нуклеотидов.

— А людей с измененными генами вы можете делать? — спросил Андрей.

— Мы в нашем институте нет. Мы тут только вирусами занимаемся. А вообще такие технологии есть и кое-где даже используются. Главная проблема — это проблема этики. Официально у нас такие эксперименты не разрешены.

— Но кому это когда мешало, — хихикнул Георгий, подмигнув Ольге.

Андрей понял, что между ними есть что-то большее, чем просто рабочие отношения. Секс? Да. Но и наука. Она зажигала и вводила в раж этих двоих. И оба сейчас, как экзгибционисты, сливались в научном экстазе перед взором Андрея.

— А на ком вы испытываете свои вирусы и антивирусы? — не унимался Андрей.

Ольга промолчала. А Георгий продолжал:

— Кое-что на животных, но, к сожалению, есть еще специфические человеческие маркеры. И без испытаний на людях не обойтись. Поэтому тренируем на добровольцах.

— На каких? Неужели есть такие желающие? Вы же должны их заражать, чтобы испытывать вакцину и противовирусные препараты. Не с первого раза же все получаются. Люди могут умирать.

— У нас есть такие желающие. И чтобы было поменьше шумихи, все это испытывается далеко за пределами Страны.

На Ближнем Востоке. Там людям и так не сладко живется, а мы им платим. Так вот тебе нужно в чемоданчике отнести бумаги и экспериментальный образец нового вируса с вакциной.

— Так вы что, биологическое оружие здесь делаете? — до Андрея наконец дошло.

— В науке этим термином уже никто не пользуется, — ответила Ольга.

И повернувшись к Георгию спросила:

— Я могу идти? Свою работу я сделала. В документах все в порядке?

— Да, все хорошо. Вы можете быть свободны. И завтра у вас выходной. Встретимся уже во вторник. Кабинет я сам закрою.

Сотрудница лаборатории улыбнулась своей сексуально-томной и одновременно милой улыбкой.

— До свидания, Георгий, до свидания Андрей. Удачного вам вечера.

Она вышла, захлопнув за собой дверь.

— Я не понесу никакой чемоданчик никуда. Я вообще не одобряю то, что ты делаешь! И весь этот кошмар, который происходит в стране не одобряю. Ты такой же, как они!

— Я не такой же, как они, сынок. Я один из них. И ты тоже станешь, если хочешь хорошо жить. Тебе придется подчиниться этой реальности!

— Этой реальности? Ты хочешь, чтобы я подчинился тебе, а не этой реальности! Это не одно и то же. Реальность не состоит из напыщенных снобов, заскорузлых вояк и до-рогих вагин.

— Что ты несешь? Ты хоть понимаешь, что ты никто без меня? Что только то, что ты Чавиани важно! Сам по себе ты ничего не стоишь.

— К сожалению. Я это понимаю. Но так больше не хочу. Я не буду твоим мальчиком на побегушках! Достаточно! Я с самого детства старался тебе угодить, быть на тебя похо-

жим. Но это у меня никогда не получалось. Ты всегда был круче, умнее, лучше. Я так думал. Но как я ошибался! Ты бездушный, старый, властолюбивый мудака на службе у Светлоликого!

— Молчать, щенок! Как ты разговариваешь с отцом?! Да и кто он такой, этот Светлоликий! Когда его посадили на трон, он был никем. А я уже крутил большими капиталами, пока он просто таскал чемоданчик, будучи третьесортным гэбистом. Я веду свою войну! Ты даже не представляешь, на что я способен!

— О, я хорошо представляю! Я много раз видел, как ты бил мать, угрожая ей, что убьешь меня! Я видел, как ты бил Офелию! И ты сам мне признался, что собирался убить тысячи безвинных людей своей проклятой вакциной.

— Наука требует жертв!

— А маму ты тоже бил ради науки?

— Твоя мать очень много дерзила мне. А как-то я застукал ее в объятиях моего же охранника.

— Мама была единственным человеком, который меня любил!

— Она предала меня! И тебя тоже! Твоя мать не утонула!

Григорий в бешенстве смотрел на Андрея. Тот помолчал минуту и сказал.

— Она утонула, я сам это видел.

— Я хотел сказать, это не был несчастный случай! Она утопилась. Покончила жизнь самоубийством! Как и Офелия.

— Я бы тоже покончил жизнь самоубийством, живя с тобой! Ты дьявол во плоти! Это ты их обоих довел!

Андрей направился к двери лаборатории. Но Григорий его опередил. Его глаза налились кровью.

— Так, щенок! Вернись и послушай меня! Ты мой сын, ты должен делать то, что я тебе сказал. Иначе я лишу тебя наследства.

— Да лишай. Мне от тебя ничего не нужно. — с облегчением сказал Андрей, удивляясь самому себе: сказать это было не так сложно, как он раньше думал.

— Выкладывай на стол карточку и ключи от машины. Она кстати, стоит у меня в гараже. Я забрал ее у мастера из Деревни, в которую тебя не понятно за каким хреном с твоим дружком занесло. И также соизволь завтра освободить квартиру, где ты живешь. Она тоже принадлежит мне.

— Как скажешь, папа! — Андрей открыл дверь и вышел.

У дверей офиса он заказал такси, которое приехало уже через три минуты. Андрей сел в машину, назвал адрес квартиры, где он жил. И отдался мыслям, которые роем крутились у него в голове.

Внутри все кипело. Он чувствовал себя загнанным в угол зверьком, которому ничего не осталось как огрызаться в естественном порыве самосохранения. Он не ощущал ненависти, но ощущал много злости: к отцу, к себе, к тому миру, в который его пытались затащить. Это был не его мир, мир, который покрывался ржавчиной, разъедая все вокруг: любовь, открытость, движение. Самое мерзкое заключалось в том, что он не знал, в каком мире он хочет быть, он не построил своего, ему некуда было идти.

Элочка бы сейчас сказала, что его ссора с отцом — это своего рода борьба архаики и модерна. Но он так не чувствовал. Это она, Элочка, модерн, со всеми его качествами и свойствами: борьбой, свержением авторитетов, стремлением к свободе и новизне. Андрей был другим. Но каким? Он не знал. Он всю жизнь мимикрировал, это было для него очень естественно. Когда он находился рядом с отцом, он был продолжением архаики, когда с Элочкой — модерна.

Почему вообще отцы пытаются заставить детей делать то, что им представляется правильным? Почему они боятся самостоятельности своих детей? Разве потому, что они их

любят и хотят предостеречь от чего-то страшного? Неужели контроль — это любовь?

Нет. Это борьба со смертью. Базовый страх смерти заставляет родителей искать продолжение в своих детях, держаться за то, что есть, всеми силами, сохранять через детей старый миропорядок, чтобы хотя бы таким образом не умереть. Они все равно умрут, битва архаики заранее проиграна. Иллюзия продолжения родителей в детях — вот что движет ими. Кто не боится умереть, тот не будет контролировать детей. А кто боится умереть? У кого нет смыслов. Тогда смысл в детях, в сохранении. И если ты сам не найдешь свой смысл, то тебя сожрут, сожрут твои родители, сожрет старый мир, который жаждет крови тем больше, чем больше он приближается к смерти. Только смысл может стать тем орудием, которое заставит уйти из-под родительского контроля.

Тот же процесс стоит за тем, что Страна начала спецоперацию в Соседней Стране. Вернее так, странная власть начала спецоперацию по отношению к соседнестранной. Достаточно посмотреть на президентов этих стран: вот уж архаика и модерн в чистом виде. Если бог есть, то он точно приколист. Силовик против художника, структура против свободы, старое против нового.

Змей становится злее, требуя новых жертв.

Старое хотело убить новое своими «Градами», но именно это дало возможности новому проявиться и быстро вырасти. Спасибо, папа, за твои грады.

Андрей нащупал в кармане связку ключей, нашел ключ от машины.

— Я бы хотел попросить вас кое-куда заехать и подождать меня немного. — сказал он водителю и назвал адрес дома отца.

Дом Георгия Чавиани был таким же дорогим, мощным и функциональным, как и его кабинет. Андрей привык к нему и раньше как-то не думал, но сейчас отметил про себя, как это все на самом деле убого и не нужно.

Он открыл автоматические ворота своим ключом, поздоровался с охранником и пошел в гараж, где стояла его уже отремонтированная Хонда.

— Ну привет! — поздоровался он с ней, как будто она его понимала. — Я пришел с тобой попрощаться.

Открыл дверь, пошарил рукой под сиденьем, достал битую. Подошел к машине.

— Прости!

Размахнулся и со всей силы ударил по лобовому стеклу. По стеклу разошлась паутина. Он ударил еще раз и еще. Буря эмоций и разрушительная сила охватили его. Он бил по машине, пока не устала рука. А когда очнулся и увидел битые стекла, мятые бока своей когда-то любимой машины, в нем не дрогнул ни один мускул. Он просто выпустил битую из рук, закрыл гараж нажатием кнопки, попрощался на обратном пути с охранником, сел в такси и поехал в квартиру, где он жил, и которая тоже принадлежала его отцу, чтобы собрать самое необходимое и уйти в свою жизнь. Идти ему, кроме как к Элеоноре, было некуда.

Когда он пришел в квартиру, открыв ее запасным ключом, взятым у консьержки, Петра там не было, его вещей тоже. Андрей прошел в комнату, увидел, что со стены была снята полка. «Все-таки не выдержал саморез», — подумал Андрей и полез в кладовку за дрелью. Когда искал дрель, заметил, что вещи лежат не совсем в том виде, в котором он их оставил в последний раз. Его взгляд упал на ящик внизу. Крышка ящика была надета не правильно, это Андрей точно знал, так как на правом углу крышки был наклеен белый стикер. Он же всегда надевал крышку так, чтобы стикер был в левом верхнем углу. Сейчас крышка была в неверном положении: стикер был в правом нижнем углу. Андрей открыл ящик: все коробки в нем были перепутаны.

— Черт, — выругался Андрей, — он видел это.

А потом добавил:

— Да по фиг! Пусть думает, что хочет. Мне надоело делать вид, что я хороший парень. Я такой, какой есть.

Закрыв кладовку и так и не найдя дрели, Андрей стал собирать дорожную сумку, куда он кинул только самое необходимое: сменные джинсы, спортивный костюм, пару футболок, трусы, носки. В боковой карман сумки бросил мыло, зубную щетку, пасту, паспорт, военный билет.

Закрыв дверь, вышел из подъезда, выбросил связку ключей в мусорный бак. Позвонил Элеоноре. Трубку она не брала, и он поехал к ней без предупреждения.

Андрей позвонил в дверь квартиры Элочки. Ему никто не открыл, он позвонил еще раз и еще. Прислушался, за дверью ни звука. Но он знал, что Элочка была там — когда подходил к квартире, слышал звуки тяжелой музыки изнутри. Но сейчас стояла тишина. Он барабанил в дверь:

— Элочка, открой я знаю, что ты там.

Дверь была наглухо закрыта. Пришло сообщение в Telegram:

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Он написал в ответ:

— Я все объясню. Теперь все будет по-другому.

Подождал пять минут в надежде, что она его пустит. Но дверь не открывали. Он смотрел в экран телефона, как в пустоту, боясь ее и одновременно ожидая чего-то, что изменит ситуацию. За дверью была тишина. Сообщений Элеонора больше не присылала. Он еще раз набрал ее, но звонок срывался. Видимо, она отправила его в черный список.

Он сидел, ждал и листал разные страницы в телефоне. Подключенный VPN замедлял его взаимоотношения с интернетом, выбирать не приходилось. Многие сайты были запрещены и без VPN не открывались. Через разные веб-страницы на него посыпалась куча информации, которую он сегодня не просматривал, так как было не до того.

Очередной удар по одному из городов Соседней Страны. Раненые, убитые, пропавшие без вести. Когда же это кон-

чится все? Когда змей нажрется? Сколько еще человеческого мяса и крови ему нужно, чтобы насытиться?

Женщина с внешностью нахохлившейся птицы, та самая, что вела форум, с ехидной улыбочкой: «Стреляли по нацикам».

Андрей листал разные новостные Telegram-каналы: среди убитых трое детей, одна девочка с синдромом Дауна, которая шла с мамой от логопеда.

Девочка лет четырех катит коляску впереди себя, улыбается. Солнечные дети вообще по-особому улыбаются, с большим доверием каждому, кто на них смотрит. Мама, молодая, красивая женщина, идет рядом с ней. Мама, которая не только не сдала этого ребенка в спецучреждение, но радуется каждому дню, проведенному с ним. Девочку убило. Маме оторвало ногу. Это нацики?

И так странно читать: убило, оторвало. Есть конкретные имена и конкретные люди, которые убили и оторвали. Те, кто дал приказ стрелять, и те, кто стрелял. У зла есть имена и лица.

Внутри Андрея начинало подниматься что-то большое и мощное, когда он смотрел на этого ребенка, веселого и жизнерадостного, ребенка, которого уже нет. На маму, жизнь которой теперь изменилась навсегда. Не из-за бомбы. Нет, из-за змея.

Андрей читал дальше.

На федеральных каналах не сказали ни слова об ударах по этому городу Соседней Страны. В итоговых выпусках новостей на главных каналах не было ни одного сюжета об ударах по этому месту, ведущие не упомянули название города и между сюжетами. Были только ролики о подвигах армии Страны и о том, что Страна наносит только «точные удары по тщательно разведанным укрепрайонам».

Большинство СМИ продолжили игнорировать события. А те, кто не игнорировал, во всем обвиняли националистов Соседней Страны.

«Откуда же в такой маленькой стране столько националистов? — думал Андрей. — И если странная армия там уже несколько месяцев, то почему она их никак не уничтожит? Как же удобно, когда есть такое слово «нацики», «националисты», которые убивают, режут, насилуют. Тогда и змея как будто нет. Все смотрят на змея, жрущего людей, все его видят. Но друг другу говорят, что это нацики.

Так просидел он больше часа. Но дверь по-прежнему была закрыта. Ждать было нечего.

Андрей встал, вышел из подъезда, дверь громко захлопнулась. Он пролистал свою телефонную книгу. Остановился на имени «Костя — Портовый Город Соседней Страны». Нажал на изображение телефонной трубки. На той стороне ответили.

— Это Андрей. Скажи, я могу приехать к тебе в гости? Завтра.

На той стороне немного помолчали.

— А ты в курсе, что у нас война?

— Да, именно поэтому и хочу приехать, — ответил Андрей.

Мама Петра жила в старой части Города, где есть не только витринная Главная Улица, которая как будто кричит: «Посмотрите, как у нас все дорого-богато». Гораздо интересней то, что внутри двориков, за ней: Старая, Первая, Приречная, на которой и находился дом Петра. Ниже Главной улицы и до набережной Реки сконцентрирован настоящий дух города, дух, который впитался в Петра с детства. Дух, который каплю за каплей сносят местные власти, потому что реставрировать домики и дворы денег нет, а земля в центре дорого стоит, поэтому гораздо выгоднее там строить безликие многоэтажки.

Но, пока старый Город ещё полностью не уничтожен,

здесь он живет своей жизнью с семечками, домино, общими праздниками и кормушками для птиц.

В этом районе есть что-то от столицы Соседней Страны с её хаотичной застройкой посреди исторических кварталов и цветной рекламой. Что-то от Портового Города с его арками и самодельными домиками, сочетанием лестниц, пристроек-скворечников, балконов и обветшалых львиных морд давно ушедшей доцарской эпохи. С той только разницей, что здесь не водят экскурсии и не шастают туристы. Хотя сейчас и по Портовому городу экскурсии уже не ходят.

Во дворе висело на верёвках выстиранное белье, как в детстве, и у забора был припаркован его старый велосипед, который со спущенными шинами сиротливо стоял тут уже много лет. Петр подумал о том, что завтра вызовет мусоровоз — вывезти эту память о гололобом детстве на городскую помойку. Около детской горки лежали игрушки, запыленные и выцветшие. На импровизированном столе из деревянных ящичков стояла пепельница с горой окурков.

Петр соскучился по своему двору.

Он немного посидел на лавочке около дома, потом поднялся в квартиру на втором этаже.

Подходя к двери квартиры, Петр унюхал знакомый запах тушеной капусты. Его чуть не вывернуло. Но он мужественно нажал на кнопку звонка. Мама открыла очень быстро.

— Проходи. Бабушка совсем плоха, уже не встает и не узнает никого. Жить ей осталось, наверное, не больше недели. Давай. Я поставлю чайник.

Петр зашел на кухню. Она была очень маленькой, около 7 квадратных метров. Больше трех человек в ней не помещалось, и то если сидеть, особо не двигаясь. Старая мебель еще из 90-х, печка, раковина, стол и три стула. За столь короткое время Петр уже отвык от этого, когда-то родного, пространства.

— А ты насовсем вернулся или только поговорить? — аккуратно спросила мама, боясь спугнуть сына.

Видно было, что она рада его видеть, но предстоящий разговор ей был не по душе.

— Не знаю еще. Давай сначала поговорим.

— Об отце?

— Или об отцах.

Мама отвернулась. Петр сел на стул, откусил пирожок с капустой. Он показался ему даже вкусным. Мама наливала чай.

— А ты чего не звонил? — спросила она с упреком.

— А ты? — огрызнулся Петр. — Посмотри.

Петр сунул ей телефон, открытый на странице с результатами анализов. Мама глядела в экран телефона и, кажется, ничего не понимала.

— Что это? — спросила она.

— Это результаты моего ДНК-теста. Тут написано, что у меня два отца. И один, судя по всему, славянин. А другой, кавказец. И еще тут написано, что Андрей Чавиани — мой близкий родственник. Знаешь, кто это?

— Кто такой Андрей Чавиани, я не знаю. А вот Гоги Чавиани, или сейчас его называют Георгием Чавиани, вот его я знаю.

— Он мой отец? — Петр переходил на крик. — Или мой отец Виктор Рыбаков?

— Не ори на мать.

— Расскажи, кто из них мой отец? Я хочу знать правду!

Мама молчала.

— Кто мой отец, кто из них?

— Я не знаю. Я не знаю, кто из них. В 90-е, когда я была совсем молода, я познакомилась с Виктором. Мне тогда было 18, а ему 24, он учился на медицинском. Мы стали встречаться. Он был хорошей парой, маме и отцу тоже нравился, ухаживал за мной. Я с ним начала встречаться. Не сказать, чтобы по большой любви. Ну а потом он меня познакомил со своими друзьями. Он, Виктор, всегда интересовался разными магическими штучками,

искал чего-то, читал Ницше и других философов. Видимо, это и привело его в секту «Дети неба». Была такая секта в 90-х. И меня он туда привел. Друзья его были оттуда. Мы там делали разные обряды, вызывали духов и все такое, я уже почти ничего не помню. Гоги Чавиани тоже участвовал в этой секте. Я влюбилась в него. Я была просто без ума от него. Но он меня не замечал, смотрел свысока. Я продолжала встречаться с Виктором и любить Гоги. С Виктором у меня не было физических отношений. Да и он как-то особо не настаивал. И вот однажды глава секты, его, кажется, потом в 90-е посадили за махинации, он подошел ко мне и сказал, что я избрана богами и должна стать главной персоной предстоящего обряда, который нужно провести в день зимнего солнцестояния. Обряд должен был проводиться только с девственницей, я была девственницей и подходила им. В 90-е не так уже просто было найти девственницу, тем более в секте. Я должна возлечь с белым и черным шаманом. Секс у меня был с ними одновременно на глазах у возбужденной толпы сектантов. Как потом оказалось, белым был в секте Виктор, черным — Гоги. Ну и это случилось. Через полтора месяца после этого я поняла, что беременна тобою, сынок. Сказала Виктору. Он был мрачнее тучи, по их правилам от этого союза не должно было родиться детей, они как-то там высчитали, что ребенок принесет гибель секте и ее членам мужского пола. В общем, он сказал, что надо делать аборт. А я не хотела. Я, честно тебе признаюсь, тогда лелеяла надежду, что этот ребенок, то есть ты, зачат от Гоги. И мне хотелось иметь его частицу, его кровинку. Я ответила Виктору, что аборт делать не буду. Он сказал, что постарается решить этот вопрос. Я осталась жить с ним, потому что стыдно было прийти с ребенком к родителям. Через неделю после этого случая секту накрыли. Оказывается, там был цех по производству наркотиков. В тот вечер, когда я тебя зачала, меня тоже накачали. Их

было двое, мужчин, с которыми я тогда была: Виктор и Гоги. Вот теперь ты все знаешь.

— Мне надо это обдумать. Можно я сегодня у тебя переночую?

— Да, я постелю тебе в твоей комнате.

Перед тем, как идти спать, Петр зашел к бабушке.

— Она уже никого не узнает, — сказала мама, видя, как он направился в бабушкину комнату.

Старуха, накрытая несколькими одеялами, так как она все время мерзла, несмотря на то, что было лето, уставилась на него в упор, не шевелясь. И потом громко закричала:

— Изыди, дьявол!

Петр оторопел и встал на месте.

— Галя, Галя, за мной, грешницей, дьявол пришёл.

— Мама, это Петя, твой внук! — пыталась успокоить бабушку мама Петра.

— Какой внук? — не унималась та. — Мой внук умер. А это не мой внук. Это дьявол. Вон посмотри, у него рога какие!

ГЛАВА 9

Петр неторопливо ходил взад-вперед по территории парковки возле зоны выдачи городского морга, насвистывая мотив песни «Вне смерти». Два дня назад умерла его бабушка, сегодня ее хоронили. Было позднее утро, поднявшееся солнце уже слепило глаза и кололо своими жаркими лучами. Около входа в здание морга курил водитель катафалка.

— Это твою бабулю сейчас повезем?

— Да, — ответил Петр.

— Люблю, когда стариков хоронят, никто не плачет, — продолжил водитель.

И потом добавил, показывая на сигарету:

— Никак не могу бросить эту гадость, но как тут брошишь? Запах мертвых отбивает только табак и полынь, но не будешь же постоянно жечь полынь в катафалке.

Через пару затяжек:

— О, началось, пойдём.

Он бросил окурочок в кусты, жестом приглашая идти за ним. Когда они подошли к двери с надписью «Выдача тел», там уже стоял подогнанный Мерседес Спринтер, выполняющий роль катафалка, на лобовом стекле которого висела наклейка «Везу в рай». Водитель — явно дядька с юмором. Мама Петра топталась возле машины, дожидаясь, когда ей выдадут тело бабушки, и она, как и подобает, сделает скорбное лицо и сядет рядом, чтобы сопроводить его в последний путь.

Двери морга открылись, сотрудники выкатили гроб с телом бабушки. Было видно только ее лицо, все остальное тело спряталось в разноцветных похоронных тряпках.

Петр произнес вслух:

— Как будто это не она.

В ответ ему послышался мужской шепот:

— А ты умен!

Петр осмотрелся по сторонам и никого не увидел. Но он уже ничему не удивлялся после встречи с Человеком в капюшоне и Виктором.

— Упрямое тело я выбрал на этот раз — долго не хотело сдаваться! Наконец-то я свободен. До кладбища уже не поеду. Так что адъес! Поцелуй маму за меня.

— А почему у тебя голос мужской? — спросил Петр.

— А просто так!

Голос исчез и больше Петр его не слышал.

На кладбище поп прочитал дежурную молитву, скороговоркой, как робот:

— Иже еси на небеси... Рабу Божию Софию... В рай... В ад... Аминь... Купите брошюрки, там все подробно. Закапывайте!

Приступ дежа вю: он уже видел попа, слышал про рабу Божию Софию. Но тогда он был за пределами этой картинки, а теперь внутри нее. Отмахнулся от этих мыслей.

Бабушку закопали, и Петр вызвал такси, чтобы доехать до научного института, его больничный закончился.

В лаборатории все суетились, работа кипела.

— Шеф подогнал работенки, — сказала девушка-лаборант, кажется, ее звали Маша, вспоминал Петр, он редко запоминал лица и имена людей, если это не были его близкие. — В понедельник исследовательский материал подвезли: мумии из каких-то курганов. Шеф приказал до конца недели вытащить из них основную генетическую информацию. Вот работаем в поте лица, хорошо, что ты вышел, больше рабочих рук.

У Маши было милое личико, чуть полноватое тело и добрая улыбка. В этом заведении она работала с самого открытия. Вот уже почти год.

В помещение зашла Ольга, поздоровалась с Петром и как-то странно на него посмотрела. А потом сказала всем:

— Сегодня шеф здесь. Он злой уже третий день. Поэтому лучше не попадайтесь ему на глаза. И до конца дня положите мне на стол распечатку с основными маркерами этих двух мумий. До завтра мне нужно ему расписать все это дело, перевести с научного на русский.

И вышла.

— А чего это Георгий такой злой? — спросил Петр.

— Да сплетничают, что сынок его вытворил что-то и пропал, он его третий день ищет, не может найти. А вы же с ним дружили. Ты не в курсе, где он?

— Нет. Я его в последний раз видел еще до форума на прошлой неделе в пятницу утром. Писал ему, звонил, но у него «абонент не доступен», а квартира заперта на ключ.

Петр уже начал беспокоиться за друга. Эллочка сказала, что Андрей, скорее всего, скоро объявится и что это его очередное подростковое «фи», что он сам рассказывал, как такое бывало уже пару раз. После одного из исчезновений папа определил его в наркоклинику. Но вроде бы она за это время не замечала, чтобы Андрей что-то употреблял. Петр с Элеонорой договорились, что если он в ближайшие пару дней не объявится, надо его уже начинать искать. Вдруг что-то случилось.

Петр взял небольшой кусочек ткани специальной иглой, похожей на те, которыми берут биопсию. Когда-то эта ткань была частью человека. Человек ел, пил, любил. А теперь это всего лишь часть мумии. Ткань оказалась хрупкой и под скальпелем крошилась в коричневый порошок. Вытяжки из этого порошка давали коричневую жидкость, которую Петр поместил в специальный гель, окрашенный красителем, и подверг ее воздействию электрического поля в при-

боре, похожем на микроволновую печь. Гель связался с молекулами ДНК и начал светиться в ультрафиолетовом свете розовым цветом.

Образовавшуюся массу он положил на предметное стекло, чтобы исследовать ткань под микроскопом.

Петр был очень сконцентрирован и не сразу услышал восторженные слова Маши:

— О, тут уже ядерная ДНК у одного экземпляра выделена, того, который я исследовала вчера. Как же это безумно интересно! Благодаря науке мы можем узнать, кем были те люди, которые возводили курганы, осталось от них что-то в нас с тобой, например, или они настолько перемешались с разными народами, завоевавшими степи после, что ничего не передали современному населению нашей местности. От этих загадок и возможных ответов на них захватывает дух!

Она с воодушевлением смотрела на Петра, но тот был в своих мыслях.

— Петр ты тут? — потрясла она его за плечо.

— А да, извини, я просто задумался. Я утром бабушку похоронил.

Но думал он не о бабушке, и даже не о ДНК, которую сейчас выделял, а об Андрее. У него было какое-то нехорошее предчувствие. И он пытался понять, что в нем просыпалось, уловить это заигрывание пространства-времени.

— Это была женщина, и у нее, похоже, гаплогруппа как у тебя по женской линии. Смотри. — Маша тыкала пальцем в цифры и буквы на компьютере — H4a1. Петр, может, это твоя пра-пра-сто-пра бабушка?

— Интересно, — прокомментировал Петр, — а откуда ты знаешь мои гаплогруппы?

— Ну..., — девушка замялась, — я когда обрабатывала, случайно увидела.

Петр распечатал получившийся набор букв и цифр на бумаге, такая у него была привычка, прежде чем дове-

рять процедуру расшифровки компьютеру. Он медитировал на эти буквы. Сел за стол. В кармане что-то давило в районе бедра. Он вспомнил, что вчера забыл выложить из брюк тот самый амулет с человеком-рыбой. Вынул его и машинально положил на распечатанные бумаги. Распечатки засветились зеленым цветом, и Петр увидел, как буквы АГТЦ, которыми обозначались различные генетические сочетания, начали меняться на вполне себе осмысленные слова: «Огромная армия Шаррумкена, царя Аккада, разгромила Лугальзагесси и последние надежды на то, что все будет, как раньше».

Петр с удивлением посмотрел на бумаги, на которых лежал амулет, взял его в руки. Осмысленный текст опять превратился в бесконечное сочетание букв АГТЦ. Петр снова приложил амулет, на листах начали проявляться строчки: «После этой расправы новый правитель распорядился казнить всех шумерцев царской крови. И его преданные каратели очень быстро привели приказ своего господина в исполнение».

Молодой человек спрятал амулет в карман: хорошо, что Маша стояла к нему спиной и ничего, кажется, не заметила.

— Слушай, я пойду прогуляюсь в парк рядом с институтом. Вернусь через часик. Сейчас как раз обед уже. А я утром ничего не ел, не до этого было.

— Ну ладно, — сказала Маша, продолжая рассматривать вытяжку из другой мумии через микроскоп.

Петр взял распечатки и вышел из лаборатории.

Он нашел лавочку в самом конце парка, чтобы его не тревожили сотрудники из института, тоже решившие прогуляться в обеденное время. Достал амулет, приложил его к распечаткам. Перед ним предстал текст печатными буквами на родном языке Петра.

Огромная армия Шарумкена, царя Аккада, разгромила Лугальзагесси и последние надежды на то, что все будет, как раньше. Разгромила его войско и подмяло под себя его царство.

Государством нужно управлять. И не последнюю роль в этом играет религия. Свои люди должны быть не только на троне, но и у алтаря. После этой расправы новый правитель распорядился казнить всех шумерцев царской крови. И его преданные каратели очень быстро привели приказ своего господина в исполнение.

Культ Иштар, богини плодородия, был важен для шумерской культуры. И Шарумкен подумал о том, что было бы неплохо сделать одну из своих дочерей верховной жрицей богини Иштар. Дочерей у него было несколько, самой любимой была Рамина, живая, красивая, радостная

Рамина — это я, одна из дочерей великого Шарумкена. Я обрела новую жизнь в стенах богатейшего города того времени, в Уруке. Город-государство, стремившийся к избытию, отдал свою свободу огромной империи, все разрастающейся и разрастающейся. Отец уже перестал быть человеком на службе у богов, но стал человеком, который сам через свои деяния превращается в бога. Жрецы были низведены до положения прислужников, окружающих царя и отвечающих перед ним за свои действия. Я слышала, как он диктовал писцу: «Шарумкен, царь Аккада, повелевающий смотритель Иштар, царь Урука, помазанный жрец Ану, царь страны, великий Энси Энлиля; он победил Урук и разрушил его стену; в сражении с жителями Урука он одержал победу. Он покорил все земли от Лагаша до моря; затем он омыл свое оружие в море. Энлиль не давал никому противиться Шарумкenu, царю этой страны. Энлиль отдал ему земли от Верхнего моря до Нижнего моря».

Меня как одну из дочерей бога отдали в храм Иштар, чтобы я там была жрицей. Мне очень не хотелось этого. В Уруке, да и в самом храме, многие ненавидели меня, потому что я была дочерью Шурамкена, «узурпатора и слуги». И если бы не Дуду, неизвестно, как бы закончилась моя жизнь и писала ли я бы это послание своим потомкам. Дуду был молодым воином армии моего отца. И его он тоже послал вместе со мной в Урук насаждать свою власть на местах. Тогда меня звали Рамина. Еще два раза я буду менять имя. А пока я была дочкой царя Аккада и Шумера Шарумкена и будущей жрицей храма богини Иштар. Когда я ехала в Урук, я чувствовала себя жертвенным барашком, которого отдают на заклатие, чтобы умиловать богов. Мною собирались умиловать шумерскую знать, показывая, что чтут религию местных.

На самом деле это было не так. Отец ценил только силу, и силу не божескую, а человеческую. И был очень хитер. Дуду он отправил вместе со мной, но не только для того, чтобы я, его дочь, была в безопасности, а для того, чтобы контролировать его глазами главного жреца храма.

Дуду он доверял как себе. Один из воинов отца подобрал Дуду еще совсем молодым юношей, когда тот умирал на дороге за городом. Потом Дуду спас моего отца в бою, и это был его звездный час. Воин был старше меня на 9 весен, но до сих пор не женат. Когда я шутиливо его спрашивала, почему, он отвечал, что его сердце высохло в пустыне, куда он бежал от своего отца. Он рассказывал, что отец его был гончарных дел мастером, бил его много и учил своему ремеслу. А он хотел быть воином.

Когда Дуду попал к моему отцу, его желания сбылись. С тех пор он убил много народа, особенно шумерского. Шумеров он убивал с особой жестокостью. Уж не знаю, за что он их ненавидел.

Для меня было все в новинку, и мое юное любопытство подмечало каждую деталь. Город оказался сносным, а жизнь

жрицы вполне пристойной. Если бы не слезка Дуду, можно было бы сказать, что я жила счастливо. Иногда на меня косились местные, я слышала разговоры о том, что я чужая и что мой отец варвар, но не придавала этому значения.

Храм, в котором я жила, поражал своим великолепием и мощью. Казалось, что он тут стоял всегда и будет стоять вечно, какие бы завоеватели не приходили в город. Сами боги строили его, чтобы там воздавали им честь и хвалу. Игра света и тени создавала ощущение мистерии каждый день и каждую ночь. Я долго играла с тенями на стенах, сочиняя представления при помощи рук, пока это не увидел верховный жрец и не запретил мне кощунствовать. Иштар могло бы это не понравиться. А я думала, что если бы ей не понравилось, она бы уж нашла, как мне это показать.

Особое внимание привлекал алтарь перед воротами храма. До меня доходили слухи перешептывающихся старых жриц, что некогда на этом алтаре жрец зарезал в угоду богам девушку, перед этим лишив ее невинности. После этого Иштар разозлилась и Шумер пал под семитами, т.е. войском моего отца.

Шумеры и шумерские храмы мне нравились. А я им, похоже, нет. В одну из ночей вспыхнуло восстание. Я спала на своем тюфяке, когда Дуду ворвался ко мне вот комнату.

— Одевайся, сейчас сюда придут, чтобы убить тебя.

Я спросила:

— А что случилось?

— Быстро. Все потом расскажу. — ответил он.

Я стояла перед ним совершенно голая, но его лицо не выражало ничего, кроме злой торопливости.

— Ты глупая? Тебя убить сейчас могут. Одевайся.

Я оделась, он схватил меня за руку, и мы побежали по бесчисленным коридорам Шумерского храма.

На этот раз восстание было подавлено, и я осталась жива. Теперь Дуду следил за мной еще внимательней. Но я была рада этому, потому что влюбилась. Поняла я это вне-

запно, как-то проснувшись утром. С тех пор единственным моим желанием было — стать его женой. Но меня готовили к роли главной жрицы богини Иштар. Значит, мне не положены были муж и дети. На все мои просьбы Дуду поговорить с отцом об этом, он отвечал отказом и был непреклонен. Служение Шарумкену, воплощению бога на земле, важнее личных потребностей, говорил он. И очень злился, когда я вновь и вновь заводила этот разговор.

Как-то отец сам приехал в храм, и я твердо решила с ним поговорить. В конце концов, быть жрицей или нет — это мое дело.

Разговор был коротким. Отец сказал свое жесткое нет, и попросил Дуду увести меня. Я плакала, кусалась, пыталась драться. Но отец даже не пошевелился, он пил пиво и слушал, как ему читают песни о похождениях Гильгамеша.

В тот момент что-то во мне сломалось, а что-то новое родилось. Ненависть к отцу и всем аккадцам с их должностничеством охватила меня всю. И я закричала: «Будь ты проклят! Я буду служить храму. Но ты пожалеешь об этом!» В тот день родилась Иулана, верховная жрица храма Иштар, а Рамина умерла навсегда.

Дуду силой вытащил меня из покоев отца и сказал, что с волей богов и моего отца спорить бессмысленно. «Ненавижу тебя», — только и смогла прошипеть я и побежала в свою комнатушку.

Дуду смиренно поплелся за мной. Дверь я захлопнула перед его носом. И больше с ним не разговаривала до следующего восстания в Шумере, которое изменило мой путь и мою жизнь.

Посвящение в верховные жрицы было пышным и сопровождалось соблюдением всех шумерских традиций. Отец пытался создать видимость, что он преемник шумерской культуры. Меня одели во все белое, на голову нацепили венок из засушенных цветов, вручили кувшин козьего молока, мед и баранье сердце, только что вырванное

из груди несчастного животного. Это все я должна была положить на алтарь перед входом в храм в знак того, что Я теперь принадлежу Иштар. Меня сопровождали три жреца. Один был одет в черный балахон с капюшоном, закрывающий верхнюю часть лица, в руках у него была черная свеча, а на поясе за спиной — кинжал. В жертву Иштар он принес миску с кровью священного барашка как символ живой силы. Я должна была ее выпить, чтобы иметь возможность видеть тайное и иметь доступ в мир мертвых. Второй жрец был одет во все белое, его глаза были закрыты белой повязкой, в руках у него была белая свеча, а за поясом мешочек с травами, который он поджег, и я должна была их вдыхать, чтобы уметь помогать живым, находить разные травы и лечить людей. Третий жрец был голым, и только набедренная повязка закрывала его гени- талии. В руках он держал ключ, и этот ключ он вручил мне как знак того, что я теперь могу открывать любые двери, как в горнем, так и в дольном мире.

После того, как я выпила кровь барашка, вдохнула запаха трав, надела на себя веревку с ключом и поклялась служить народу Шумера верой и правдой, я поставила на алтарь плошку с мукой, медом и сердцем барашка. Теперь все называли меня Иуланой, верховной жрицей храма Иштар.

Я поймала взгляд Дуду, он смотрел на меня с любовью и восхищением. А мое сердце теперь окаменело вместе с сердцем жертвенного барашка. Только каменное сердце с достоинством может служить Шумеру верой и правдой и открывать двери всех миров.

Как только приготовления были выполнены, жрец в белом произнес:

— В этот день мы, великий народ Шумера, собрались, как в былые времена, чтобы приветствовать Иштар в ее величии и почтить ее жертвенным дарами. Мы почитаем тебя, о великая Иштар, чтобы твоя сила возросла и обогатила нашу жизнь. Мы взываем к тебе, чтобы ты обратила

внимание на рабов своих в проявленном мире. Да будет так.

Народ хором прокричал:

— Мы приветствуем тебя, о великая мать!

В конце церемонии каждый из трех жрецов подходил по очереди к алтарю, рядом с которым стояла я, падал на колени и, не смотря мне в глаза, говорил:

— Завершена великая церемония. Пусть эти церемонии никогда не канут в небытие. После нас придут другие, кто не забудет твоего имени, о великая Иштар. Пусть твоя благодать никогда не покинет твой народ, любящий тебя. Да будешь ты к нам всегда благосклонна и даруешь нам мир, достаток и счастье. Сейчас и во веки веков.

Потом они запели:

Видеть тебя — благо, воля твоя — светоч!

Помилуй меня, Иштар, надели долей!

Ласково взгляни, прими молитвы!

Выбери путь, укажи дорогу!

Лики твои я познал — озари благодатью!

Ярмо твое я влачил — заслужу ли отдых?

Велений твоих жду — будь милосердна!

Блеск твой охранял — обласкай и помилуй!

Сиянья искал твоего — жду для себя

просветленья

Всесилью молюсь твоему — да пребуду я в мире!

Да прибавится мне богатства, что хранишь ты

справа,

Добро, что держишь ты слева, да получу

от тебя я!

Прикажи лишь — и меня услышат!

И что сказал я, так как сказал я, пусть

и свершится!

В здоровье плоти и веселье сердца веди меня

ежедневно!

Продли дни мои, прибавь мне жизни!

Да буду жив я, да буду здоров я, твою
божественность
Да восславлю!
Да достигну я моих желаний!
Тебе да возрадуются небеса, с тобою да
возликует
Бездна!
Благословенна будь богами Вселенной!
Великие боги сердце твое да успокоят!

Петр оторвался от текста, так как кто-то дотронулся до его плеча. Это была Маша. Он вздрогнул от неожиданности.

— Извини, не хотела тебя пугать. Я тебе кофе взяла. Ты же любишь флэт уайт с одной ложкой сахара. — она протянула ему бумажный стаканчик с красной крышкой. — И еще вот, я тебе распечатки принесла. Это уже анализ другой мумии, мужской. У него тоже такая же гаплогруппа по игрек, как и у тебя — J2a1-M1727. У тебя их две, это одна из них.

— Зачем ты копалась в моих генетических данных? Кто тебе приказал? — Петр уже злился.

— Никто. Просто мне было интересно. Ты мне симпатичен. Я думаю о тебе. Прости. — ее щеки покраснели, казалось, что она сейчас заплачет, но девушка взяла себя в руки. — Это так необычно — иметь две разные составляющие в игрек хромосоме, я о таком никогда не слышала. Я всегда видела в тебе что-то, отличающееся от других.

— Надеюсь, это останется между нами. Я бы не хотел стать объектом исследований.

— Да, я никому не скажу.

Она замолчала, уставившись в тонкую стопку распечаток, которую держала в руках. Потом протянула их Петру.

— Вот. Это по другой мумии, мужской. Я подумала, что тебе тоже будет интересно. Если что, я скажу, что тебе стало плохо, и ты вышел подышать, если Ольга придет.

— Спасибо! — ответил Петр, смотря на девушку в упор, пытаясь понять, скрывает ли она что-то.

Похоже, что нет. И она просто втрескалась в него.

Маша уже отошла на пару метров от лавки, где сидел Петр, потом остановилась и сказала:

— Может, мы сегодня после работы кофе попьем вместе?

— Может. — ответил Петр. — Я через полчаса буду уже в лаборатории. Прикрой меня, если что.

Молодой человек приложил амулет к тем бумагам, которые принесла девушка. Эффект был тот же. Буквы засветились зеленым цветом и Петр увидел текст. Этот текст был написан от имени Дуду, с которым он уже был знаком.

— Что здесь происходит? Почему крики слышны даже во дворе? Вы мешаете мне сочинять мои песни, — возмущенная Иулана вскинула руки, как будто собиралась молиться.

Иулана была принцессой, одной из дочерей Шарумкена.

— Извините, Эни, но этот человек оскверняет имя нашего великого правителя, вашего отца Шарумкена, он должен быть наказан. — произнес я ровно и безэмоционально, на сколько это было возможно.

— И что же он говорит?

— Ваши уши не выдержат этого. Обычный торговец. Видимо, сошел с ума, говорит, что видел сон.

— Вы отобрали у меня весь товар. Мои дети хотят есть, — закричал торговец.

Свист плети раздался в воздухе — один из моих подчиненных воинов ударил старика.

— Собаке слова не давали, — произнес я с уверенностью в своей правоте.

— Прекратите. Пусть скажет, — Эни была, как всегда, добра.

— Спасибо, Эни.

— Говори.

— Мне было видение. Когда-то, когда я был еще совсем юным, я уже видел подобную картину, только не во сне, а наяву, когда аккадцы впервые напали на наш прекрасный город. Много горя и боли познал тогда наш славный Урук. Вскоре это повторится. Ворота города будут валяться разбитыми, святая Иштар оставит нетронутыми дары жрецов, храм будет охвачен страхом, ибо нет ее в городе, ею покинутом. Как дева бежит из покоев, святая Иштар покинет свой храм. И в очень короткий срок, в пять дней и ночей Урук будет разрушен. А верховный эн будет сидеть в рубище один, его колесницы стоят без дела, всеми забытые. Здравый разум превратится в безумие. Плач детей и вой собак пронесется по городу. И покинут сей мир самые достойные воины, воины света. Горе, нужда, смерть и запустение угрожают захлестнуть практически все человечество, слепленное Энлилем.

— Именем великого Шарумкена приказываю тебе замолчать, безумный старик. — прервал я его слова. — Эни, отец вам не разрешал выходить из покоев без моего ведома.

Я был главным воином храма. У меня было мощное тело и много силы.

— Уведите этого сумасшедшего. А вы, Эни, пойдете со мной. Я вынужден доложить вашему отцу о вашем непослушании. И у меня для вас есть прекрасная новость.

Мы шли по длинным коридорам, Иулана немного впереди, а я за ней. Между нами висело тягучее молчание. Ее непокорные плечи настойчиво заявляли, что ей явно не по нраву такая опека. Она резко остановилась.

— Так! Почему ты идешь за мной следом? Я не хочу быть узницей в этом проклятом месте. Стой.

Она пошла дальше в надежде на то, что я останусь на месте. В конце концов, она Эни, а я простой солдат и должен подчиняться ее приказам. Но мне был дан приказ охранять ее, поэтому я пошел следом.

— Стой. Мне это надоело. Я прикажу тебя сослать куда-нибудь подальше, я не хочу видеть твою каменную рожу каждое утро, день и вечер. Я не удивлюсь, если ты тайно подглядываешь за мной, когда я сплю. — Она топнула ногой. — Мерзкий, противный слуга. Отойди, от тебя смердит, как от помойной ямы.

Ее лицо исказилось в гневной маске, которая однако скрывала под собой что-то более важное. На моем же лице не дрогнул ни один мускул. Я молчал.

— Иди вон, я освобождаю тебя от твоей службы. Я снимаю с тебя полномочия, пусть пришлют кого-нибудь другого.

Не меняя выражения лица застывшей маски, я тихо, но уверенно сказал:

— Это приказ вашего отца. А насколько я знаю, в этом городе он главный. И даже вы обязаны ему подчиняться. Поэтому я останусь защищать вас от разных нехороших вещей, которые могут произойти с молодой девушкой в большом городе.

— Да я даже никуда не выхожу. Сажу в этом храме, как в темнице. И только и вижу, что прислужниц да твою уродливую рожу.

— Эни не пристало так выражаться. На вас молится весь город, так что уж вы следите за своими словами. И если вам так хочется выйти, это можно, но только в моем сопровождении, конечно.

За разговором мы не заметили, как пришли в довольно просторную келью, в которой жила Иулана, верховная жрица храма.

— Сегодня гонец принес послание от вашего отца.

— И что это за послание? Ты редко мне приносишь хорошие новости. Если бы в нашем городе было разрешено убивать гонцов дурных вестей, ты был бы мертв как минимум три раза.

— На этот раз вам весть должна понравиться. Шарумкен Великий — наместник бога на земле. Ему доступны знания и веления богов. Боги послали ему весть, что теперь верховной жрице можно заключать брак. Но только с тем, кого выберет сам правитель.

— Ну да, боги ему это все лично передали. — Иулана усмехнулась. — Скорее всего, он хочет выдать меня замуж за кого-то важного, чтобы укрепить свою власть. Кого же мой великий отец припас мне в мужья?

— Дело в том, что вашему отцу было предсказано падение империи после его смерти. Но если следующим правителем будет сын главного жреца и храмовой жрицы, то все можно исправить. Из всех дочерей Шарумкена жрицей являетесь только вы, Эни. Так что вы выходите замуж за жреца Энунлаки. И свадьба назначена на месяц пиршества с умершими родичами. Осталось совсем немного времени, чтобы подготовиться. Вам разрешено самостоятельно выбрать блюда, которыми в день вашей свадьбы вы будете угощать предков.

— Я не хочу замуж за Энунлаки. Он старый и мерзкий!

— Но вы же сами говорили перед посвящением, что хотите семью, детей.

— Я хотела сама выбрать себе мужа!

— Дочь великого правителя не должна свои интересы ставить выше интересов империи.

Я поклонился и тихо вышел из комнаты, оставив Иулану наедине с новостью, которая у меня самого вызывала странные чувства. Я привык ходить тенью за ней. Быть ее тенью стало смыслом моей жизни. Когда-то я хотел быть тенью Шарумкена, и свое теперешнее назначение воспринял

не очень радостно. Но виду не показал: кодекс чести воина не позволил. Потом я привык к ней, полюбил ее. А еще я полюбил храм.

Храм находился на Тихой улице и был построен таким образом, что четыре его угла соответствовали четырем сторонам света. Фасад, который возвышался над другими сторонами здания, длинный и глубокий, выходил на юго-восток — место, где по легенде родилась богиня Иштар. Здесь стена храма и наружная крепостная стена сливались в одно. А самой высокой была надвратная башня. С трех остальных сторон между крепостной стеной и стенами здания Храма на Тихой улице тянулся мощный, открытый сверху, коридор шириной в полтора человеческого роста. Вход в него был через жреческие северные ворота. Я любил гулять по этому коридору, рассматривая сверху спящих по своим делам горожан. Там, где коридор упирался в фасадную стену, находились лестницы, которые вели на крышу и на стену с зубцами.

Все здание храма пересекал еще один коридор, тоже мощный, но более узкий. Он соединял самую большую келью (как говорили местные старожилы, келью бывшего жреца) с основными помещениями храма. Теперь в этой комнате было место, где богам преподносили ужин. Коридор вызывал у меня ощущение непонятной тревоги. Как будто еще несколько шагов, и случится что-то плохое. Это странное чувство я никак не мог подавить, поэтому старался не ходить здесь.

Вход в юго-восточную часть храма, посвященного богине Иштар, вел через поперечные сени, довольно просторные и светлые, после которых в свою очередь был мощный проход в квадратный вестибюль с кладовками по разные стороны.

В этих пространствах храма я регулярно пересекался с жрицей, которую я видел в ту ночь, когда подростком молился богам, сбежав из дома. Говорят, эта старуха жила

здесь еще при прежнем жреце. Она была настолько старая, что ее возраст определить было довольно трудно. «Ей уже лет сто», — посмеивалась Иулана. «Столько люди не живут, они же не дерево», — отвечал я ей. Хотя на старое, побитое дождями и ветром дерево, она была очень похожа. От нее шел какой-то холодок, и я мог поклясться, что она как-то странно всегда смотрела на меня пристальным, изучающим взглядом, впиваясь в мои глаза так, как будто что-то хотела понять, но не могла. Я пытался с ней поговорить, но она только мычала в ответ. Все говорили, что она немая. Но я мог поклясться, что слышал ее речь, когда она молилась около главного алтаря и думала, что рядом никого нет. Зачем она притворялась, было непонятно.

К храму примыкал также главный двор для молящихся. В центре его на высоком кирпичном подиуме возвышалась стела, изображающая богиню Иштар с вытянутой вперед и вверх правой рукой со вставленным в нее большим каменным сердцем.

Я опустил руки в бассейн для омовений в углу двора, а потом мимо постаментов и второстепенных алтарей направился к богине Иштар. Я хотел попросить у нее дать мне выдержки и терпения, чтобы устроить все, как нужно. Чтобы свадьба Иуланы прошла по высшему божественному и императорскому разряду, а я отошел от храмовых дел и вернулся к своим привычным воинским. Я просил богиню, чтобы она послала мне славную битву!

Но битву Иштар мне не послала, она послала большие перемены! В день поминовения предков, в день выбора женихов и невест.

Праздник дня поминовения предков настал! В Уруке традиционно это был и день сватовства, когда девушки и юноши выбирали себе пару. Он ознаменовывался пиршеством с мясной едой, которой кормили предков, чтобы они приносили в дом удачу и хороший урожай. Гостей угощали кутьей, сваренной из ячменя. Иногда до праздника сохра-

нялся последний необмолоченный сноп прошлого урожая. Это считалось признаком того, что предки благоволят тебе, и год будет удачным. Но самым важным моментом этого праздника, тем, из-за чего его любили и ждали больше всего, было хождение по домам ряженных девушек и юношей. Они надевали маски, наряжались в страшные и смешные одежды, изображая из себя уродов, горбунов, женщины переодевались в мужчин, мужчины в женщин, пели песни, восхваляющие богов и предков. В этот день можно было творить разные непотребства, пожалуй, единственный день в году, когда целомудренные шумеры позволяли себе это. И если тебе понравился акт любви с переодетым, нужно было дать ему какую-то свою вещь и взять ее. Если симпатии были обоюдными, то в течение сорока дней юноша посылал к девушке сватов, и они договаривались о свадьбе.

В ту роковую ночь все пошло как-то не так. Ряженных в городе было подозрительно много. И весь этот маскарад превратился в бунт. Под масками ряженных и одеждami уродов прятались воины, которые не хотели больше жить под властью Шарумкена. И первым делом они собрались захватить храм на Тихой улице, чтобы убить главную жрицу, несправедно посаженную на место богини, ведь она была дочерью Шарумкена, этого шакала, возомнившего себя наместником бога на земле.

Храм окружили. Я понял это слишком поздно. Отступить было некуда, силы были неравны, ведь при храме было всего около десятка воинов. Каждый из них лично присягнул мне в верности как главному воину этого города. Но этого было недостаточно для обороны. Нас всех очень быстро перебьют. Гонец в Урук, где находился Шарумкен, уже был послан, но пока прибудет подмога, мы будем уже мертвы. Себя мне было не жалко: воину умереть в бою не страшно. А как еще должен умереть воин? Жалко было Иулану, ее еще толком не успевшую начать жизнь. В том, что повстанцам нужна была именно она, я не сомневался.

Чтобы потянуть время, я приказал запереть храм изнутри. Но я прекрасно понимал, что нам осталось не больше четверти часа прежде, чем с той стороны выломают дверь и ворвутся в храм. И хотя я был одним из лучших воинов царя, а мои солдаты очень профессиональны, в таком малом количестве мы не могли противостоять толпе рассвирепевших людей.

Я судорожно думал о том, как сделать смерть Иуланы менее болезненной. Единственный выход — это убить ее самому. Страшно подумать, что могла сделать с ней рассвирепевшая тола. Главное попасть в сонную артерию, она умрет быстро, не почувствовав боли.

Я достал свой кинжал. Иулана вскрикнула, но все поняла. Она подошла ко мне, обняла и поцеловала. «Я готова. Перед смертью хочу сказать тебе, что даже на том свете я буду любить тебя. И если я вновь приду на эту землю, я найду тебя, чтобы быть вместе».

Слезы предательски катились из моих глаз. Было одновременно очень стыдно и освобождающее. Последний раз я плакал, когда мне было 14 лет, и отец в очередной раз заставлял меня лепить горшки, а у меня ничего не получилось. Я тогда поклялся себе, что если у меня не получилось стать гончаром, то я стану лучшим воином империи. С тех пор я участвовал во всех битвах войска царя, и всегда мне не только удавалось выжить, но и проявить себя как бесстрашного и беспощадного воина. Теперь же я стоял и плакал, потому что нужно было убить ту, которую я люблю.

В комнате раздался шорох, как будто мыши пытались что-то прогрызть в подполье. Но это были не мыши. Одна из плит на полу отодвинулась, и откуда-то из под земли показалась та самая старуха, с которой я периодически встречался в коридорах храма и которая была похожа на старое дерево.

— Спускайтесь за мной, я покажу вам выход за границы города, — она действительно не была немой.

Мы вслед за старухой спустились в подвал и шли за ней по коридору, который освещала одна небольшая свеча. Довольно быстро оказались на свежем воздухе. На улице было уже темно.

— Куда нам теперь? — спросила Иулана.

— В Киш. К вашему отцу. По дороге мы скорее всего встретим его войско. У нас нет другого выхода, — сказала я.

— Я пойду с вами. Мне теперь тоже нельзя возвращаться в Урук. — сказала старуха.

Ночь была ясная. Я хорошо ориентировался по звездам, поэтому мне несложно было определить, в какую сторону идти, чтобы добраться до Киша.

Мы шли несколько часов.

— Я устала, очень хочется есть. Давайте хотя бы немного передохнем, я не могу больше идти. — сказала Иулана.

Тогда мы решили сделать привал и немного поспать. Тем более, что от бунтующего Урука мы отошли довольно далеко.

— Всем спать нельзя. Будем меняться каждые два часа. Шесть часов, чтобы восстановить силы, нам хватит.

— Сначала поедим, — сказала старуха, — и вытащила из-под подола большой узелок, в котором были хлеб и вода.

Пока мы ели, она очень внимательно, изучающе смотрела на меня.

— Да, все же это ты!

— Я?

— Сын жреца!

— У меня остались смутные воспоминания из детства о похожем разговоре, но ведь я сын гончара.

— Как звали твоего отца?

— Луштамар. А мать Бити, но она умерла, когда я был маленьким, мне не было еще и 5 лет. Я плохо ее помню. Ты уже задавала мне этот вопрос, давно правда, когда мне было 14 весен.

— На самом деле твоего отца звали Элайя, а мать Ашера. Они зачали тебя в том самом храме на Тихой улице. А Луштамар и Бити — твои приемные родители, Бити — моя сестра. Я лично отнесла тебя новорожденного в ее дом, когда твоя настоящая мать умерла при родах.

И старуха рассказала мне о моей матери, отце и том дне, когда она отнесла меня к приемным родителям.

— Элайя был младшим братом Лугальзагесси, и он из царского рода. Ты — сын жреца из царского рода. Ты должен сесть на трон, иначе Шумер погибнет!

Ашера слушала, раскрыв рот.

— Так значит, я всегда любила не просто воина, а отпрыска царских кровей! Потомка рода, который по знатности выше моего!

На горизонте показались скачущие на лошадях люди. Должно быть, это были воины Шарумкена, спешащие в Урук, чтобы подавить восстание. Иулана обрадовалась: наконец-то ее мучения закончатся. Скоро она окажется в Уруке, поест, выпится. И она обязательно попросит отца, чтобы он разрешил ей выйти замуж за меня. Ведь это не только ее желание, это спасет царство Шарумкена!

Я услышал разрывающий воздух свист. Почувствовал, как липкая кровь потекла по моей шее, стало безумно горячо, и я потерял сознание.

Осмысленный текст опять превратился в собрание букв АГТЦ. Петр вернулся к другой стопке, где был записан код мумии женского пола. Оставалась всего страница.

Я услышала разрывающий воздух свист. Перед моими глазами пролетела стрела и вонзилась в шею Дуду. Он упал, я вскрикнула и бросилась к нему. Я пыталась его обнять и почувствовала что-то горячее и липкое на своих руках. Кровь. Дуду был без сознания.

В это время воины уже приблизились к нам. Они были на лошадях.

Старуха оторвала кусок от своей юбки, чтобы перевязать рану воина. При этом она читала заклинание:

Злой Удуг, изыди из тела странника,
болезнь, страдание, словно вихрь
повергли странника, утопили его в крови.
Этот человек отходит на другую сторону жизни,
и если настал его час, примите его предки,
а если нет, отпустите его душу на землю.

Воины оказались женщинами. В руках у них были большие топоры и какие-то длинные веревки, похожие на удавки. Одна из них нависла надо мной, силой закрыла мне рот и потащил куда-то от лагеря. Я пыталась драться, но воительница крепко держала меня.

Потом меня связали, заткнули рот кляпом и положили как поклажу на лошадь. Со старухой и Дуду сделали то же самое.

Больше ни Иулану, ни Дуду в Шумере никто не видел. Но ходили легенды, что главная жрица Храма на Тихой улице примкнула к женщинам-воительницам, которых еще называли амазонками. А впоследствии возглавила их племя.

Вечером Петр и Маша сидели за симпатичным столиком в новой кофейне под названием «11 зерен», которая была стилизована под этно.

Позвонила мама, Петр извинился и вышел. Мама, как всегда, была некстати. Но сейчас он не мог ей не ответить, все-таки умерла бабушка, и мама, наверное, не в самом хорошем настроении. Петр чувствовал вину перед ней, поэтому не выключал телефон. Мама рассказывала обо всем на свете, и звонок занял не меньше 20 минут. Петр несколько раз пытался разговор закончить, но каждый раз мама просила еще минуточку. В конце концов он сказал, что перезвонит и нажал отбой.

Когда он вернулся к столику, Маша что-то записывала в тетрадку. Увидев его, поспешно закрыла ее, и, улыбнувшись, сообщила, что его горячий бутерброд почти остыл.

В кафе работал телевизор, включенный на канале «Страна-25».

— Немного о ситуации в Соседней Стране. Отмечается беспрецедентная концентрация экстремистов на окраинах Портового города. Боевики ВССС (вооруженных сил Соседней Страны) блокировали все дороги на въездах. По оценкам военных специалистов, в настоящее время в городе может быть сосредоточено до 10 тысяч боевиков-радикалов. По имеющейся информации, широкомасштабная военная кампания наших вооруженных сил по восстановлению контроля над городом должна начаться в ближайшие дни.

Люди с оружием. Пыльные дороги.

На Петра накатила какая-то вселенская тоска, чувство, что он все потерял и ничего нельзя вернуть.

— Знакомая местность. — произнесла Маша, вздохнув.

— Да. — сказал Петр, представив почему-то картину боя Шаррумкена с Элайей.

Маша имела в виду не Шумер. Она раньше жила в Порт-овом городе, а сюда приехала еще до того, как город разнесли бомбы и танки.

Они ели молча, думая каждый о своем. Маша думала, с чего бы начать и как выделить главное в рассказе о том, как она мечтала об этом дне в течение последних месяцев, каждый день найти возможность сказать ему о своих чувствах. А Петр о том, что к сэндвичу как-то мало соуса положили. И лист салата уже немного подвял.

Когда с едой было покончено и официант принес кофе, каждому из них стало понятно, что молчать дальше нельзя и нужно о чем-то поговорить. Хорошо, что у них была обшая работа, поэтому и тема для разговора нашлась.

Петр вызвался проводить Марию до дома, то ли из вежливости, то ли из-за того, что находясь рядом с ней, он чувствовал себя спокойно. Солнце клонилось к закату, но жара не отпускала. К вечеру стало душно, видимо, ночью должен был пойти дождь. Духота заставляла сильно потеть и ощущать липкость своего тела. Но это ощущение давало Петру каку-то приземленность и свободу одновременно. Петр почувствовал, как будто что-то изменилось. Люди уже не были картонными и плоскими, они приобрели объем, но вместе с тем стали распространять разные запахи, и они были очень громкими. Вот прошел молодой человек, от которого за несколько метров исходил приторно мускусный запах, запах на грани фола, а вот пробежал дедулька с приятным еле уловимым залежалым запахом хозяйственного мыла, от какой-то девушки пахло жареной колбасой. Маша пахла лавандой.

Они дошли до дома Маши, она пригласила его войти.

— Извини, может глупый вопрос, — входя в квартиру, сказал Петр, — но я весь липкий, очень неприятное ощущение. Можно я у тебя душ приму?

— Да, конечно, — сказала Маша.

Когда она была на кухне, услышала крик Петра.

— Черт, холодную воду отключили. А я весь в мыле.

— У меня есть пластиковые бутылки, там рядом с раковиной стоят, набранные. Я тебе сейчас ковшик принесу. В тазу разбавь холодную с горячей.

Она постучала, услышала «входите», вошла. Он стоял перед ней совершенно голый.

— Может, ты мне поможешь? — сказал Петр. — Неудобно себе спину из ковшика поливать.

И громко засмеялся.

Она тоже засмеялась в ответ. Много раз она представляла себе сцену раздевания Петра, их встречу. Но то, что она будет смывать с него мыло из ковшика, так как холодную воду отключили, это она ни разу не фантазировала. Смех происходил сам собой, пользуясь их телами. Они не могли остановиться, уже болел пресс, а они все смеялись. Потом Смех резко ушел, и пришел Секс, долгий, плавный и чувственный.

Маша иногда баловалась женскими романами и даже пыталась писать их. Но ей никак не удавались постельные сцены. А что за женские романы без постельных сцен? Раньше не получалось. Но после случившегося получилось. Пока они занимались любовью, текст сам собой писался в ее голове.

«Из ванны они перебрались в спальню. Время замедлило свой ход, и Петру казалось, что Маша тысячи лет целует его, тысячи лет он ласкает ее спину и еще тысячи лет он двигается в ней. Как будто тела, соскучившиеся друг по другу за эти тысячи лет, сливались в одно, создавая общий рисунок наслаждения. Ее стоны были единственным, что его интересовало. Больше ничего не было. Он любил ее в эти минуты так, как никого не любил во время секса. Казалось, что он искал именно это тело тысячи лет, и вот, наконец, нашел. Это тело ему не принадлежало, не принадлежало никогда, не принадлежит ему и сейчас. Но блаженства большего, чем скользить внутри нее, Петр не знал. Желание обладать овла-

дело им через нее. И теперь он скользит внутри нее, затирая истощенные попытки быть вместе».

Когда все закончилось, Петр увидел тетрадку, лежащую на тумбочке возле кровати. Эта была та самая тетрадка, в которую она что-то записывала, когда он вошел в кафе после разговора с мамой.

Стихи.

— Твои? — спросил Петр.

Она кивнула.

— Можно?

— Да.

Петр открыл последнее записанное в тетрадку стихотворение.

— Посвящено тебе, — сказала Маша, зарываясь в его подмышку как мышка в норку.

Помни, стоя на краю обрыва,
Мы с тобой калеки, наши крылья сломаны.
Среди войны, красной грязи стенами
Наши потоки текут теперь мимо.
Мимо друг друга, многими жизнями,
Прикрываясь, словно заборами,
Нелюбовью железобетонною,
Телами несбывшимися, голыми, стыдными.
Я не могу память твою вылечить,
Чтобы ты увидел, как мы, порванные,
Лежим на бранном поле, воронами
Изглоданные подсолнуха семечки.
Когда-то я думала, что была оставлена
Всеми на растерзание варварам,
Пришедшим на мою землю карою,
Испытанием божественным явленным.
Но ты был со мной параллельными линиями,
Воюя с теми же жадными убийцами
И пустыми, страшными лицами,
Разбивая их в кровь другою силою.

Когда я думала, идти бессмысленно —
Все равно в борьбе силы нет уже —
Закрывал меня, не одетую,
Саван света вязал ты мне спицами.
Где ты был четыре тысячи лет адские?
Ведь не здесь и не там. Вне времени?
Под каким ты скрывался именем
И куда спрятал сети рыбацкие?
Не пора ли нам снова встретиться,
Чтоб уйти с того поля бранного?
Сбросить шлемы с чужими забралами.
Вечность дымкою легкою стелется.
Мы в оковах войны, мы связанными
Ею летами, веснами, зимами
Проползли уже многими жизнями
На разорванном брюхе, грязными,
Позабытыми, разворванными!
Пробудись ты, вочеловеченный,
Не ломай больше кости белые
Раскуроченными снова войнами,
Через войны глухими стонами,
Заглушенными, одурелыми.
Нам нельзя на Земле задерживаться,
Она делает нас бешеными
Псами яростными, но ослепшими,
Богом проклятыми и отверженными.
Я твою излечу память,
Только если ты не забудешь
Лик свой истинный, если сможешь
Сохранить, на войне не оставить.

— Ты не представляешь, как точно ты передала все, что со мной происходит.

— Представляю, — тихо сказала Маша. — Ты останешься со мной?

— Да, я останусь с тобой. Но сегодня мне нужно вернуть-

ся домой: бабушка умерла, маме пока сложно быть одной. Завтра мы обязательно встретимся на работе. И потом еще и еще. Я останусь.

Он встал с кровати, оделся.

— Ночь быстро закончится, и мы будем вместе. — сказал он, закрывая за собой дверь.

Когда Петр выходил из подъезда, ему казалось, что не было никаких шаманских обрядов, встречи с Человеком в капюшоне. Было только ощущение тепла обычной земной девушки, которая любила его здесь и сейчас, телом. Он был почти счастлив, ему было просто хорошо. И только в голове крутилась мысль:

Я твою излечу память,
Только если ты не забудешь
Лик свой истинный, если сможешь
Сохранить, на войне не оставить.

ГЛАВА 10

Петр стоял перед дверью маминой квартиры, вспоминая, куда положил ключи. Ключей он не находил: ни в карманах, ни в рюкзаке. Видимо, они выпали из брюк, когда он был у Маши. Он повернул ручку в надежде, что мама, как это часто бывало раньше, забыла запереть дверь. Так и оказалось — дверь была не заперта.

Петр перешел порог, споткнулся о веревку. Почувствовал резкую боль в области ключицы, из маленькой раны потекла кровь. В этот момент Петр прямо перед собой увидел разинутую пасть чудовища. Поняв, что это какие-то шаманские штучки, он бросил в пасть зверя висевшую над дверью подкову. Дверь захлопнулась, чудовище исчезло. Петр почувствовал слабость.

— Черт, что это за хрень? — молодой человек увидел медведя, который прошел по коридору на кухню.

Почувствовав сильную жажду, с полки возле двери он взял бутылку с яблочным соком. Открыл крышку, уже собрался пить, как в голове услышал голос Человека в капюшоне.

— Не пей. Это моча с опасным ядом, снадобье, которое поразит тебя слепотой, так что остаток жизни ты будешь бродить во тьме.

Из кухни вышел Георгий, держа в руках маленький лук-самострел.

— Он сделан из останков погибшего на войне бойца. Легкие самострелы не могут убить, они применяются для

определения величины шамана. Хотел посмотреть, насколько велик твой дар. Ты очень силен. Но я тоже обладаю огромной силой.

— Где мама? Что ты с ней сделал?

— Ничего. Она просто спит в соседней комнате, проспит до утра, а утром встанет, свежая и отдохнувшая.

Петр побежал в спальню и увидел маму, мирно спящую на кровати.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он Георгия с раздражением.

— Хочу, чтобы ты сделал правильный выбор. Темные шаманы сильнее светлых. Если ты будешь со мной, мы вместе многое сможем. Я обладаю разными умениями, которые тебе пригодятся.

— Почему я должен тебе верить?

— Смотри.

Георгий вял из сахарницы кусок сахара-рафинада, положил себе на правую ладонь, уставился на нее, сконцентрировал свою силу, подул, сахар исчез. Потом он выставил левую ладонь, пристально на нее смотрел несколько секунд, и кусочек сахара появился на ней.

— Забавно. Не знал, что ты фокусами промышляешь. Ты еще ложку взглядом согни для полного эффекта! — иронизировал Петр.

Георгий, не поняв до конца шутку Петра, вытащил из кармана амулет с человеком-рыбой, положил на стол.

— Кажется, ты что-то потерял в лаборатории. Но оно без тебя не работает, я пробовал.

— Как ты это украл у меня, мы же вообще с тобой не виделись с того самого дня, когда встретились в больнице, чтобы меня подкупить?

— Я ничего не крал у тебя, ты забыл это на столе в лаборатории. Амулет мне отдал охранник, а ему принесла уборщица. Я было уже обрадовался, такой предмет силы мне бы сейчас пригодился. Но вот незадача, без тебя это просто ста-

рый сувенир. Ты в курсе, что ты можешь перевернуть мир, пользуясь этой штукой?

— Я не хочу переворачивать мир, он и без меня с этим неплохо справляется.

— Что ж ты такой упрямый? Я тоже таким был в молодости. Ну да ладно, это даже хорошо — многого добьешься. Хоть один из отпрысков удался, второй оказался тряпкой.

Не переводя взгляда, Георгий внезапно бросил в Петра амулет. Петр поймал его на лету. Черный шаман набросился на него, и они, вцепившись друг в друга, начали кататься по полу.

— Дерись, покажи на что ты способен! — хрипел Георгий.

Петр отвечал на удары. Еще и еще, но тот уклонялся. В драке Петр понял, что Георгий сильнее, чем могло показаться по его внешнему виду: сухой пожилой мужчина невысокого роста. Неточное движение Петра, и Георгий его обездвигил, связав материализовавшимися из ниоткуда веревками. Сел рядом. Петр пытается высвободиться.

— У тебя не получится. Это магические веревки. Правда, ты можешь применить свой природный шаманский дар, которым ты пользоваться почему-то не хочешь. Хоть Виктор и старался над тобой. Он плохой учитель, видимо. Я научу тебя лучше.

— Вы что, заодно? — отдышавшись, с ненавистью спрашивает Петр.

— В каком-то смысле да. Так что? Рассказать, зачем тебе переходить на сторону темных?

Петр не ответил.

— Хочешь собственный остров в океане? А может нобелевскую премию по химии? Будешь самым молодым номинантом. Ну же? Ты же тщеславный, считаешь себя лучше других! Может быть, это и так: ты лучше других. Я тебе помогу.

Петр молчал, пытаясь сосредоточиться, чтобы сбросить магические веревки.

— И ты же ищешь свободы. Белые тебе не дадут ее с их вечными правилами и сплошным лицемерием. Только в темном мире тебя ждет свобода, ты можешь быть самым собой без оглядки на всяких в капюшонах. Свобода, за которой ты гоняешься безуспешно уже 4 тысячи лет. Дуду не был свободен, а Шарумкен был. Кто теперь знает об этом Дуду? А о Шарумкене пишут до сих пор. Я свободен, а ты нет. Пока не свободен.

— Не заливай про свободу. У тебя тоже ее нет. Ты служишь тьме.

— Я не служу ей, у нас, как это модно сейчас говорить, коллаборация.

— Я знаю, чем за твою коллаборацию платят невинные люди, такие, как Элеонора, Офелия, Андрей и тысячи других.

— Эти идиоты сами виноваты в своих страданиях. Ах, да, ты ж у нас добренький, моральный. Так вот, если ты оставишь все, как есть, пострадает много людей. Мы с тобой при желании можем закончить спецоперацию в Соседней Стране, хочешь? Хочешь помочь тысячам маленьких девочек и мальчиков?

Перед глазами Петра появляются образы, в которых он видит раненых и убитых детей, детей, зовущих маму, детей, лишившихся рук и ставших инвалидами.

— Видел? Это все происходит прямо сейчас! И ни один белый не может это остановить. А что если это началось не без их участия?

Ужасные кровавые картины перед глазами Петра сменяют одна другую.

— Прекрати мне это показывать! И что я должен делать, как я должен перейти на твою сторону?

— Я не чувствую в твоём поле энергии согласия. Что ж, я тебе еще покажу, что ждет твоих друзей.

Петр видит на экране перед собой Элеонору и Андрея, они одеты в военную форму Соседней Страны. Происходит

взрыв. Ударной волной их отбрасывает, сотни осколков разлетаются в разные стороны и изрешечивают их тела. Петр видит лицо Эллы, окровавленное, с застывшим стеклянным взглядом. Андрея, лежащего недалеко от нее, с оторванными конечностями, лицом, искаженным болью.

— Это то, что ждет твоих друзей. Но ты можешь все исправить.

— Ерунда. Они не могут быть бойцами Соседней Страны. Они сейчас в Городе и не собираются воевать.

— Жизнь так устроена, что в ней случаются удивительные вещи. Это то, что ждет твоих друзей, поверь мне. Они сами выбрали эту линию судьбы, таков их контракт. Белые шаманы не могут повлиять на контракты душ других людей, а черные могут. Пока еще не поздно!

Петр, который все это время пытался использовать энергию колеса, чтобы прокрутить магические веревки с красного сектора на черный, где они гниют и не держат, высвободился. И, сосредоточившись на энергии перехода из зеленого маленького круга в центре в большой синий вонне, вмазал Георгию так, что тот отлетел на несколько метров.

Георгий встает, вытирает кровь с уголка рта.

— О, сынок, ды ты уже кое-что можешь. Молодец. Чему-то тебя Виктор научил. Я научу больше.

В его руке образовался огненный шар, который он пускает в Петра. Тот отклоняется, и шар разбивает окно. Стекла разлетаются на мелкие осколки.

— А твоей матери все же стоило поставить пластиковый стеклопакет. Но она всегда была дурой!

Петр набрасывается на Георгия с ножом для разделки мяса, который сушился на мойке. Нож начинает светиться красным светом. В два прыжка молодой человек оказывается на Георгии, обездвигивает его, приставляет нож к горлу. Нож продолжает переливаться красными токами.

— Я не боюсь тебя, слышишь!

— Тогда убей меня, чего ты медлишь?

— Нет, сукин сын. Живи в аду на земле и смотри на свои мерзкие дела. И не смей трогать моих близких. Понял?

— Хорошо ли это, сын мой, что ты отпускаешь меня? Убей меня, и ты станешь одним из самых мощных темных шаманов. Обмажь меня тем снадобьем, что ты хотел выпить, а затем убей ножом.

— Нет, мне достаточно, что ты уже никогда не сможешь жить так, как прежде, зная, что есть я. Ты все время будешь дрожать, как теперь. Пошел вон отсюда.

Петр встал с него, нож перестал светиться. Георгий поднялся, отряхнулся, молча подошел к двери, вышел за порог, закрыл дверь с обратной стороны.

Сев в машину, он даже не удивился, когда обнаружил, что с заднего ряда сидений на него смотрит Человек в коричневом капюшоне.

— Давно же мы не виделись, — сказала существо.

— Да, прошло уже 27 лет. Я сделал все, как надо. Но пошло не по плану.

— Это был план А. Есть еще и план Б. Я вас ни в коем случае ни к чему не принуждаю, можете оставить все это дело. Но если хотите победить в этой битве, то нужно убить Виктора.

— Это ваш план Б? Я сделаю это с удовольствием. Надо все подготовить.

— Боюсь, Большие долго ждать не смогут. Мы и так провалили все сроки. Все должно произойти сегодня, пока Петру в этой жизни не исполнилось 27 лет. Завтра уже будет поздно.

— Что я должен делать? И как смерть Виктора может помочь раскрыть сущность Петра, перетянуть на нашу сторону?

— Ты же в курсе, что в его земном теле два отцовских ДНК: твое и Виктора? Так вот, условия игры таковы, что тело влияет на то, что происходит с душой. Влияние Виктора биологически такое же сильное, как и твое. Надо уничто-

жить его, так ты сможешь душе Петра исполнить свой контракт. Делать надо следующее: поставь самострел на выходе из роддома, где сейчас дежурит Виктор, вымани Виктора оттуда. Если самострел его не убьет, то весьма ослабит. И когда ты с ним начнешь драться, его силы будут уступать твоим.

— Хорошо.

Гергий оглянулся назад. На заднем сидении никого не было. Он взял телефон, написал сообщение: «Пришло время финальной битвы. Жду тебя ровно в полночь на левом берегу Большой Реки, координаты прилагаю».

«Пришло время финальной битвы. Жду тебя ровно в полночь на левом берегу Большой Реки, координаты прилагаю», — прочитал Виктор, сделав вечерний обход рожениц в своем отделении. У него не было никакого желания биться с этим придурком. Имелись дела поважнее. Нужно сначала обучить Петра всему, что он знает сам.

«Я не принимаю твой вызов. Всех благ, Гоги». И только он собрался нажать на кнопку «отправить», как увидел перед собой Человека в коричневом капюшоне.

— Вы? Чем обязан честью?

— Ты знаешь, что Георгий только что чуть не убил Петра?

— Нет. Странно, почему я ничего не почувствовал?

— Да, это действительно странно. Неужели ты начинаешь терять свой дар?

— Может, он переходит Петру?

— Нет. Тут что-то другое. Но ты должен помочь своему сыну выиграть битву с темным миром. Без тебя он не справится.

— Что я могу сделать?

— Убить темного шамана Георгия. В Петре два ваших ДНК, это раздирает его между темными и светлыми. Это ослабляет его. Он должен перейти на нашу сторону. Темный

шаман сделал тебе вызов, прими его! Ты же знаешь, мы на твоей стороне. Мы поможем тебе. Убить этого шакала не составит труда. Ты действуешь по правилам. Пришло время платить по счетам. Только нужно Петра во время вашей битвы поместить в место силы, коим для тебя является этот роддом.

— Я все понял. Сейчас позвоню ему. — сказал Виктор и отправил Георгию сообщение «Вызов принят».

Человек в коричневом капюшоне исчез, а Виктор в окно увидел огонь, медленно поднимающийся в небо. Он набрал Петра:

— Сынок. Ты в порядке?

— Уже да, — ответили на той стороне.

— Тебе угрожает опасность. Приходи ко мне в роддом. Тут ты должен побыть до утра, пока я не вернусь.

— А ты куда собрался?

— Да есть одно дело к Георгию. Приходи, жду.

Когда Петр пришел в родильное отделение Центральной городской больницы, Виктор уже был в полной готовности. В руках он держал боевой чемоданчик, где находились атрибуты шамана, а также посох, который, как позже узнал Петр, был сделан из полового органа моржа.

В дверь постучали. В ординаторскую зашел молодой человек.

— Это Артур, ординатор. Если что случится, кто-то начнет рожать, он знает, что делать. А мне надо торопиться. Дождись меня.

— А я не пустой пришел, — радостно возвестил Артур. — Благодарные родственники роженицы подогнали.

И он достал из пакета бутылку дорогого коньяка и коробку конфет.

— Ты тут поаккуратней. А то вдруг придется роды принимать. Хотя вряд ли. Я сделал обход, рожать никто пока не планирует. Надеюсь вернусь быстро. — прокомментировал Виктор.

Когда он ушел, Артур достал из шкафчика две рюмки, налил и протянул рюмку Петру.

— Ну, за знакомство! — и опрокинул коньяк в глотку.

— Я сегодня не буду. У меня был тяжелый день. Я лучше почитаю.

— А что тут читать? Тут только руководства по родовспоможению и гинекологии. Поверь, это не заменит порно, — он засмеялся. — Я тогда сам расслаблюсь.

Артур явно хотел расслабиться по полной. Он выпил уже половину бутылки, развлекая Петра байками из своей врачебной и студенческой жизни.

— Ты знаешь, как тебе повезло с бате́й! Он такой крутой! Мы про него легенды слагаем. Я вот даже стишок сочинил. Хочешь послушать?

Петр кивнул. Артур порылся в своем рюкзаке, достал тетрадный лист, исписанный мелким почерком, и уже прилично заплетающимся языком начал декламировать:

Баллада об акушере-гинекологе.

Жил на свете добрый малый —
То ли врач, то ли шаман.
Акушер был, гинеколог,
Первым он детей встречал.
В городском родильном доме
Он работал, жил и спал,
И три раза на неделе
На дежурство заступал.
И хоть был он матершинник,
На работе выпить мог,
Становился все сильнее
К нему рожениц поток.
У него рожали даже,
Если как-то не моглось
У других врачей хороших,
У него же родилось!
Вот бывает: лезет малый

Попой, а не головой —
Наш шаман все там поправит —
Вылезет малой живой.
Ручки, ножки, глазки, ушки
Осмотрел, благословил.
По Апгару 10 баллов
У него любой ловил.
Заступая на дежурство,
Брал шаманский реквизит:
Небольшой шаманский посох,
Он на поясе висит.
Получил он тот давненько,
Когда шел учиться в мед —
Х*й моржовый нех*ровый
Дал ему в подарок дед.
Дед по маме был шаманом,
Тоже он людей лечил,
Травами да заклинаньем.
Сильным он шаманом слыл!
Х*й моржовый — мощь и сила!
В нем защита — потряси!
Он энергию здоровья
Собирает на оси.
В общем много нашаманил
Доктор городу детей.
На тот свет он отправлялся,
С договором до чертей.
Если духи вдруг хотели
Жизнь младенца отобрать,
С ними мог договориться
И младенца отшептать.
Выпил, богу помолился
Про того, что не жилец,
С Нижним он договорился —
Отпустили наконец.
Но, а если так случилось,

И судьбою смерть была,
Он не спорил с Духом Смерти,
Он вниманье отдавал.
Что за чудо, этот доктор?
В чем его суперталант?
Настоящий гинеколог,
Он всегда, друзья, шаман!

— Ну, за Виктора!

Артур выпил еще одну рюмку, потом еще и еще. Пока бутылка не закончилась.

— О, уже почти 12, — сказал он, — надо баиньки. А то завтра на обход в 6.30 вставать. А ты че, спать не будешь?

— Да я Виктора дождусь.

— Окей. Только я верхний свет выключу. Там лампа на столе есть, ей пока пользуйся. Ты если че там, буди меня. Упал на диван и через пару минут захрапел.

В это время Виктор уже был на левом берегу Большой Реки. Там его поджидал Георгий, в месте, где вода стекает в преисподнюю и где встречаются потоки темных и светлых сил.

Самострел, поставленный Георгием, чтобы ослабить Виктора, не сработал. Когда тот выходил из больницы и шел по тропинке к калитке, которая вела через задний двор на улицу, он прошел всего в миллиметре от веревки, растянутой темным шаманом. Самострелы Георгий готовил заранее, делая их с любовью, не торопясь. Это было его хобби.

В самострел вместо лука была встроена энергия молодого бойца. Благо, таких сейчас имелось достаточно — любой солдат, стрелявший и попавший, подходил. Для этого лука шаман выбрал мощного парня под два метра ростом, который служил в странной армии, принимал участие в спецопе-

перации на территории Соседней Страны, и в тот момент готовился к обстрелу войск Соседней Армии. Молод, горяч, кровь с молоком — то, что нужно для лука. Стрелой служил другой молодой человек, который по сути своей был прекрасным резонатором, он чувствовал эмоции других людей и хорошо ориентировался в коллективе, знал, кому, что и когда сказать. Обязательным условием было то, что части самострела уже убивали. У таких есть проходы в нижние миры. Именно это и нужно было Георгию. Тетивой стала женщина средних лет. Тут ему подошла Ольга, руководитель лаборатории, наша старая знакомая. Она убила кучу мышей и других подопытных животных. У убийства людей, конечно, больше энергии. Но можно взять и количеством. Курок делался из молодой женщины. Это была очередная любовница Георгия, которой еще даже 25 лет не исполнилось. Та сделала уже несколько аборт, а это энергетически тоже убийство. Хорошо, что очень любила деньги. Это делало ее еще более уязвимой. Через деньги шаман сейчас и заполучил ее энергию. Всего для полного комплекта требовалось шесть человек. Еще двое — это его водитель, который отсидел за убийство в молодости, и партнер по бизнесу, причастный к парочке заказных. Обязательным условием были личные связи шамана с частями самострела.

Так как тайное оружие сооружалось на астральном плане, то сами «детали» даже и не подозревали, что их используют в подобном качестве. Привлекалась только их невидимая внешне энергия и жизненная сила. Правда, в случае промаха все они погибали. Поэтому Георгий редко пользовался таким самострелом: личные связи, да еще с людьми, которые убивали, были в его биографии хоть и не очень редки, но все же конечны.

Как и положено самострелу, он устанавливался на дорогах, по которым ходил противник. Еще и поэтому было важно выманить Виктора из роддома, на выходе из которого он специально натянул поперек тропинки бечевку. Когда

Виктор выйдет и порвет эту веревку, самострел сработает, и он будет поражен. Это, скорее всего, не убьет шамана такого масштаба, но точно ослабит. Нужно только выманить его из роддома, который для него был местом силы. Еще при настройке самострела, как и на обычной охоте, важно натянуть бечевку на высоте холки его тотемного животного. Веревку необходимо настроить надлежащим образом на «калибр» шамана. Обычные люди и маленькие шаманы просто бы прошмыгнули своим астральным телом через веревку, поскольку она для них слишком большая, не задев ее и ничего не почувствовав. А слишком великий перешагнул бы и не заметил.

Настроенные самострелы могли ждать сколько угодно долго, пока не происходил выстрел или их не разряжал сам хозяин. Если же хозяин умирал раньше, то самострелы так и оставались на дорогах во взведенном состоянии. Уцелевшие после давних шаманских войн самострелы караулят теперь уже случайную добычу, постепенно расстраиваясь и энергетически мельчая. Так что рано или поздно туда может попасть обычный человек. Тогда он заболевает, долго хворает, и, если не обращается к шаману, то в конце концов умирает. Такое случается нередко на дорогах обычных городских улиц.

Белым шаманам выставлять полевой самострел было нельзя. Это нарушало правило, которое запрещало нанесение ущерба, если ты не обороняешься. Игнорирование правила могло стать причиной лишения шаманской силы.

Для ответственного боя у Виктора, как и у любого сильного белого шамана, хранилось три стрелы, сделанные из костей тотемного животного, в данном случае из костей моржа. В энергетическом мире он хранил их в астральных ушах, которые слушали происходящее в горнем мире, и общались все своему хозяину. В реальном мире эти стрелы он держал в своем сундучке в шкафчике в ординаторской с другими важными аксессуарами, такими как, например,

посох, сделанный из окаменевшего полового органа моржа. Родильный дом был его стихией, он защищал его своими энергиями, был местом силы. Стрелы он хранил бережно, так как потеря стрел не возмещалась, и до сего момента пользовался ими только один раз, 27 лет назад, когда ушел из секты «Дети неба».

Виктор использовал ее против главного гуру секты. Он объяснял это себе тем, что у него не было другого выбора, если бы он не убил основателя секты, тот бы убил не только его, но и Галину, которая тогда вынашивала Петра.

Стрелы посылают в противника посредством лука, который шаман должен был сам себе смастерить. Лук у него тоже хранился в шкафу в ординаторской. При попадании в цель каждая стрела причиняет смерть. Но в равного себе или более сильного шамана Виктор никогда не стрелял, поэтому не знал, как он сработает, если стрелу пустить в Георгия, и каковы будут последствия. Но с собой он его прихватил.

Кроме стрел в арсенал Виктора входили маленькие треугольные железки, раньше их было 9, но теперь осталось только 4. Да, некоторые пришлось отдать на благое дело, ради хороших людей, которым угрожала опасность во время родов. Железки посылались в пасть тотемному животному, чтобы оно не смогло причинить смерть, насланную каким-то шаманом. Применялись они совместно со специальным магическим заклинанием, благодаря которому животное ощущало дикую жажду и проглатывало этот треугольник, не имея сил сопротивляться темной всепоглощающей жажде. Животные проглатывали металлические треугольники вместе со спрятанной внутри гибелью. Если умирало тотемное животное, то его хозяин лишался силы и своей высшей защиты.

Оба шамана обладали большой силой. В поединке, который им предстоял, они почти не участвовали физически, но участвовали их астральные тела и духи-помощни-

ки. У Виктора помощником был Морж, а у Георгия — Медведь.

Морж — очень древнее животное, появившееся миллионы лет назад. Северные народы почитали моржа как близкого родственника человека и делали ему подношения в виде молока, прежде чем отправиться на охоту. Бездонные глаза моржа, как ворота в другие измерения, открывают путь познания через глубины священной воды. Морж связан прежде всего с творческим течением, плавностью воды, эмоций и сновидений. В этом тотеме — безграничные созидательные энергии, которые оживляют сны, делают зыбкой границу между мирами, помогают найти божественное и применять это во внешнем мире.

Медведь — опасное и мощное животное, он многое дает своему хозяину, но и многого требует. Древние люди говорили о том, что шаманы, имеющие своим воплощением медведя, ненасытны, им всегда мало. Сколько бы не добывал шаман-человек, зверь не дает покоя своему хозяину.

Шаманы не выбирают тех животных, которые им служат, они сами приходят к своим двуногим двойникам.

Над рекой сгустились тучи. Гремел гром — надвигалась гроза.

Верхнюю часть туловища Виктор обмотал веревкой от гарпуна, но так, чтобы руки остались свободными, волосы скрутил в узел, высоко засучил рукава, сжал в зубах кусок кожи моржа и стал бормотать: «Морж, отец наш, помоги мне в бою, следуй везде за мной. Открой свои очи для великой битвы».

Его охватила ярость. Как настоящий морж, он рычал, хрюкал, лаял, свистел, скрежетал зубами, щелкал языком.

Когда Георгий в образе медведя приблизился к нему, морж схватил его и потащил в реку. Они боролись в реке. Ге-

оргий пытался вытащить Виктора на берег. Вода была не его стихией. Это ему все же удалось.

На берегу черный шаман ранил белого обычным ножом. После чего черный достал гнилушку, фигурку в форме человечка, которую он сделал из кожи мертвеца. Прикоснувшись гнилушкой к кровоточащей на руке ране Виктора, поднял фигурку вверх и закричал:

— Я приношу этого человека, Виктора, белого шамана, тебе в жертву, Великий Молох.

После этих слов он обмотал гнилушку нитками и начал сечь фигурку тонким хлыстом, материализовавшимся из ниоткуда.

Виктор лежал, со связанными руками и ногами, кричал и не мог пошевелиться. А на его теле проявлялись следы от плети, которой Георгий стегал человечка-мертвеца. Черный шаман бросил фигурку в огонь, и белый стал покрываться язвами. Когда он дополз до воды, упал в нее и, казалось, начал тонуть, вокруг послышался колокольный звон, от которого черный шаман начал глохнуть.

Виктор высвободился из пут Георгия, набросился на противника.

Мужичок, ловивший рыбу неподалеку, услышал рычание, хруст веток. В бою, судя по звукам, участвовало несколько разных животных. Он не мог понять, что за силы сцепились во тьме, но только видел, что двое, схватив друг друга за горло, катались по земле и яростно сражались. Приглядевшись, рыбак увидел страшную картину: морж борется с медведем.

— Еп твою мать, допился, старый. — произнес вслух очевидец странного боя, перекрестился и пустился наутек.

Шум борьбы около реки между тем стих. Но сражение не закончилось. Оно продолжалось на уровне непроявленной реальности. Это был бой в лабиринте.

Внешнее пространство замерло, а внутреннее дребезжало, еле сдерживаясь от того, чтобы не распасться.

Георгий и Виктор сейчас стояли на входе в лабиринт, каждый со своей стороны.

Два шамана: черный и белый — одновременно сделали каждый по шагу и вошли в лабиринт. За Георгием шел медведь, занимая собой все пространство узкого коридора, за Виктором полз морж, перебирая своими лапами. Эти двое бросили вызов друг другу. Каждый из них понимал, что началось главное испытание в их жизни.

Сложная система коридоров, комнат и переходов была такой запутанной, что без проводника практически невозможно было найти выход оттуда. Можно было туда не входить, но тогда это было бы признанием своего поражения.

Лабиринт был зеркальным. Георгий и Виктор видели свои многочисленные отражения и отражения отражений, и уже непонятно было, кто из каких Георгиев и Викторов проходят это испытание.

Они шли дальше. Свет погас. Воцарился абсолютный мрак, но иногда загорался свет, и шаманы в зеркалах видели не свои отражения, а других людей, в жизни которых они приняли участие.

Георгий положил руку на правую стену от входа в лабиринт. Шел и водил ею вдоль стены в качестве ориентира. Он двигался вперед, прочь от выхода, пока не наткнулся на тупик. И тут он увидел перед собой тех людей, которых он использовал для изготовления самострелов. За свою жизнь он сделал уже несколько десятков самострелов, поэтому жертв набралось немало — его орудия не всегда били точно в цель. Он видел моменты смертей каждого из них в зеркале, как будто это был фильм, поставленный на перемотку. Автомобильные катастрофы, смерть от скоростной болезни, ссоры с поножовщиной — все это было дело рук Георгия.

Медведь зарычал, а Георгий отправился дальше.

Через стену от него двигался Виктор. Он прижался к левой стене и шел вдоль нее через перекрестки и вокруг тупиков. Загорелся свет. Он увидел тупик. Дальше хода не было.

В зеркалах вокруг себя он видел месиво из зародышей человека на разных этапах развития. Нерожденные дети — результаты абортотв, которые Виктор делал женщинам, решившимся не давать жизнь, зародившуюся внутри них.

Снаружи лабиринта пошел сильный ливень, его шум эхом раздавался в ушах, становясь невыносимым. Виктор инстинктивно закрыл уши руками и заорал, морж вторил ему.

Георгий понял, что пришел не туда, надо разворачиваться и искать другой выход. Чтобы не запутаться, он вытащил из кармана клубок с нитками, которые использовал для изготовления самострела. Ниток могло не хватить, он не знал, какого размера лабиринт, поэтому отрывал их маленькими кусочками и бросал на пол. Дошел до поворота. Рядом с одним из зеркал вспыхнул огонь, и Гергий увидел, как в зеркале показали мальчиков и девочек из бедных семей, которым он оплатил учебу в лучших вузах страны. Он учредил фонд для одаренных детей, и десятки ребят уже стали взрослыми. Зеркало разделилось на две части. С одной стороны оно показывало нынешнюю жизнь этих детей, которые уже выросли, стали учеными, спортсменами, инженерами, учителями, делая этот мир немного лучше. С другой стороны — то, что ждало бы этих детей, если бы они не пошли учиться: нищета, проституция, преступность. Эти выросшие уже люди смотрели на него, улыбались и говорили ему «спасибо».

Слева темный шаман увидел свет и завернул за угол, почувствовав, что выбрал нужное направление. Медведь одобрительно рыкнул.

Виктор тоже дошел до своего зеркала со знаком «+», где он увидел сотни детей, которые родились благодаря ему. Его всегда вызывали на самые сложные роды, на которые шаман непременно брал свой посох из органа моржа. И все получалось. Дело было, конечно, не только в посохе, но и в глубоком интуитивном ощущении, что и когда сделать, а также в сонастройке с духом Жизни.

Коридор наполнился зеленым светом, и Виктор свернул направо. Морж издал негромкий колокольный звон. У мужчины в кармане был красный мелок, которым он на доске дежурств отмечал отработанные дни. Он нарисовал крестик на полу лабиринта и пошел дальше.

В это время Георгий увидел в зеркале свою жену, мать Андрея, ее лицо было в синяках, за ней стояла Офелия с ножом в груди, за ними еще разные женщины, жизни которых испортил Георгий. Он буквально питался женщинами, они давали ему силы, поддерживали и возрождали его. У него не было раскаяния, это был его способ жить. Раздалась какофония женских голосов, среди которых он слышал некоторые фразы: «Ты убил меня», «Ты сделал меня тенью», «Я потеряла себя». Большая настенная лампа над зеркалом стала быстро мигать красным светом, зеркало со звоном треснуло, по нему пошла паутина осколков.

«Это тупик», — крутилось в голове Георгия. Он вернулся назад, чтобы найти другую комнату, через которую можно будет продолжать свой путь.

Виктор в небольшом расстоянии от Георгия вглядывался в зеркало, в котором сначала ничего не было, но потом появился немолодой уже человек в белом халате. Шаман узнал в нем бывшего главврача родильного отделения, которому Виктор помог сначала уйти из Центральной городской больницы, а потом из жизни. Он его не убивал, но при помощи своего дара поспособствовал тяжелому заболеванию, от которого мужчина быстро скончался. Виктор потом назначили главврачом. Но устранил он мужчину не потому, что хотел власти, а потому, что тот не только был коррупционером, но и принимал такие решения, которые довело родильное отделение почти до полного краха. Воровство процветало до такой степени, что иногда не находилось элементарных препаратов для рожениц. Виктор был уверен, что сделал тогда все правильно. Красный цвет продолжал мигать, бывший главврач в зеркале громко сме-

ялся, разинув рот, а потом исчез, и на зеркале опять ничего не отражалось. Морж повизгивал.

Георгий стоял в комнате, куда привел его медведь, он просто пропихнул его туда своей мордой. В зеркале появился символ научно-исследовательского института, который был основан стараниями Георгия. Там работали люди, получали хорошую зарплату и делали полезное дело. «Gen ↘↗». Институт со стороны напоминал хорошо слаженный муравейник, работающий, как часы. Власть и сила черного шамана помогли в чистом поле выстроить не только это здание, но и современный парк, самый красивый и уютный в городе.

Морж привел Виктора к зеркалу, в котором белый шаман разглядел родильное отделение, где он работал. Это было лучшее родильное отделение в городе, с хорошо подобранным и добросовестным персоналом. В зеркале начали светиться графики: отношение младенческого смертности к выжившим деткам, лучшие показатели не только в городе, но и в целом по стране. Не раз в его родильное отделение приезжали журналисты, чтобы осветить такой феномен. И, конечно, он никогда не рассказывал им о том, что во многом таких результатов ему помог добиться его шаманский дар.

Свет погас. В темноте Георгий уже не мог разобрать, куда ему нужно идти, был он тут или нет, он просто ходил, а медведь брел за ним. В одной из комнат свет опять включился, и в зеркалах он увидел сотни людей, задыхающихся, покрывающихся коростами, с распухшими ногами, синими язвами. На поверхности зеркала пульсировали разные химические форумы. Биооружие. Испытания. Что ж — необходимые для науки жертвы.

Миндалины черного шамана начали распухать, тело стало покрываться язвами. Он упал на пол, скорчившись, перекатылся от одной стены к другой, пока к нему не подошел медведь, чтобы вылизать его. Через какое-то время раны

начали проходить, воздуха стало хватать. Георгий полз дальше.

Он дополз до следующего зеркала, осветившегося огнем. Тут он увидел выздоравливающих. Вот сотни людей лежат под капельницами, а потом встают, ходят, живут. Формула вакцины от коронавируса, которую делали в его институте и которая спасла жизни тысячам людей, пульсировала и светилась, как новогодняя гирлянда.

— Сколько это может продолжаться? Что ты от меня хочешь? — крикнул он.

Но ответом ему было молчание.

Виктор тоже продолжал свой путь. В следующем зеркале он увидел лица людей, которые уже почти позабылись, лица, которые он регулярно видел 27 лет назад и которые принадлежали людям, бывшим когда-то его семьей. Вот Алена, а это Дмитрий. А это сам Алексей, глава секты «Дети неба». Он всех сдал. Кого-то посадили, кто-то отделался легким испугом. Секта — это плохо.

Сейчас эти люди смотрели на него злыми глазами, вытаскивая его душу. «Ты никого из нас не предупредил, ты всех сдал». «А я вообще умер в тюрьме», — прошипел Алексей. «Наши беды на твоей совести». «Да, — подумал Виктор, — можно было сделать все с меньшими жертвами, но я тогда был молод и боялся». «Ты хотел власти, поэтому ты это сделал», — услышал он из ниоткуда низкий голос, отражающийся от зеркал и звучащий как из стереоколонок.

Потом Виктор услышал еще один голос, более высокий, похожий на женский, но с нотками искусственности, как бывает, когда слушаешь аудиокниги, озвученные роботом: «Посмотри сюда». И перед ним появились разные люди в шаманских одеяниях. «Их всех ты обучал, благодаря тебе, они раскрыли свой дар» — продолжал голос.

Перед Виктором появилось зеркало с тысячами коридоров, в зеркале чьи-то губы шептали:

— Мир представляется читателю игрой теней в вечной пьесе повседневности Бога. Тень моих движений покоится на тени печатных страниц, тень чернил течет по тени бумаги.

Перед Георгием чья-то невидимая рука писала кровью на гладкой поверхности зеркала:

— Страх, боль, отвращение — это все способствует отмазыванию времени, создавая вселенский мусор, ненужную сущность. Корректоры убирают его, но с каждым днем мусора становится все больше. Мегатонны писательского мусора, через который читателю пробираться все сложнее. Если таких дел станет больше, то книга захлопнется.

Виктор и Георгий стояли спинами друг к другу, их темные животные смотрели вперед, готовые броситься. Оба обернулись. Посмотрели друг другу в глаза. Черные поглощали зеленые, растворяясь в них. Их взгляды, устремившиеся в вечность, слились в одно общее.

Во всех зеркалах темный и светлый увидели Петра, стоявшего к ним спиной и читавшего книгу. Изображение молодого человека повернулось, потом начало размываться. По зеркалу пошла рябь. Образ Петра, пульсируя, увеличивался, пока не остался один большой глаз, смотрящий на шаманов. Зрачок в глазу расширялся, в конце концов занимая все пространство в зеркалах, пространство, похожее на черную дыру, засасывающее материю.

— Большие? — прошептал Виктор.

— Мы увидели слишком много, — добавил Георгий.

— Петр — Большой?

— Теперь уже слишком поздно, мы уже причинили достаточно вреда друг другу.

— Мы никогда не покинем это место, мы навечно останемся здесь.

Раздался взрыв. Все зеркала разлетелись на тысячи миллионов осколков, застывших в небытие.

Петр стоял в ординаторской перед стеллажом, листал очередную учебник по родовспоможению, это начало увлекать его. В какой-то момент он почувствовал, что на него смотрят. Он прервал чтение, так как никак не мог отделаться от этого ощущения, которое буквально пригвоздило его к тому месту, где он стоял.

Раздался взрыв.

Звук падающей на кафель стеклянной посуды.

— Ой, разбила кружку. Теперь убирать надо, — услышал он женский голос в коридоре.

В ординаторской на диванчике спит пьяный Артур. Дверь в комнату приоткрыта.

Из соседней комнаты, где обычно отдыхают санитарки, раздается громкий голос:

— Че ты тут ходишь — будишь всех?

— Да живот сильно тянет, схватки чаще стали. К доктору бы мне. Кажется, я рожаю.

— Так тебе кажется или ты рожаешь?

— Откуда я знаю, — измученный и немного раздраженный голос женщины. — Это у меня первый раз. Живот болит.

— Понаедятся всякого, потом у них живот болит. Иди спи. Схватки ты ни с чем не перепутаешь.

— Может, мне все же доктора?

— Ладно, давай в смотровую, я сейчас доктора позову.

Девушка поплелась в конец коридора. А Петр услышал настойчивый стук в дверь.

— Доктор Рыбаков не вернулся? — спросила санитарка, пожилая женщина невысокого роста, похожая на тумбу.

— Нет.

— Плохо, там роженица на подходе. Скоро родит.

— Может, ей показалось? — с надеждой в голосе произнес Петр.

— Да какой показалось, я тех, кто вот-вот родит уже по одному виду узнаю. Работаю тут уже двадцать пять лет. А этот что? — показывает санитарка на спящего мертвецким сном ординатора Артура.

— Спит.

— Буди его. Иначе роды придется тебе принимать.

— Да вы что, я никогда этого не делал. Я вообще не врач. Я биолог.

Санитарка закрыла дверь и пошкандыбала в смотровую.

Петр попытался поднять Артура. Он тряс его, бил по щекам, брызгал водой. Но тот открывал глаза, буровил что-то непонятное и опять проваливался в сон. Ничего не помогало.

— Еп твою мать, Артур! Женщина рожает, вставай!

— А... че? Раскрытие... какое? — вроде бы сказал, что-то вразумительное.

— Да откуда я знаю, какое раскрытие.

— Два пальца, пусть спать идет. — сказал Артур и опять захрапел.

Петр понял, что этодохлый номер. Взял телефон, набрал Виктора, шли гудки, но трубку никто не брал. Он надел белый халат и отправился в смотровую.

На кресле в полулежачем положении находилась молодая женщина с огромным животом, который уже сильно опустился.

Он подозвал санитарку.

— Артур не поднимается, Виктор не берет трубку, надо вызывать на подмогу кого-то из соседнего отделения.

— Ты что? Нам всем тогда крышка. Доктора Рыбакова могут уволить. Я боюсь даже подумать об этом. Придется нам с тобой роды принимать. Это не тяжелый случай. Сама родит, постоишь рядом да покомандуешь, когда ей тужиться, когда дышать.

— Я не знаю. Я только у кошки как-то роды принимал. А как рожают женщины даже не видел.

— Не ссы, парень. Ты же сын своего отца. Все получится. Я тебе, если что, подскажу. Мне нельзя, она уже видела меня раньше, что я убираю в палатах, будет подозрительно, если я буду выдавать себя за врача. А ты вполне подойдешь. Тебе, кстати, очень идет белый халат!

Женщина на кресле тихо постанывала.

— Надень перчатки и посмотри на сколько пальцев у нее раскрытие.

Петр начала лихорадочно вспоминать картинки из учебников по гинекологии, которые он просматривал, пока сидел в ординаторской. Когда он подошел к женщине и засунул ей во влагалище пальцы, то думал, что упадет в обморок от всего происходящего. «Тихо, Петр, соберись, — шептал он себе под нос. — У тебя все получится, сконцентрируйся. Вспомни, чему учил тебя Виктор, вспомни шаманское колесо. Попроси у сектора Весны помочь тебе», — звучал его внутренний голос.

— Четыре пальца. Вы скоро родите, — сказал он женщине, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы та не увидела, что ему страшнее, чем ей.

В этот момент на Петра что-то брызнуло, как из фонтана. Вода. Воды! Петр стоял в мокром халате.

— Вы похожи на Ниагарский водопад, — пытался пошутить Петр. — А мне, похоже, надо переодеться.

— Так, клизму уже не успеем сделать. Надеюсь, ты не ужинала, — сказала санитарка. — Быстро в родовую.

— Зачем? — спросила женщина.

— Как зачем? Рожать! Ты ж не в санаторий приехала. — ответила санитарка.

— Ну я как-то не готова, и вообще это как-то все быстро, может, все обойдется.

— Не обойдется, дите назад не залезет! Давай без разговоров, иди в родовую.

— Вам помочь? — спросил Петр, подавая ей руку, чтобы она слезла с кресла.

— Сама дойду, — героически ответила женщина и поко-
выляла, как утка, в родовую.

А Петр пошел переодеваться в ординаторскую. «Хотя бы халат заменить», — подумал он.

Когда он зашел в ординаторскую, Артур по-прежнему спал. Он увидел, что на телефон ему кто-то звонил. Андрей. Петр взял трубку.

— Привет! Слушай, не могу говорить, перезвоню. Ты куда пропал?

— Надо встретиться, я хочу попрощаться. — услышал он знакомый голос друга.

— Да, завтра обязательно встретимся. Во сколько?

— Петр, я уже через пару часов уезжаю. Надо встретиться прямо сейчас. А что ты сейчас делаешь?

— Эээ, — протянул Петр, — роды принимаю.

В трубке молчание. А потом Андрей спросил:

— И как успехи?

— Ну, у меня такое ощущение, что женщина согласилась на добровольный фистинг и потом мощно фонтанировала на меня околоплодными водами.

— А где ты? — спросил Андрей.

— В ЦГБ.

— Я сейчас приеду. — и отключился.

А Петр услышал, как в родовой раздавались не то стоны, не то крики, и увещевания санитарки.

— Потерпи, дыши, вот так. Сейчас доктор придет.

Родовая, куда вошел Петр, хорошо освещалась искусственным белым светом. Комната была очень большой, квадратов на 70. Также там стояли два родильных стола, Петр теперь знал, что такой стол назывался «кроватью Рахманова». По внешнему виду это было обычное гинекологическое кресло, только размером побольше. В случае необходимости стол мог легко трансформироваться в кровать, так, чтобы после родов женщина могла вытянуть (не протянуть) ноги. У этого нехитрого приспособления были спе-

циальные ручки, похожие на вожжи. Около каждого родильного стола стояли лампы бокового освещения. Перед одним из окон, которые сейчас были открыты, так как летняя жара не отпускает даже ночью, особенно перед грозой, а кондиционеры в родильных под запретом, стоял письменный стол.

Также тут был шкаф с медикаментами и хирургическими инструментами. Рядом с ним приютился передвижной стол акушерки на колесах, на котором в стерильных лотках были разложены инструменты, медикаменты и растворы для принятия родов. Около стены — пеленальный столик особой конструкции и вешалка для подушек с кислородом, а также кушетка, на которой роженицы дожидались момента, пока «головка не покажется».

Петру было неловко в этом месте, и он задал вопрос рожавшей женщине:

— Что вы чувствуете?

— Доктор, а вы точно гинеколог, а не психотерапевт? — попыталась пошутить женщина. — Что я чувствую? Мне п**дец как больно. У меня это в первый раз.

— У меня тоже, — сказал Петр.

Роженица подозрительно смотрит на него, потом начинает выгибаться, кричать, скулить. С нее градом течет пот, ее трясет.

«Хоть экзорцистов вызывай», — подумал Петр.

— Обезбольте меня! Есть же у вас что-нибудь!

Санитарка принесла какие-то таблетки, дала девушке. Та на какое-то время успокоилась.

— Что вы ей дали? — спрашивает Петр.

— Плацебо. Помогает в родах хорошо.

Петр гладит девушку по руке, смотрит ей в глаза, улыбается, говорит, что все будет хорошо. А про себя молится, чтобы это было действительно так.

— У вас руки такие теплые, доктор, и глаза волшебные. Скажите, я же не умру, правда?

— Правда. Не умрете. Вернее умрете... когда-нибудь, но не сейчас, а через много лет, когда будете уже старой. Вижу вас с палочкой, сидящей на лавочке.

Женщина засмеялась.

— Это вы мне так зубы заговариваете?

И опять застонала, но уже тише. Через несколько минут она испуганно посмотрела на Петра.

— Кажется, лезет!

Петр взял ее за руку, и довел до родильного кресла. По-мог взобраться на него.

— Кто их только придумал, эти родильные кресла? Это ж неудобно! Женщине, у которой между ног головка ребенка телепается, забираться на такое высокое сооружение! — с возмущением прокомментировал Петр.

Санитарка посмотрела на него, как на идиота:

— Доктор, щас тужиться будем!

Петр почувствовал, как холодок побежал у него по спине. И обратился к роженице:

— Кричать громко собираетесь?

— Не будет она кричать. Тужиться не больно, после схваток это как на прогулку сходить, тут уже главное — следить, чтобы младенец хорошо вышел! — сказала санитарка.

Женщина напряглась и начала тужиться. Петр командовал ее движениями, сам удивляясь себе.

— А теперь еще раз! Давай, молодец, как у тебя хорошо получается! Еще! Умница!

— Я не могу, он застрял! — простонала роженица.

— Да не говори глупостей, — сказала санитарка, — он хорошо идет. Все, как надо. Голова пролезла — все пролезет! Просто нужно еще поднапрячься. Давай, сосредоточься. Ну!

В открытое из-за жары окно начал кто-то лезть.

— Что это за новости! — с удивлением в голосе произнесла санитарка. — Папаша что ли?

И навалилась на роженицу.

— Давай, тужься.

Петр обернулся. В окно лез Андрей.

Женщина заорала, а потом закричал младенец! Санитарка подхватила его, скомандовала:

— Пеленку дай, там на столе. Хороший пацан, крупный вышел!

Петр подал ей пеленку. Она завернула младенца. Вручила Петру в руки специальные хирургические ножницы:

— Режь.

— Где? — спросил Петр.

Она передала младенца Андрею, который уже стоял рядом. Сжала пуповину специальным жгутом.

— Вот тут, чуть ниже этого жгута.

Петр обрезал. И почувствовал, как волны счастья и облегчения прокатились по всему его телу. Как будто он сам родил.

— Пойдем, папаша, ребенка обмыть надо. — сказала санитарка, обращаясь к Андрею.

Андрей пошел за ней.

— Я вообще-то не папаша.

— Меня ваши половые трудности не волнуют, — бросила она с легким тоном укора, — дите помыть надо.

Когда акушерка принесла малыша и приложила его к груди матери, Петру показалось, что ребенок улыбнулся ему. Он посмотрел новоиспеченному человеку в глаза, в бездну смыслов, которые пока не растеряны, и сказал:

— Этот ребенок будет очень удачлив.

Положил ему руку на головку и почувствовал, как через него проходят токи жизни. Ребенок издал довольный звук и продолжил сосать грудь.

— Пойдем покурим, — сказал Андрей, стоящий за спиной Петра.

— А ты что курить начал?

— Да, с такой жизнью не только курить начнешь.

Андрей курил, Петр смотрел на огонек тлеющей сигареты.

— Куда ты пропал? — спросил Петр друга.
— Хотел побыть один на один с собой, понять, что я и куда мне дальше.
— Понял?
— Кажется, да. Я уезжаю сегодня.
— Куда?
— На войну. Похоже, это единственное место, которое мне сейчас подходит.

— Ты серьезно?
— Вполне. Передай Эллочке, что если я вернусь, мы обязательно начнем новую жизнь. И вот это ей еще передай.

Андрей протянул Петру небольшую коробочку из обычной картонной бумаги, которая раньше была красного цвета, но теперь вся истрепалась и выцвела.

— Это все, что осталось от моей матери, единственное, что я успел спрятать. Остальное отец выбросил, когда она утонула. — продолжил Андрей.

Петр с интересом посмотрел на коробочку.

— Там кольцо моей мамы. Она его получила от своей мамы, а та от своей, словом, семейная реликвия.

Андрей вглядывался в темноту.

— Ты хоть за кого воевать пойдешь? — спросил Петр.

— За любовь. Мне пора.

Андрей обнял друга и ушел. Он шел по тропинке, которая вела к калитке, выходящей на задний двор. Неуклюжим движением он задел самострел, выставленный его отцом, но ничего не почувствовал, просто пошел дальше. А 6 человек умерли, каждый по-своему, в разных местах. В одного попала пуля, другой подорвался на mine, у третьей оторвался тромб, четвертую сбил пьяный водитель, пятый неудачно упал, ударившись виском об угол металлического стола, шестой повесился.

Петр смотрел уходящему другу вслед, пока тот не слился с темнотой.

ГЛАВА 11

Петр проснулся от того, что кто-то его тряс за плечо. Он заснул на стуле, за ординаторским столом.

— Эй, дружище! Просыпайся. Тебе нужно сваливать отсюда. Сейчас уже все придут. Будет много вопросов.

— Виктор не вернулся? — спросил сонный Петр.

— Нет его. Я у тебя хотел спросить, не звонил ли он ночью? Я уже его набирал. Он не отвечает. А ты не в курсе, куда он пошел?

— Нет. Но попробую его поискать.

— Давай! Если что, я на связи.

— Да уж, знаю я, как ты на связи. Ночью не мог тебя добудиться. Пришлось роды принимать.

Петр выпил чаю, заваренного из пакетика, и отправился на поиски Виктора. Он попробовал ему позвонить, но тот трубку не брал. Связавшись с Машей, он узнал, что Георгий тоже не появлялся в институте. Нужно было найти Виктора, но с чего начать он не знал. Похоже, придется выйти на связь шаманским способом. Не факт, что это увенчается успехом, но стоит попробовать.

Петр зашел в круглосуточное кафе, заказал кофе с марморовым кексом, и пока жевал, искал в интернете обряды по соединению с людьми на расстоянии или хотя бы приемы, как при помощи ясновидения ищут людей. Он открывал страницу за страницей, но наткнулся только на разного масштаба бредовый околوماгический мусор. Расплатившись, он вышел из кафе, погруженный в мысли о том, что

даже его начальный уровень в теме магии и шаманства давал понять, как много в интернете людей, называющих себя шаманами, а на самом деле являющихся сумасшедшими.

Наверное, он это сказал вслух, потому что услышал мужской голос рядом:

— А ты уверен, что ты сам не сумасшедший?

В последнее время Петр не удивлялся никаким голосам, особенно звучащим в его голове. Но этот был настоящий. Бомж, который только что копался в мусорном баке около кафе, смотрел на него хитрым взглядом.

— Не узнаешь меня? — спросил он, складывая в свою сумку пустые бутылки.

— Нет. Мы знакомы? — удивился Петр.

— Короткая у тебя память, девичья, даром что мужик. На остановке я денег просил, ты мне дал. Я тебя еще провожал, ты к пассивной своей торопился. Кстати, как она?

— Умерла. — коротко ответил Петр, припоминая тот день, когда он встретил бомжа, день, когда он нашел Офелию мертвой, и вся его жизнь перевернулась с ног на голову.

— Ну бывает, — безэмоционально прокомментировал мужчина.

— А правду говорят, что вы, бездомные, очень наблюдательные? Все знаете, что в городе на вашем участке творится?

— Ну правда. Что ж нам еще делать? У нас времени много. Торопиться никуда не надо, вот мы все и подмечаем.

— Может, ты знаешь доктора вот из этого роддома? — Петр указал рукой по направлению ЦГБ. — Виктор Рыбаков зовут. Мужчина в возрасте, с бородкой.

— А то как же не знать! Его тут все знают. Он регулярно мне бутылочку покупал, часто разговаривали мы с ним о том да о сем. Вчера видел, как он ночью торопился куда-то. Такси подъехало, он и уехал. С ним посох был. А ты сын его? Видно это, глаза у вас похожие.

— А ты не заметил, куда он поехал?

— Нет. Такси по проспекту вниз поехало, а там кто его знает, куда дальше.

— Жаль. Я ищу его. Телефон не отвечает.

— А ты не суетись, парень. Город послушай. Он сам тебе все расскажет, если ты научишься с ним разговаривать. Мы, бездомные — самые любимые дети города. Полностью от него зависим, потому он нас и любит. Хочешь, тебя научу город слушать?

— Как-нибудь в следующий раз, мне Виктора найти надо.

— А я тебя для этого и научу. Пойдем. Здесь недалеко во двориках лавочка есть, присядем.

Петр сел на лавочку, бомж рядом.

— Закрой глаза. Расслабься. Посиди вот так просто, прислушиваясь к запахам, звукам города.

— Мусоркой несет, — поморщился Петр.

— Это от меня, не отвлекайся, — усмехнулся бомж.

Так они сидели какое-то время, мимо ходили люди, лаяли собаки, трезвонила сигнализация на машине. Петр слышал, как город с ним разговаривал, но пока не понимал его языка.

— Не торопись. Просто задай вопрос. Не требуй — уважай город, — сказал бомж.

Петр увидел, как из подъезда, рядом с которым они сидели, вышел молодой человек в очках. В руках у него был рюкзак, из которого торчали скрученные наспех свертки и старые фотографии.

— Да, я знаю, что в июле из-за жары у нас экскурсии на два часа раньше. Я уже вышел, буду с минуты на минуту. Ну как где? Сегодня же на левый берег экскурсия.

Молодой человек прошел мимо лавочки, бомж встал, пошел за ним, задел его рюкзак. Свертки выпали, фотографии разлетелись в разные стороны.

— Ой, извините, — с сожалением, но и удовлетворением произнес бомж, — я в последнее время подслеповат стал, не заметил вас.

Молодой человек, выругавшись, начал собирать фотографии. Петр вызвался помочь ему, поднимая разбросанные снимки, и увидел, что на всех было изображено одно и то же место на левом берегу Большой Реки, неподалеку от моста.

— Кажется, я понял — радостно вскрикнул Петр, вручив оставшиеся на земле изображения моста молодому человеку.

И побежал в сторону проспекта, который вел к мосту через Большую Реку.

Парень в очках смотрел ему удивленно вслед, а бомж махал рукой и кричал:

— Привет Виктору!

Когда Петр оказался на том месте, которое было изображено на фотографиях, он сначала обратил внимание, что многие кусты сломаны, земля разрыта, а некоторые деревья вырваны с корнями, как будто именно в этой точке прошел ураган.

Через пару минут, в кустах он нашел обоих шаманов: Гергий и Виктор лежали неподалеку друг от друга и еще дышали. Он вызвал скорую, забрал лежащие рядом гнилушку и посох и до приезда скорой удалился. Звонил он с телефона Виктора, который нашел рядом с хозяином.

Петр почувствовал, что ему нужно что-то закончить, но что и как, не понимал. Возможно, то действие, которое не завершили шаманы. И это действие нужно было совершить при помощи атрибутов его шаманов-отцов. Но тут явно нужна была помощь — сам он до сих пор не очень хорошо понимал в ритуалах. Надо найти кого-то, кто мог бы ему помочь в этом.

И тут он вспомнил об Ирине, его первой девушке, которая училась на философском факультете и уже тогда занималась разными практиками, которые она называла регрессивным гипнозом. Это, конечно, не совсем шаманство, но она могла ему помочь хоть как-то с этим разобраться. Он не видел ее уже 10 лет и не знал, чем она сейчас занимается,

хотя был почти уверен, что свои регрессивные штучки она не бросила.

Ирина ответила сразу и, почти ничего не поняв из сбивчивой речи Петра, пригласила его к себе лично обсудить все вопросы, благо ее рабочее пространство находилось недалеко, на улице Приречной, в старой части Города на правом берегу.

Когда Петр оказался у Ирины, он отметил, что им постоянно кто-то мешал. Во время разговора в комнату, где они сидели, заходила собака, маленький черный цвергшнауцер, показывая хозяйке, что хочет погулять, забегали дети, которые говорили, что им скучно, муж, искавший свои инструменты.

— Вы что, здесь живете все? Ты же вроде говорила, что ты тут работаешь.

— Ну да, на втором этаже живем. На первом я работаю.

Петр показал ей шаманские атрибуты. Она посмотрела на них, закрыла глаза.

— Я не шаман, а регрессолог. Могу тебя ввести в транс, в пространство между жизнями или в другую жизнь. Не знаю, как тут могут пригодиться твои штуки. Подожди, у меня есть старая книга, мы ее нашли среди ненужного хлама, когда купили этот дом и приводили его в порядок. Пойду ее поищу.

Она открыла дверь и заорала наверх:

— Сережа, сделай Петру чай на наших особых травках. Не заставляй гостя ждать, — и удалилась.

Когда она вернулась, Петр уже пил чай и внимательно рассматривал пространство вокруг.

— А у тебя тут все серьезно.

— Ну а что ты хотел? Я уже не та студентка, которой была 10 лет назад. Серьезная женщина: ипотека, муж, дети, собака и настоящие магические книги.

— Нашла что-нибудь?

— Да, тут описывается один шаманский транс, в котором используется атрибуты черного шамана, белого шамана

и какой-то предмет из одной из прошлых жизней погружаемого в транс. Но имей в виду, я буду делать такую работу в первый раз. И, судя по описанию, это тебя погрузит куда-то очень глубоко. За последствия я не ручаюсь. Если готов экспериментировать, то поехали. Чай выпил?

Петр кивнул.

— Молодец, детка. Ты всегда был хорошим мальчиком. Прости, что я тогда ушла, не попрощавшись. Сегодня пришло время возместить тебе моральный ущерб. Я сделаю все от меня зависящее.

Петр вспомнил, как он еще долго страдал, когда Ирина его бросила, сказав, что он какой-то непонятный, неинтересный и вообще слишком молод. Ей тогда было 23, а ему 17. Это вспоминалось, как старый сон. И он не был уверен, что хотел бы быть на месте Сережи, который приносил клиентам Иры чай и выгуливал собаку. С Ирой по-другому нельзя было. Либо ты полностью ей служишь, либо пошел вон. Она, видимо, тогда это тоже поняла. Сейчас это все уже не важно. Гораздо важнее было то, что Петр сегодня наконец завершит всю эту историю с шаманами.

— А, кстати, дружок, я поздравляю тебя!

— С чем? — не понял Петр.

— Видимо, ты действительно сейчас в большой запарке. У тебя же сегодня день рождения. 27 лет!

Со всеми этими событиями Петр забыл о своем дне рождения.

— Пусть наш транс будет тебе подарком! Знаешь, в дни рождения случаются всякие чудеса.

— Надеюсь, сегодняшнее чудо меня не сведет с ума.

— Да ладно. Прорвемся, не ссы. Вон диванчик, ложись на него и глаза закрывай.

В дверь постучали. Не дождавшись ответа, с той стороны ее открыли. Это был муж Ирины, Сережа.

— Ира, прости, пожалуйста, но у меня очень важный вопрос. Собаку на стрижку на который час записывать?

— Сережа, мать твою! Ты что не видишь, я работаю! Закрой дверь с обратной стороны. И не беспокой меня, пока я сама не выйду.

В приоткрытую дверь забежал черный цвергшнауцер.

— И собаку забери, Сережа!

Муж Ирины виновато закрыл дверь. А потом написал сообщение:

— Скажи, это важно! На сколько собаку записывать?

— На 16.30 — ответила Ирина, и выключила телефон.

Потом повернулась к Петру. — А ты почему глаза до сих пор не закрыл?

Она начала транс, перед этим разместив у изголовья Петра три вещи: гнилушку, моржовый посох и амулет с человеком-рыбой.

— Я буду считать от 27-ми до одного в обратном порядке, а ты — медленно погружаться в транс. Каждая цифра соответствует твоему возрасту, называя ее, я буду освобождать тебя от опыта того года. Когда мы дойдем до нуля, точке твоего зачатия, ты погрузишься в глубокий транс, в тот момент, когда душе пришел зов, что ей нужно воплотиться.

27.

Сейчас ты представишь себе лестницу. От земли в небеса простирается великолепная прочная массивная золотая лестница. Эта лестница олицетворяет твою жизнь. Ты стоишь на ступеньке 27. Вот тебе 27 лет, 26 лет, 25 лет. Все глубже и глубже, с каждым шагом ощущение покоя.

24, 23, 22, 21, 20, 19, 18. Приходят воспоминания, разные, приятные и не очень. Я не знаю, какие это воспоминания и с чем они связаны. Возможно, еще чуть-чуть нужно подождать, но они придут обязательно. Когда придут воспоминания, продолжай оставаться в этом расслабленном состоянии покоя и просто освободи мышцы рта, губ, языка, освобождаясь от своего тела.

17,16,15,14,13,12. Продолжай спускаться.

Ты оказался на ступеньке, где тебе 11,10,9,8. Ты можешь физически чувствовать, как меняется твое тело, или просто наблюдать за этим.

7,6,5,4,3,2. Оставь сознательный контроль, пусть приходит спонтанно то, что приходит.

И ты движешься дальше в прошлое.

1,0. Лестница заканчивается, последняя ступенька, сейчас ты плавно, как на лифте, погружаешься глубже и оказываешься в том моменте, когда ты еще не родился, но уже находился в животе своей матери.

И потом ты плавно перемещаешься в тот туннель, коридор, который соединяет настоящую жизнь с другим пространством, пространством между жизнями. Туда, откуда ты пришел. С каждым моим словом освещенность будет увеличиваться, после темноты появятся сумерки, потом свет станет все ярче, выход увеличивается, свет становится слепящим, и ты вылетаешь из туннеля.

Ты там, куда все мы уходим после смерти, между жизнью и следующей жизнью. Ты уходишь из земного плана.

Твоя душа поднимается вверх или вниз, ты переходишь в то самое пространство-время, где решается судьба твоих воплощений, и того, в котором ты находишься сейчас, тоже.

Сейчас слушай очень внимательно. Ты видишь яркий белый свет, нисходящий сверху прямо в макушку твоей головы. Увидь его, почувствуй, как он становится реальностью. Аура из чистого белого света, излучаемая из ниоткуда и везде. Она всеохватывающая. Ты ощущаешь себя восходящим на уровень Сверхсознания.

Ты в другом мире.

— Дай мне вон ту пробирку, а то я, кажется, переборщил с количеством воды на квадратный километр. Сейчас их снесет всех на хрен, — с раздраженной сосредоточенностью произнес человек в рабочей форме голубого цвета.

— Ты там поаккуратней. Нашему отделу уже два выговора было за последние сто миллионов. Еще один, и нас заставят опять следить за уникальностью снежинок и размерами песчинок.

— Пипец, скучная работенка. — произнес еще один, выше, в форме такого же цвета.

— Да ты сам сядь и попробуй все точно рассчитать, когда приборы сломаны. И что этот отдел починки оборудования тянет? — злился еще больше первый.

— Эй, ребята, хватит спорить. Не отвлекайтесь, — вмешался человек в желтом рабочем костюме. — А то будет как в тот раз, когда вы ругались и не туда направили метеорит, который впоследствии уничтожил динозавров. А мы их так долго делали, они были прекрасны.

Яркий белый свет слепил, Петр зажмурился. Когда открыл глаза, обнаружил себя в комнате с искусственным освещением в помещении, в которое вело 4 двери, расположенные по направлению 4-х сторон света. Пространство перед дверьми было окутано туманом разных цветов: с северной стороны белого цвета, с южной — красного, на западе — черного, на востоке — желтого. Помещение представляло собой большой зал в форме полусферы, диаметром около 100 метров. Пол был белым, и когда Петр на него ступал, то не ощущал твердой поверхности под ногами, как будто что-то просто фиксировало его. Это не мешало ходить, а наоборот, делало ходьбу легкой, не нужно было прикладывать никаких усилий для передвижения. Потолок был сферический, сделанный из серого металла.

Вдоль стен стояли какие-то машины, похожие на терминалы. Было их всего 7: каждый терминал выполнял свою функцию. На них были экраны, которые проецировали в пространство перед собой картинки с объемным звуком. Рядом с терминалами расположились длинные производственные столы, за которыми сидели люди, одетые в рабочую форму такого же цвета, что и терминал перед ними. Все цвета радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. К двум из семи терминалов были прикреплены шлемы, их использовали для того, чтобы прочесть мысли людей или животных, проецируемых экраном. Шлемы имели металлическую обшивку и соединялись с терминалом проводами, похожими на золотые полупрозрачные нити.

Ко всем приборам были приставлены столики, на которых располагались клавиатуры и пульт с кнопками. Столики висели в воздухе и могли перемещаться выше или ниже в зависимости от роста того, кто перед ними оказывался. Возле каждого столика стояло большое мягкое кресло, вращающееся и изменяющее угол наклона.

Одна из стен была занята большим экраном, тоже сферической формы, на нем постоянно менялись картинки, изображающие разные процессы на планете Земля: животные, люди, природа.

В центре машинного зала располагалась платформа. Это был летательный сферический аппарат, напоминающий то, как люди изображают летающие тарелки. Его диаметр был около 10-ти метров, а посередине находилась дверь-слайдер, к которой была приставлена лестница, похожая на трап.

— Вау, — присвистнул Петр, — так значит, НЛО не выдумки.

Когда он это сказал, эхо усилило звуки его голоса в несколько раз.

Инженеры, сидящие за своими столами, обернулись и уставились на пришельца.

— Э, куда я попал? — спросил Петр.

— Это машинный зал, — раздался голос человека, входящего через белую дверь. — Ты как тут вообще оказался?

В говорящем Петр узнал Человека в коричневом капюшоне, с которым он уже много раз общался.

Инженеры продолжили работу и как-то притихли. Петр слышал шепот о том, что «опять проверка, кто-то снова на-косячил, видимо, по-крупному, так как Капюшоны посещают машинный зал крайне редко».

Петр прислушивался к шепоту и с интересом вглядывался в происходящее вокруг.

— Я вообще не пойму, что тебе здесь нужно? Люди сюда обычно не попадают. Ума не приложу, как это тебе удалось. — Человек в коричневом капюшоне перешел на еле слышный шепот.

— Да я сам ничего не понимаю. Мы тут с Ирой транс замутили. Видимо, что-то пошло не так, как должно было. А тарелка настоящая?

— Пойдем отсюда, — Человек в капюшоне грубо взял Петра под локоть и увлек за собой через дверь с белым туманом в коридор.

Вокруг царил полумрак, только легкое красноватое сияние, которым светился сам воздух, позволяло ориентироваться в пространстве. Коридор, по которому шли Человек в Коричневом Капюшоне и Петр, был как будто вырублен в скале. Он то сужался, то расширялся в зависимости от движений рук идущих: если руки расставить, стены расходились, если держать вдоль тела, сужался. Петр попробовал подпрыгнуть — потолок подпрыгнул вместе с ним. Они шли, коридор как будто поднимался вверх. И Петр ощутил, что его начало немного придавливать, как бывает, когда быстро едешь в лифте вверх на большой скорости.

Через несколько десятков шагов они уперлись в тупик, который начал вибрировать, в нем появилась дверь, откуда высунулся Человек в красном капюшоне.

— Вы можете идти, Служитель, — обратился он к Человеку в Коричневом Капюшоне. — Он ко мне.

Указал на Петра.

Служитель нажал на коричневую кнопку, находящуюся в левой части коридора и растворился. Красный капюшон грубо увлек Петра за собой в кабинет, где было много стеллажей с папками. На большом массивном столе, находящемся посередине комнаты, валялись разные бумаги, отчеты, бланки. Человек в красном капюшоне взял одну из бумажек со стола, сунул ее в лицо Петра.

— Это вот что такое? Сколько можно вас покрывать? Я уже не знаю, что сказать Издателю. Мы вас всем отделом пытаемся отмазать. Вышли уже все мыслимые и немыслимые сроки. Если прямо сейчас не объяснитесь, я вынужден буду обратиться к Издателю с просьбой разорвать с вами контракт, несмотря на то, что именно вы начали наш проект.

— Какой контракт? — с недоумением спросил Петр.

— Вы еще и издеваетесь! Снимите вы уже это тело, тут оно вам зачем? Это даже неприлично, я вам скажу, разговаривать со мной, находясь в теле. Я так жалею, что согласился на сотрудничество с вами. Никогда такого не было. Вон ваши коллеги как справляются! Посмотрите сюда!

Он вручил Петру изображение Иисуса Христа.

— Это Иисус Христос, сын Божий. Основатель христианской религии. — пытался как-то разрядить атмосферу Петр.

— Это ваша коллега написала! Сын Божий! Прекратите уже паясничать. Мало того, что она справилась в два раза быстрее остальных. Это был просто бестселлер. Теперь ее все так и называют в отделе — Кристи. А сколько фанфиков и подражаний породил этот роман! Вот сейчас она уже заканчивает второй том. Даже наш неповоротливый лентяй, Фуци Кон, все написал, что обещал. Сколько миллиардов существ прочли его «Поднебесную»! И сейчас трудится, вот половину следующей книги сдал мне на доработку. А вы?

Вы начали 4000 лет назад, в отличие от них. Раньше всех в нашем отделе! И не только книгу не написали. Я даже приличных черновиков от вас не видел. А как хорошо начинали! Шумер, Шарумкен, Элайя, красиво же получилось! Вы, конечно, очень талантливы, но сроки тоже надо соблюдать. И где вы были земные 4000 лет? Вы хоть понимаете, сколько на вашу командировку ресурсов ушло?

— Я ничего не понимаю. Это мое тело, может, не самое лучшее, но оно мне нравится.

— Так... — человек в красном капюшоне постукивал костяшками пальцев по столу.

— Потом взял прибор, похожий на фонарик, подошел к Петру и начал светить тому в глаза.

— Давай, приходи в себя, не помнишь что ли? Ты Большой, Писатель.

— Большой?

— Ну люди называют Больших Богами. Бог ты в общем.

— Тот самый? — Петр указал пальцем наверх.

— Ну не ТОТ САМЫЙ, Больших много. ТОТ САМЫЙ, Издатель, его никто из нас не видел, только слышал. Ты начал свой новый проект, роман, еще 4 тысячи лет назад по земным меркам. Взял в свою команду еще Писателей, меня в качестве Редактора. А потом потерялся, и вот только сейчас проявился в новом теле. Мы тебя искали всем отделом.

— А ты кто?

— Редактор, Писатели приносят мне свои труды на разных этапах перед выходом в печать.

Он взял еще один прибор, похожий на тонометр, только с экраном, напоминающим планшет.

— Руку дай. Померяю тебе уровень человечности в крови.

Петр протянул ему руку.

— Да уж, хм. Уровень человечности зашкаливает. Удивляюсь, как ты вообще сюда попал, с таким УЧ! Похоже, ты подсел на проживание человеческих жизней.

Петр все еще смотрел на него с удивлением.

— Ты понимаешь, что ты человекоман? Это может быть опасно не только для тебя, но и для всего твоего окружения. Теперь становится ясным, зачем ты утащил на землю Человека-рыбу. Нужна была новая доза человечности.

Редактор устало садится в кресло.

— Я должен провести тебе детокс, я сделаю это для твоего же блага!

Он нажал на кнопку прибора, похожего на телефон, только с большим экраном, наклонился к нему и scomандовал:

— Принесите мне, пожалуйста, набор для детоксикации.

Через несколько минут в кабинет зашел человек в желтом капюшоне, отдал красному капюшону небольшой чемоданчик и перед тем как выйти, что-то шепнул ему на ухо.

Красный ответил вслух.

— Я думаю, укол успокоительного не понадобится. Он же не будет сопротивляться. Да? — и посмотрел на Петра.

Петр сказал «да», но сам обдумывал, как отсюда сбежать. Когда желтый капюшон вышел, он спросил:

— А это кто был?

— В желтых балахонах — Корректоры. — ответил красный.

Потом открыл чемоданчик, достал оттуда шприц, подошел к Петру, не ожидая всего, что последует дальше.

Петр выбил из руки Редактора шприц, ударил его по голове и попытался убежать через дверь. Но дверь была заперта. Петр в отчаянии тарабанил с криком:

— Выпустите меня отсюда! Меня хотят убить!

Человек в красном капюшоне нажал на тревожную кнопку и прокричал:

— Вызовете Больших и седативного принесите.

Быстрыми шагами подходит к тарабанившему в дверь Петру, пытается его оттащить оттуда.

Петр начинает драться. Его силы явно превосходят силы Редактора.

— Тебе не удастся меня убить! Я Большой, а значит, сильнее тебя.

— Я не собирался тебя убивать. Я вообще не могу этого сделать даже при большом желании, это не в моей власти. Ты болен!

Петр мечется по кабинету, пытаясь найти какой-то потайной выход.

В дверь стучат. Петр открывает дверь, за дверью он видит космос. Шагает наружу, падает. На лету его подхватывают какие-то силы, и через секунду он опять оказывается в кабинете у Редактора. Там ему заламывают руки и кладут лицом в пол.

Смуглый человек арабской наружности в белой накидке и с куфией на голове.

Еще через секунду к нему подошел мужчина со звездой Давида на груди, в черной шляпе и с пейсами, надел на него наручники, один из браслетов которых прикрепил к ножке стола.

— Стол неподвижен, ему миллионы лет, он врос в пространство — выдержит.

— Кто вы вообще такие? — хрипит Петр.

— Мы Писатели, Большие. — ответил ему мужик арабской наружности, поправляя саблю в ножнах, висящих у него на поясе.

Редактор обеспокоенным голосом набирает Корректора:

— Пригласите всех Писателей Отдела, пожалуйста. У нас намечается совещание.

— Какая честь! — иронизирует Петр. — Совещание из-за жалкого человечешки.

— Ты не жалкий человечешка, ты один из нас. Мы должны тебе помочь, — входя, бросила ему молодая женщина, на вид лет тридцати трех, в строгом офисном костюме, с крестом на груди.

Потом повернулась к арабу и другому, с пейсиками:

— Давайте как-то гуманнее ребята, каждый из нас мог оказаться на его месте! Вочеловечивание затягивает. Сама была на волосок от этого две тысячи лет назад.

Петр почувствовал, как его тело приподняло, и он оказался на кушетке, довольно удобной. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но не смог.

— Действует седативное. Пока так. — прокомментировал Редактор, считав намерения Петра. — Не бойся. Ничего плохого не произойдет: страх, гнев, борьба — все это последствия твоего вочеловечения. Мы сейчас сделаем детокс, и все будет, как прежде. Тебе дадут отпуск, а потом ты обязательно напишешь что-то хорошее. Детоксикация будет проходить примерно 40 земных лет. Но тебе покажется, что все закончится гораздо быстрее, тут время идет по-другому. Каждый из Писателей нашего отдела будет помогать тебе приходить в себя, выравнивая твою энергию, которая под действием вочеловечивания исказилась. Твои вселенские клетки в ходе этого погружения будут восстанавливаться, и ты постепенно будешь избавляться от своей человеческой зависимости. Твоя земная ипостась, Петр, больше не понадобится. И он умрет, когда там на Земле, выйдет из транса.

В комнату зашли еще несколько человек, расставили стулья по кругу так, что в середине оказалась кушетка с Петром, и сели. Всего стульев было восемь, один остался пустым. Петр ощущал, как постепенно тревожность уходит из него, и он начинает испытывать интерес, чувство, которое, как сказал Редактор, движет человеческой цивилизацией, но которое забивается страхом. Интерес — это то, что связывает Больших и людей на первом уровне.

— А потом? Следующий уровень какой?

— Следующий — любовь, — ответил редактор и обратился к сидящим на стульях. — Можете начинать.

Первым заговорил мужчина с пейсами и Торой в руках. У него была правильная речь, очень многосложная, и немного скучная, как показалось Петру.

— Я Яхве. Первым в твой проект пришел Я. Я смог добиться того, что мои люди, разбросанные по всему земному шару, сохраняют суть нашего замысла. Моих персонажей все еще называют богоизбранным народом. Это, конечно, искажение моих идей, но что поделаешь, люди живут своей жизнью, когда ты их создал, даже если ты изначально все спланировал и явил им парочку чудес. На меня была возложена особая миссия — донести идеи Писателей до человечества и посредством этого помочь человечеству приблизиться к Большим. Для реализации этой идеи я заключил с еврейским народом Завет и дал ему заповеди, Писательский завет, который невозможно отменить. Им пришлось не просто, потому что с одной стороны Писательский Завет дает поддержку Большим, с другой, он налаживает на людей высокий уровень ответственности. Через мои книги они усвоили принцип полного господства духовного начала над материей. Но я им также показал, когда воплотился в Моисея, что материальный мир тоже ценен.

— А прикол, — вмешался здоровый мускулистый мужчина, — я наблюдал, как ты коллег из другого отдела обвел вокруг пальца, когда переходил море посуху. Вот нафига ты их людей потопил? Пришлось им тогда сюжет менять. Но молодца, это было красиво!

— Продолжу? — вежливо перебил его Яхве. — Я вручил человеку господство над материальным миром, чтобы через материальное тело и в материальном мире осуществить своё идеальное предназначение. Помню, тебе тогда это понравилось, Черноголовый. Я дал им Тору, повторяя молитвы из которой человек может достучаться до меня. Я так усердно работал над этой темой, что до сих пор моих персонажей не любят персонажи моей дочурки за то, что мои умеют обходиться с материальным. Да, Кристи? У тебя с этим туго.

Молодая женщина с крестом на груди фыркнула.

— Папа, ты же сам меня позвал в этот проект. Сказал, что люди ждут Мессию, послал на стажировку. А они распряли мой аватар.

— Перегибы на местах. — прокомментировал мужчина с пейсиками. — Зато это дало тебе такой толчок к написанию бестселлера! А вот мои персонажи до сих пор ожидают прихода Мошиаха. Надо как-то уже поправить, чтобы второй раз не облажаться. А то они до сих считают, что Мошиах принесет им политическое освобождение, соберет всех евреев в израильских землях и наладит миропорядок на всей земле.

— Да уж, это проблемка. — вмешался молодой мужчина арабской внешности. — Мои с твоими никак маленький клочок Плодородной поделить не могут. Это в общем не честно. Если ты раньше пришел, это не значит, что твои должны в землях Плодородной остаться до второго пришествия, которое к тому же еще не ясно, будет или нет. Приходится постоянно с корректорами сидеть, когда работаю над этим небольшим куском. Надо делать уже что-то. Корректоры бесятся.

Далее слово взяла молодая девушка, аккуратно одетая в строгий офисный костюм, на груди у нее красовался большой крест.

— Я Кристи. Меня пригласил в проект папа, — она указала на Яхве. — Это был мой первый серьезный проект, я очень боялась его провалить. Но папа настаивал, и я решилась. Во время той жизни, когда я пришла в аватаре человека 2000 лет назад, я тоже чуть не подседа на человечность, как и ты, Черноголовый. Папа оказался рядом, он наблюдал за мной, поэтому быстро среагировал, и все обошлось, детокс не понадобился. Но именно такое глубокое погружение позволило мне написать бестселлер.

— А мы что, не по очереди вхождения в проект будем рассказывать? — возмутился мужчина, одетый в пеструю одежду. — Развели тут родственные связи, понимаешь.

— Прекрати, брат! Не множь сомнения и страдания, — перебила его девушка в сари, с татуировкой в виде лотоса на левом плече. — Пусть говорит.

Кристи посмотрела с укоризной на мужчину в пестрой одежде и продолжала.

— Моя книга как часть проекта получилась довольно объемной, поэтому пришлось впоследствии разделить ее на три, чтобы людей на запутать. На земле эти три книги назвали «Православие», «Католицизм» и «Протестантство».

— Ха, только в чем их существенное различие? — перебил ее тот же мужчина в пестрой одежде. — Это лишь тебе и понятно. Зачем это вообще нужно было делать? Какая разница, сколькими перстами они крестятся и в какой день они празднуют воскрешение твоего аватара? Вон сколько драк развели из-за этих различий. Про темные средние века я вообще молчу. Зачем ты сталкивала их между собой?

— Да и не только их! — подхватил мужчину арабской наружности. — Ты своих и в мой роман отсылала. Эти крестовые походы — одно из самых твоих неудачных мест. Шума много, результата мало. Ты хоть бы тогда предупредила, чего хочешь.

— Если бы я предупредила, было бы не так интересно. Спонтанность — наше все.

— Спонтанность? — продолжал араб. — Ты шутишь? Где ты и где спонтанность?

Он встал со стула, выпрямил спину, его балахон резко сменился на женский деловой костюм.

— Сейчас я расскажу, на что похожа твоя спонтанность. Это выглядит примерно так. Кристи работает, пишет, или там редактирует, уж вечер наступил. Приходят к ней друзья, коллеги, приглашают ее с собой, ну там отдохнуть повеселиться во Вселенском баре, ну или на концерт куда. И что же говорит Кристи? Я бы очень хотела. Но! График, у меня есть график, а все, что не по графику, на фиг! Приходит к Кристи поклонник. Хотя стоп! У тебя же куча по-

клонников и ни одного постоянного парня, потому что график, у тебя же график. А если бы пришел, то ты бы ему ответила: сейчас запишу тебя в свой график, наша встреча состоится по графику через 5 тысяч лет. Ну и так далее. У Кристи есть график, а все, что не по графику на фиг, на фиг, на фиг.

— Вообще не смешно, Инкогнито, — сказала Кристи, которая все это время, пока тот говорил, что-то записывала в свой блокнот. — Вы вот все на меня накинулись. Но между прочим, без меня вы все бы писали медленнее, я вас подтягиваю по срокам!

— Ну это да! — согласился здоровый мужик с татуировками в виде черепов.

— А еще я принесла и посеяла в людях мысли, что Бог есть Любовь и только Любовь. Греховность человека — причина его несчастий, потому что грехи забирают много энергии, и ее совсем мало остается для любви. И да, Инкогнито, мой тебе ответ. Знаешь, почему мои тогда пошли в походы против твоих в средние века?

Инкогнито уставился на Кристи, пытаясь угадать, в чем же будет подвох. Но у нее не было таких планов, и она просто продолжила свою мысль:

— Мои пошли на твоих, чтобы твои их полюбили. Им не хватало любви.

— Интересный поворот! — ответил Инкогнито, — мои идут убивать, когда хотят совершить джихад.

— Давай ты будешь следующим, это в нашем проекте логично, ты туда пришел предпоследним, после тебя был только Череп. Но раз уж зашел разговор о джихаде. — предложила Кристи.

— Я Инкогнито. Племянник Яхве. — взял слово мужчина арабской наружности. — Джихад — очень важное понятие, но персонажи Кристи его никак не могут разгадать. Мне кажется, мы все недостаточно хорошо выписываем людей. Они у нас получаются какими-то плоскими.

— Почему ты так думаешь? Люди вроде у всех хорошо получаются в нашем отделе, — не согласилась Кристи.

— Можно будет сказать, что они хорошо получились, тогда, когда они перестанут людям из других романов навязывать свое мировоззрение. Твои до сих пор говорят, что Джихад — это убийство. А Джихад — это высшее проявление любви через внутреннее самосовершенствование на пути к Большим, борьба со своими страстями, разделение добра и зла. Поэтому с теми, кто идет во зло, нужно расправляться. Это мое ноухау. Мне нет нужды копаться в мусоре, мои персонажи делают это за меня по той программе, которую я в них записал. Существенно облегчает рутинную работу и оставляет время на более важные дела. Да, следование программе требует выполнения формальных условий, но это очень организует моих людей, и им не нужно постоянно переживать о том, как твоим, Кристи, что они куда-то не успевают: они совершают молитву пять раз в день, соблюдают пост-молитву в особый месяц, подают милостыню, ну, и поход в священный город. Кто продолжит?

Редактор, сидящий неподалеку и внимательно наблюдающий за Петром, предложил, чтобы следующим был мужчина средних лет в яркой рубашке.

— Шива, давай ты продолжишь.

— Я Шива, в твой проект, Черноголовый, я пришел третьим. Вам с Яхве показалось, что проекту не хватает полета и разнообразия, и вы позвали меня. Вы это сделали из-за того, что у меня была очень подробно разработана концепция перевоплощения душ. Вы посчитали, что люди слишком боятся смерти, и это мешает им познавать и приближаться к Большим. А моя концепция реинкарнации побеждает страх смерти. Если после смерти твоя душа переселяется в другое тело, молодое, красивое, полное энергии, и тебя ждет новая жизнь, возможно, более интересная и счастливая, то зачем бояться смерти? Как человек, сбросив с себя старые одежды, надевает новые, так и душа вхо-

дит в новые материальные тела, оставляя старые и бесполезные.

— Да, тут ключевым является слово «возможно». — хихикнула женщина средних лет, с татуировкой в виде лотоса. — Возможно, ты станешь в следующей жизни счастливым, здоровым и богатым, но, возможно, ты станешь бездомной кошкой. Да и к тому же, чтобы получить более приятную жизнь, в текущей нужно выполнять кучу требований. И даже если тебе это удастся, и ты в следующей жизни станешь красивым и богатым, то надо учитывать, что люди не бессмертны, и они стареют. То есть ты все равно станешь старым и больным. Так зачем этот бесполезный и бесконечный круг перерождений?

— Мы все знаем твою позицию, Сани, до тебя тоже очередь дойдет, сестра, — прервал ее Шива. — Вот персонажи Кристи или Инкогнито и даже твои, Яхве, они всегда, даже будучи глубоко верующими, имеют некое сомнение: «А вдруг там нет ничего?», «А вдруг мы там никому не нужны?». Пожалуй, только персонажи Сани тоже не боятся, но эту идею она сперла у меня. Да, Сани, кто-то слишком много роется в чужих снах, и крадет из них чужие образы и мысли. — он посмотрел на нее с укоризной. — Мои с молоком матери впитывают веру в то, что смертью жизнь не заканчивается, она только начинается. Именно поэтому мои персонажи не оплакивают умерших людей, а, наоборот, празднуют это событие. Сейчас очень многие ваши верят в это, хотя вы их этому не учили. Потому что это гениальная идея. А то, что касается кармы, по-моему очень рабочая тема. Это возвращает человеку его ответственность и дарует осознание себя активным участником созидания Вселенной.

— А что насчет каст у твоих персонажей? Тебе не кажется, что это уже лишнее? — спросила Кристи.

— Эх, больших переселений народов. Когда я пришел к людям, чтобы продолжить писать их историю, эта система у них уже была. Индоевропейские племена еще на своей

прародине, в причерноморских и прикаспийских степях, имели социальное деление: жрецы, воины и земледельцы. Его они и принесли на занятую территорию современного Ирана и Южной Азии, а уже потом часть этих людей пришли в мою индийскую книгу. Я, конечно, мог их не впустить. Но мне стало интересно поэкспериментировать. Переборщил с катализаторами. Да и людей из чужого романа переписывать не так уже просто.

— Именно эта кастовая система побудила меня включиться в ваш проект, — подхватила женщина средних лет с татуировкой в виде лотоса. Помните? — Она посмотрела в глаза Петру.

Тот начал что-то вспоминать про страдания и колесо сансары. Но пошевелиться не мог. Женщина продолжила:

— Я Сансара, все Большие называют меня Сани.

— Она самая интеллектуальная из нас! — подхватил мужчина с черепами. — Как до такого вообще можно было додуматься! Мне б твой мозг, я бы переписал весь мир.

— Слава богу, что у тебя его нет! — съязвила Кристи. — Ты и с твоим-то мне периодически гадишь. Вообще не понимаю, зачем тебя Редактор позвал в проект. Ты нам с Сани все карты портишь. Интеллект должен сочетаться с любовью, иначе можно так мир перевернуть, что это разрушит его. Не знаю, понравится ли такое Издателю.

Редактор ухмыльнулся:

— Между прочим, Черепа мне именно Издатель и посоветовал пригласить в проект.

Писатели с удивлением посмотрели на него, но промолчали.

— Сани, продолжайте, — сказал Редактор.

— Так вот. Я принесла мысль людям, — продолжила Сани, — что в основе всего — Высший разум, наш Издатель, который является первопричиной всего существующего. Люди перестали циклиться на Больших и посмотрели даль-

ше. Но для этого пришлось перенести центр восприятия с человеческой жизни на Ничто.

— Мне вот именно это твое Ничто и кажется полной хренью. — откомментировал Череп. — По-моему, какая-то умо-зрительная идея, которая людьми сложно воспринимается. Они же не боги. Ты понимаешь, им чем проще, тем лучше. Человек по природе своей не совершенен. Ты слишком много возложила надежд на его Разум.

— Ну почему же? Если отдать познанию свою жизнь, то что-то может начать доходить. Некоторые очень преуспели в этом. Главное для персонажей — осознать, что вся человеческая жизнь есть страдание. А причина страдания — желания. Чтобы победить страдания, нужно избавиться от желания при помощи вот этого самого Ничто, которое я в своей книге назвала Нирваной. Для этого я и разработала восемь основных правил выхода из страданий. По-моему, все логично и понятно. Делай раз, делай два, три. Именно поэтому буддизм, как люди это называли по имени моего аватара, это не религия, а философия.

— 1) Осознать. Правильное понимание мира как удела страдания. 2) Намерение. Взять вектор на урезание своих пожеланий и стремлений. 3) Контролировать речь. То, что ты говоришь, должно быть доброжелательно, потому что люди думают вербально, то, как они говорят, создает то, как они думают, и соответственно, что они делают. 4) Делать добро. Поступки должны быть добрыми. 5) Ненанесение ущерба. Стараться не приносить вреда всем живым существам. 6) Контроль Разума. Изгонять злые мысли и настроиться на добрые. 7) Примат разума над телом. Осознать, что плоть человека есть причина страдания. 8) Настойчивость. С усердием и терпеливостью стараться делать все вышеперечисленное, шаг за шагом, капля по капле. Большой путь через маленькие шаги. У меня все, господа, кто следующий.

— Ну давайте уже я, — сказал старик с седой клиновидной бородкой и узкими глазами, лениво попивая чай. — Я

Фуци Кон, автор Поднебесной. И, между прочим, согласен с приматом философии над религией для развития человечества. Я своим сразу устроил апокалипсис. Они поняли, что мир уже умер. И теперь все персонажи живут в мире «после», работают, трудятся, сами пишут свои образы, пока автор, то есть я, попивает чаек. В чем различие с концепцией романа Сани? А в том, что если у нее философия чистого разума, то в основу моего произведения положена философская этика. Поведение — вот основа успеха! В сюжете моего романа правила поведения каждого персонажа и гражданина великой державы. Вот как у Инкогнито. Правда, моя концепция более проработана, да и эмоций в ней меньше, потому моих персонажей больше миллиарда.

— Конечно, тебе легче их контролировать. — с оттенком легкой претензии сказал Инкогнито. — В основной своей массе они живут на сравнительно небольшой территории, мои не так едины. Да и когда я пришел, пришлось иметь дело с разными верованиями внутри групп. А ты все делал почти с чистого листа. Готовился долго. Писать с чистого листа всегда проще, чем переделывать чьи-то труды.

— Не только и не столько это, — спокойно и размеренно продолжил Фуци Кон. — Я в основу их поведения положил вполне осязаемую категорию — государство. Надо было сформировать сильный сюжет, а потом уже под него подгонять персонажей. Вот вы все сочиняете, исходя из персонажей, а я — из сюжета. Государство стало моим сюжетом. А для сильного государства важен, конечно, человеческий фактор, ну, и преемственность поколений. Самым трудным в этом было заставить людей действовать как должно, поскольку каждый человек ленив по своей натуре. Но я тоже, и поэтому я знаю, как управляться с человеческой ленью. Люди, даже понимая, что живут и действуют неправильно, не хотят заниматься перевоспитанием себя самих. Я им помог, воспользовавшись их же ленью.

— Хитрый ход! — вставил Череп. — Надо взять на вооружение.

Фуций Кон, не обращая внимания на сторонние реплики, продолжал:

— Я придумал опираться на культ предков! Это естественно для человечества. Даже сейчас у многих моих персонажей этот культ сохраняется, почти в каждой семье можно встретить алтарь, на котором курятся благовония, и в трудные минуты люди обращаются к помощи предков, мудрых и все понимающих. Умершие не говорят, ничего не делают, поэтому являются образцом для подражания, неким эталоном правильного поведения. Моя книга и сейчас — это не просто символ, это особый ритуал жизни, влияющий на становление и мировоззрение каждого гражданина.

Остался последний участник совещания, которого все называли Череп. Он выглядел как здоровяк, тело которого испещрено татуировками, изображающими разные виды черепов с многочисленными стилистическими деталями. Череп встал, подошел к Петру, снял куртку и майку, покрутился перед ним.

— Ну что, не припоминаешь?

Петр хотел кивнуть, мол, нет, но седативное все еще действовало.

Ну тогда я напомню. В ваш проект пригласил меня именно Редактор, когда вы все стали страдать высокомерием и постепенно влияние на персонажей стало меньше. А персонажей становилось все больше и больше, они путались между собой. И вы стали выбирать форму, а не содержание. Вы все, кроме тебя, Черноголовый, были против моей кандидатуры. Особенно Кристи.

Он посмотрел в сторону Кристи, как отвергнутые молодые мужчины смотрят на девушку, из разряда: «А виноград-то зеленый».

— Когда-то я написал книгу, довольно популярную в своем жанре, в серии «Скандинавия». Это был боевик

с элементами хоррора, простой, добротный текст, но уже отживший свое. До него у меня были наработки, несколько незаконченных романов. И вот с этими кусками я пришел в проект. В общем, в проект я внес следующие идеи. Первая — мир людей сотворен не истинным Творцом, а злым ограниченным демиургом, который несет ответственность за все творящееся во Вселенной зло.

— Ха, — вклинилась Кристи, — мы все знаем, откуда эта твоя идея. Тебя Издатель просто не хотел печатать. И правильно делал, ему твоя одержимость словом зачем? Ты застал обиду. Ему нужен проект, который окупит все энергетические затраты. Бизнес — ничего личного. Что там по второму пункту?

— Тебе доставляет прямо истинное удовольствие меня задевать! Но время же показало, что люди часто выбирают меня.

— Кто тебя выбирает?

— Ну как кто? Вон Петр, в которого в 21 веке воплотился Черноголовый, из страны, персонажи которой живут в моем мире, а думают, что в твоём. Ловко я их, да? Надо захватывать умы правителей людей, а они сами уже все сделают. Их Светлоликий же — чистый агностик! Служитель Черепа! И вообще, в чем я был не прав? Разве в том, что мир людей — самый худший и низший из всех миров? В этом что ли?

— Ну, это спорное утверждение, — вмешался Фуций Кон, — по мне очень даже себе приличный и удобный мир.

— Зато я, в отличие от некоторых, точно не стану человеком, — он с укором посмотрел на Кристи и Инкогнито.

— Самая твоя гнусная идея — это про богоизбранность некоторых людей по рождению, просто потому что они родились уже богоизбранными. И ничего не надо делать, они уже избранные. Война между Страной и Соседней Страной твоих же рук дело? — предположила Сани.

— Да, я написал в своем романе, что некоторые из людей сотворены непосредственно Издателем и могут познавать исходящую от него истину и, просветленные этой истиной, спастись из мира зла и вернуться к Издателю.

— Но это же наглая ложь! Издатель не создает персонажей, их пишем мы, Писатели! — возмутился Шива.

— Да какая разница! Они все равно не смогут постичь не то что замыслы Издателя, но и замысел Писателей.

— По правде сказать, — вмешался Яхве, — замысел Издателя и мы, Писатели, постичь не можем. Возможно, только Редактор что-то о нем знает.

Петр уставился на Редактора, остальные тоже посмотрели на него в едином порыве. Тот начал оправдываться:

— Да, но это моя работа! Да и зачем вам все эти детали? Поверьте, друзья, это такая рутина, в ней нет ничего интересного. Я на самом деле даже немного вам завидую. Но каждому свое, как говорится.

— А почему один стул пустой? — наконец, получилось сказать у Петра.

Похоже, его тело начинало двигаться.

— А это стул Атеизма, — сказал Редактор. — На самом деле нет никакого Атеизма, нет Писателя с таким именем. Просто каждый из Писателей иногда устает и садится туда отдохнуть.

— А что с символом рыбы? Человек в коричневом капюшоне говорил о людях рыбы, еще амулет Шарумкена, сундук с изображением рыбы в Хранилище.

— Это символ нашего проекта. Наша печать. — отвечал Яхве. — Мы еще когда с тобой вдвоем были в проекте, принесли символ рыбы людям. Но благодаря Кристи теперь о нем знают все, даже те персонажи, которые не входят в наш проект. А так он присутствует в книгах всех писателей нашей книги.

— Но почему рыба? — не унимался Петр-Черноголовый.

— Символ рыбы тесно связан с символизмом воды, водной стихией. — продолжил Яхве. — Вода — первоначало исходное состояние всего сущего, источник жизни. Поэтому рыбы, свободно обитающие в воде, в первозданном океане, наделяются демиургической силой, то есть являются как бы символом предков людей. Мы с тобой эти предки, те, кто создал людей нашего проекта. Мы с тобой рыбы. По-моему, красивый символ. Вода также ассоциируется с бессознательным, в глубинах вод скрыто знание, которое трудно добыть человеку, но которое доступно рыбе. Вода очищает, ритуальное омовение символизирует второе рождение, возвращение к первоначалу, поэтому рыба, живущая в воде, олицетворяет надежду на новое рождение. В общем, в символе рыбы мы с тобой зашифровали послание к нашим персонажам. Такая пасхалочка своего рода.

Черноголовый начал приходить в себя. Рассказы других Больших отзывались в нем какими-то странными воспоминаниями. Он видел картины из разных эпох, соответствующие темам, о которых рассказывали Писатели. Но память полностью не вернулась к нему.

— Я все равно мало что помню, — сказал он вслух, — поднимаясь с кушетки.

Остальные с настороженностью смотрели на него. Не выкинет ли он что на этот раз? Черноголовый перехватил их взгляды:

— Я не буду ни с кем драться, успокойтесь. — и, посмотрев на Редактора, продолжил. — Что мне теперь делать? Что мне делать с Петром?

— С твоим телом на Земле надо заканчивать. Оно тебе больше не нужно, особого интереса Петр как личность не представляет. Он неплохой малый, но совершенно бесполезен. Вообще твой выбор аватара был странен.

— В моем выборе точно был смысл. Я это чувствую.

— Какой? — поинтересовался Череп.

— А вот этого я не помню. Это мне еще предстоит разгадать.

— Не надо ничего разгадывать, — подхватил Редактор. — Теперь это уже не имеет никакого смысла. Спецоперация закончена. И я не хочу даже знать, где ты был четыре тысячи лет. Важно, что мы тебя нашли. Ты сможешь продолжить свой проект. Но для начала мы должны провести детоксикацию. Это займет какое-то время. Коллеги справятся пока без тебя. К тому же это будет недолго. Земных около сорока лет, плюс — минус, как пойдет.

— А что будет с Петром?

— Он умрет. Мы сейчас отсоединяем его тело от тебя, у него будет сердечный приступ или оторвется тромб.

— А давайте я на него метеорит скину! — с воодушевлением предложил Череп.

— Пожалуй, это уже будет слишком. — отреагировал Редактор. — К тому же он сейчас в доме Ирины, а она нам еще может понадобиться. Сердечного приступа Петру будет достаточно.

— Стоп. Мы так не договаривались. Я не хочу, чтобы Петр умирал, он не заслужил этого. — Черноголовый намеревался сохранить жизнь Петру во что бы то ни стало.

— Смерти никто не заслуживает, она просто приходит, — высказалась Кристи.

Редактор продолжал:

— Детокс только начался, ты еще испытываешь жажду к людям, ты ощущаешь себя человеком, так как человечности в твоей крови пока много. Но поверь, это пройдет. Тебе нельзя возвращаться в тело, этим ты можешь себя убить.

— И что, совсем нельзя ничего сделать? — настаивал Петр.

— Ну кое-что можно, — ответил Редактор, — но это надо согласовывать с Издателем. Сам я таких решений не принимаю. Если Издатель даст добро, то он пришлет Инженеров связей, Петра отключат от тебя, и он сможет прожить свою

человеческую жизнь, как все. Но лишится твоих суперспособностей.

— А как же его душа? — спросил Черноголовый. — Разве могут жить люди без души?

— А он не будет жить без души. Дело в том, что Земное время и Космическое не совпадают. Пока ты будешь на детоксе, твоя связь с ним полностью не разорвется, но будет становиться все слабее. Ваша связь оборвется с последним атомом выведенной из тебя человечности. По земным меркам это произойдет лет через 40. Так что проживет еще твой Петр. Но хочу предупредить, детокс будет тогда происходить намного жестче и болезненней для тебя. Соединить с Издателем?

— Да, если это даст возможность Петру еще пожить, я согласен.

Редактор поставил прибор-телефон на громкую связь. Трубку сняли после первого гудка. Голос в телефоне был высоким и звонким.

— Я даю добро, Черноголовый! Я знаю, через что ты прошел. Когда-то давно я сам был в такой ситуации. И да, думайте потише, вы забыли, что я могу читать ваши мысли? Кристи и все, отвечу на ваш невысказанный вопрос: Всемирный Потоп — не моих рук дело.

Он замолчал, как будто взял паузу, чтобы предаться воспоминаниям. Потом продолжил:

— Всем пока. Инженеры связей придут в самое ближайшее время.

Короткие гудки.

— Петр, Петр, просыпайся, хватит уже!

Ира трясла Петра за плечо.

— Что такое? Где я? — закричал Петр, вырвавшись из транса.

— Ты у меня в салоне. Так глубоко погрузился. Я уже не знала, что с тобой делать. Расскажи, что ты видел?

— Я не помню, — сказал Петр.

И это было правдой. Последним его воспоминанием было то, как он в кабинете Ирины пьет чай.

— Видимо, Сережа переборщил с травками. — объяснила Ира. — Я вызову тебе такси.

Когда Петр ехал домой, он не мог отделаться от странного чувства, что забыл о чем-то важном, но никак не мог вспомнить, о чем. Листая страницы на экране своего телефона, он обнаружил, что находится на сайте, который продает билеты по всему миру. Он набрал Машу.

— Привет! Ты готова уехать со мной?

Видимо, ответ был положительный.

— Навсегда. Уедем отсюда.

— ...

— Завтра поезд из Города в Столицу. Вылет из Столицы в Южную страну с пересадкой в 11.30.

Потом он набрал Элеонору:

— Рад тебя слышать! Я видел Андрея, вчера он приходил со мной попрощаться. Попросил передать тебе одну вещь, я зайду к тебе сегодня?

Положил трубку, посмотрел на амулет, лежащий у него в кармане, попросил водителя такси остановиться у ближайшего мусорного бака. Выкинул амулет, сел в машину.

— Давайте поменяем маршрут, в ЦГБ отвезите меня.

— У вас кто-то там из родственников?

— Ага, отцы.

Водитель посмотрел на него с недоверием, но ничего не сказал.

Обоих отцов Петр нашел быстро. Виктор и Георгий лежали в соседних палатах, оба под аппаратами искусственного жизнеобеспечения. Он зашел к одному, потом ко второму. Обоих он поблагодарил за жизнь. Линия жизни обоих зигзагообразно тянулась слева направо.

Один. Петр выдернул трубку изо рта Виктора.
Два. Петр выдернул трубку изо рта Георгия.
Линии жизни превратились в прямые линии.
Петр шел домой собирать вещи, чтобы уехать навсегда.
Дух города пожелал ему счастливого пути.

ЭПИЛОГ

Человек в красном балахоне с капюшоном шел по длинному коридору, застывшему в неподвижном ожидании. Казалось, это пространство только и ждало какого-то хаоса, чтобы хоть на немного исказить реальность. Но тщетно. Красный капюшон умел не создавать лишних движений. Открыв одну из дверей, ровной линией располагающихся по обе стороны коридорной группы, он оказался в библиотеке, уставленной многочисленными шкафами, на которых виднелись разные символы. За столом сидел человек в коричневом балахоне с капюшоном и увлеченно уплетал рыбу, от которой немного пованивало.

— Вобла, — произнес Коричневый Капюшон вместо приветствия. — Надо сказать, весьма специфический вкус у нее. Вы слышали про Воблу, дорогой друг?

— Ты опять смотришь это кино о Стране?

— Надо признать, это довольно увлекательно, особенно когда у них Вобла с Соседней Страной.

— Я к вам по делу.

Вытерев засаленные пальцы, Коричневый капюшон с интересом уставился на посетителя:

— Что, опять Петр?

— Нет, его теперь курируют другие специалисты. А у Вас новое задание.

Красный капюшон полез в карман, долго шарил там, и, наконец, достал картридж.

— Вот. Давайте я введу вас в курс дела.

Человек в коричневом капюшоне надел шлем дополненной реальности, лежащий до этого без дела в ящике стола, и погрузился в активное созерцание.

— Чтoб тебя черт побрал! Куда ты лезешь, нехороший ты человек! — эмоционально орал таксист, открыв окно своей машины. — Эй, слышь, ты куда прешь! Поаккуратней. Это Южная Страна, тут правила соблюдать надо. Это тебе не там.

Он резко нажал на тормоза — противный скрежет разрезал пространство не случившейся бедой.

— Тебе жить надоело?! Идиот! Глаза разуй, зеленый свет для машин! — испугавшись, разразился ругательствами таксист Южной Страны, на секунду представив, как бы его затаскали по судам, если бы он сбил этого невнимательного пешехода.

— Извините, я задумался, — ответил человек высокого роста с глубокими зелеными глазами.

Таксист, продолжая выкрикивать ругательства, поехал дальше. А к молодому человеку, который уже перешел дорогу, подошла беременная женщина.

— Петя, надо было уехать за тысячу километров, чтобы умереть здесь под колесами местного такси! Ты в порядке?

— Я что-то совсем невнимательным стал. Торопился, хотел цветы купить тебе, не успел — он улыбнулся и обнял ее. — Кто у нас будет: мальчик или девочка? Что УЗИ показало?

— Ребенок повернулся попой, пока не знаю. Но главное, что все в порядке, и с малышом, и с тобой.

Она нежно поцеловала Петра в щеку и обняла его.

— Да, Маша, главное, что все в порядке. И мы наконец можем просто жить.

«Ну дай бог, дай бог». — подумал Человек в коричневом капюшоне. Отвлекся на секунду. А когда вернулся к про-

смотрю, увидел на экране надпись: «Конец ознакомительного просмотра».

С удивлением посмотрел на Человека в красном балахоне.

— Ой, кажется картридж перепутал. Вы же теперь не занимаетесь Петром. Это я для специалиста из соседнего отдела прихватил. У вас теперь вот, ознакомьтесь.

И он протянул другой картридж, выглядевший совершенно похожим образом.

— Позвольте, но я бы хотел пояснений.

— Это решение самого Издателя. Из соображений безопасности. Это все, что я знаю. Думаю, ваше новое назначение вам понравится.

Красный капюшон вставил картридж в компьютер, жестом пригласил Коричневого к просмотру и добавил:

— Шлем надеть не забудьте. Чтобы поярче. Ага, вот так. Его лицо осветилось самодовольной улыбкой.

А Человек в коричневом капюшоне почувствовал, что ему довольно некомфортно ночью стоять на ветру. Он оказался в теле охранника, который стоял на входе в барак, где содержали пленных Соседней Страны, захваченных в последнем бою.

Человек в коричневом капюшоне снял шлем.

— Я что, за охранником теперь слежу? Это все, чего я заслужил после стольких сложных дел?

— Да ну что вы, это я вас в его голову отправил для максимальных ощущений. У вас другой персонаж будет. Смотрите внимательно, не прерывайтесь.

Человек в коричневом капюшоне снова надел шлем.

— Эй, Санек, слышь, — обратился охранник к своему напарнику, — у тебя сигареты есть, а то я свои в казарме забыл.

— Санек пошел пописать. Но у меня есть, — раздался женский голос.

— Элка, ты че не спишь?

— А то ж ты не знаешь. Обход у меня перед сном.

— А, этих, нациков? А че ты одна поперлась туда, это ж опасно.

— Что они мне сделают? У них даже оружия нет. А у меня табельное. Да и не одна я. Со мной капитан наш ходил.

— Я вот не пойму тебя, Элка. Зачем ты сюда приперлась? Ты же не идейная. Да и деньги тебе не нужны. Вот скажи, что заставляет тебя на кровь и мясо на войне смотреть? Особенно у этих? Ты ж и их лечишь тоже. Как тебе только не противно?

— А ты думаешь их мясо отличается от твоего?

— Ты опять их защищаешь! Слышал бы это капитан, — охранник начал заводиться.

— Слушай, не кипятись, — Элеонора протянула охраннику сигарету и закурила сама.

Они курили молча, и когда красный огонек на сигарете истлел, Эллочка подошла к охраннику, посмотрела и полупшепотом сказала.

— Тр**аться хочется. Может, перепихнемся?

— Элеонора, я очень даже за! Но я не могу же так. По тебе наш капитан сохнет!

— Да ну его на х*й, вашего капитана, мудака он.

Она подошла, взяла в ладони голову охранника и впи-лась своими губами в его. Он ответил ей. А она, улучив момент, шырнула ему шприц в шею, и через пару мгновений он упал.

Элеонора сняла с его пояса ключи, нашла тот, что открывает казарму с пленными. Проходя по коридору, увидела валяющегося и храпящего Санька, которого она уложила таким же способом при помощи укола снотворного. Почти бесшумно открыла дверь. Заключенные спали. Она тихо подошла к одной из кроватей, на которой лежал молодой человек.

— Андрей, все получилось, — прошептала она, — путь свободен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

За кадром	3
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	63
Глава 4	97
Глава 5	125
Глава 6	151
Глава 7	176
Глава 8	199
Глава 9	230
Глава 10	259
Глава 11	289
Эпилог	322

Ирина Владыкина

Спецоперация,
или Где вы были 4000 лет?

Редактор Сергей Ноздрин
Корректор Александра Черняхович

Боги. Люди. Любовь. Прошлые жизни, нынешние сны и реалии времени. Все соединилось на страницах этой книги. Терапевтический роман — текст, который заставит каждого взглянуть на себя с неожиданной стороны.

Роман Ирины Владыкиной рассказывает об обретении человеком смыслов собственной жизни, побуждает читателя взглянуть в свой внутренний мир и задуматься о предназначении. Причудливое смешение реальностей и времён помогает иначе взглянуть на происходящее в нашей жизни.

Вместе с главным героем романа читателю предстоит иначе взглянуть на реальность и отделить прошлое и настоящее... но возможно ли это?